

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
Уральского отделения
Российской академии наук

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 16

Выпуск 1

Екатеринбург – 2016

Главный редактор

чл.-кор. РАН, д-р юрид. наук, проф. **В.Н. РУДЕНКО**

Заместители главного редактора

Философия: к. филос. наук, доц. **К.В. КИСЕЛЕВ**

Политическая наука: к. полит. наук, доц. **В.С. МАРТЬЯНОВ**

Право: к. юрид. наук **В.В. ЭМИХ**

Международный редакционный совет

Д-р юрид. наук, проф. **А.С. АВТОНОМОВ**; д-р права, д-р полит. наук, проф. **А.С. ДУРАН**; д-р философии, проф. **Х.Х. АЛАРКОН** (Испания), д-р юрид. наук, проф. **А.Н. КОКОТОВ**, акад. РАН, д-р филос. наук, проф. **В.А. ЛЕКТОРСКИЙ (председатель)**; д-р филос. наук. **О.Ю. МАЛИНОВА**; проф.-исследователь **М.А. МАЛЬШЕВ** (Мексика); акад. РАН, д-р полит. наук, проф. **Ю.С. ПИВОВАРОВ**; д-р политологии, проф. **Т. РЕМИНГТОН** (США); д-р философии, проф. полит. наук и междунар. отношений **Р. САКВА** (Великобритания); д-р политологии **К. СИГМАН** (Франция).

Редакционная коллегия

Философия: д-р филос. наук, проф. **Ю.Г. ЕРШОВ**; д-р филос. наук, проф. **В.О. ЛОБОВИКОВ**; д-р филос. наук, проф. **К.Н. ЛЮБУТИН**; д-р филос. наук **Е.А. СТЕПАНОВА (ответственный редактор раздела)**; д-р филос. наук, проф. **Е.Г. ТРУБИНА**.

Политическая наука: д-р полит. наук **Е.Г. ДЬЯКОВА**; д-р полит. наук **С.В. МОШКИН**; д-р полит. наук, проф. **О.Б. ПОДВИНЦЕВ**; д-р полит. наук, проф. **О.В. ПОПОВА**; д-р полит. наук, проф. **О.Ф. РУСАКОВА (ответственный редактор раздела)**.

Право: д-р юрид. наук, проф. **О.И. ЗАЗНАЕВ**; д-р юрид. наук **М.Ф. КАЗАНЦЕВ (ответственный редактор раздела)**; д-р юрид. наук, проф. **С.В. КОДАН**; д. юрид. н., проф. **П.В. КРАШЕНИННИКОВ**; д-р юрид. наук, доц. **Н.А. ФИЛИПОВА**.

Журнал с 2011 г. включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), «КиберЛенинку», в базу данных Russian Science Citation Index на платформе Web of Science (RSCI), а также входит в международные базы данных EBSCO; Ulrich's Periodicals Directory; Open Academic Journals Index (OAJI); International Impact Factor Services (IIFS) – с 2014 г.; ERIH PLUS – с 2015 г.

Учредитель

Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук

Издается с 1999 г. Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России». Т. 1. «Газеты и журналы» 43669.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средств массовой информации
ПИ № ФС77-29547 от 14 сентября 2007 г.

ISSN 1818-0566 (Print); ISSN 2312-5128 (Online)

Адрес редакции: 620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
Тел./факс: 7 (343) 374-33-55. E-mail: admin@instlaw.uran.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

- Яркеев А.В.* Кантианская концепция радикального зла
и ее предел: этико-политические импликации5
- Давыдов Д.А.* После капитализма: свобода от отчуждения
или рентное забвение?.....20

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

- Бедерсон В.Д.* Политика идентичности регионов
современной России: сравнительные характеристики
персоналистских идентификаторов33
- Василенко Ю.В.* Генезис карлизма и проблемы типологии
испанского консерватизма92
- Сакаев В.Т.* Политико-демографические аспекты
иммиграции в Италии..... 112

ПРАВО

- Ларичев А.А.* Самоуправление коренных народов в Канаде:
концептуальные подходы и динамика правовой базы 135

C O N T E N T S

PHILOSOPHY

- Yarkeev, A.* Kantian conception of radical evil and its limits:
ethical and political implications5
- Davydov, D.* After capitalism: the end of alienation
or rental erasure?20

POLITICAL SCIENCE

- Bederson, V.* Identity policy of regions in contemporary Russia:
comparative characteristics of personalistic identifiers33
- Vasilenko, Yu.* Genesis of Carlism and problems of typology
of Spanish conservatism.....92
- Sakaev, V.* Immigration in Italy: aspects of political demography112

LAW

- Larichev, A.* Self-government of aboriginal peoples in Canada:
conceptual approaches and dynamics of legal framework.....135

ФИЛОСОФИЯ

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
2016. Том 16. Вып. 1, с. 5–19
<http://yearbook.uran.ru>

КАНТИАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАДИКАЛЬНОГО ЗЛА И ЕЕ ПРЕДЕЛ: ЭТИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ

УДК 111.84

Алексей Владимирович Яркеев

кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник
Удмуртского филиала
Института философии и права УрО РАН,
г. Ижевск. E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

В статье рассмотрено учение И. Канта о радикальном зле в аспекте возможности извлечения некоторых следствий, касающихся современных этико-политических размышлений. Показано, что на пределе последовательного развертывания представления о «радикальном зле» открывается такая перспектива восприятия кантовской моральной философии, в которой моральный Закон предстает как место полного совпадения подлинной этической позиции со злом, что было исключено самим И. Кантом в качестве невозможного «дьявольского зла»: эта разновидность зла не мотивируется «патологическими» соображениями, а потому полностью соответствует критериям морального поступка. Выход из этого тупика видится на путях субъективации морального Закона, когда моральный субъект берет на себя всю полноту ответственности по переводу абстрактного содержания категорического императива в свод конкретных моральных обязательств. Это соответствует структуре эстетического суждения в философии И. Канта. Кантианская рефлектирующая способность суждения открывает пространство субъективированного политического бытия.

Ключевые слова: радикальное зло, дьявольское зло, моральный Закон, категорический императив, идеология, субъект, эстетическое суждение.

В докантовской философии зло тематизировалось преимущественно в рамках теодицеи (оправдание Бога за существование зла в мире). Впервые именно И. Кант вывел проблему зла за пределы религиозной концептуализации (более того, он написал работу «О неудаче всех философских попыток теодицеи»), поместив его в самую сердцевину субъективности. Это получило у И. Канта выражение в представлении о «радикальном зле», свойственном самой природе человека. Прилагательное «радикальный» в данном случае означает не «абсолютный», «превосходящий всякую меру», а «исходный», «лежащий в основе», так как радикальное зло, как понимает его И. Кант, является *корнем* (radix) всего многообразия совершаемых человеком дурных поступков [Свендсен 2008: 145].

Проблема «радикального зла» была сформулирована И. Кантом в работе «Религия в пределах только разума» [Кант 1980]. Понимая добро и зло как две противоположные силы, И. Кант преследует цель «подкопаться» под традиционное понятие зла как чего-то, что испытывает нехватку в онтологической позитивности, то есть как простого отсутствия добра (последним из сторонников такого понимания зла был Г. Лейбниц). Если добро и зло являются противоположностями, тогда то, что противостоит добру, должно быть некой противодействующей силой, а не просто нашей невежественностью, нашей нехваткой способности проникнуть в существо истинной природы добра. Доказательство существования этой противоположной силы заключено в том факте, что *Я* переживаю моральный закон внутри меня как травматического агента, который приводит в действие невыносимое давление на само ядро моей самоидентичности и таким образом предельно умаляет мое личное самоуважение и себялюбие. То есть должно быть в самой природе *Я* что-то, противостоящее моральному Закону, которое отдает предпочтение «патологическим» интересам перед моральным Законом.

И. Кант подчеркивает априорный, а не эмпирический, характер этой предрасположенности к злу (момент, который позднее получил развитие у Ф. Шеллинга): пока *Я* есть свободное бытие, я не могу просто объективировать то, что во мне противостоит добру (говоря, например, что это часть моей природы, за которую я не несу ответственность); сам факт, что я чувствую себя морально ответственным за мое зло, свидетельствует о том, что во вневременном трансцендентальном акте я «всегда-уже» свободно выбрал свой внутренний характер, отдавая предпочтение злу перед добром. Говоря о «природе» человека, И. Кант отмечает ее особый характер, не тождественный с тем обычным понятием природы, которое обозначает то, что противоположно основанию поступков из свободы. Под природой человека подразумевается субъективное основание применения его свободы вообще. Но само это основание также должно быть, в свою очередь, актом свободы (в противном случае появляется какая-то «внешняя» причина, детерминирующая акт свободы, и тогда уже нельзя говорить о злом или добром в терминах морали).

Исходное субъективное основание принятия злых или добрых моральных максим можно трактовать как непостижимое (то есть трансцендентальное), поскольку оно доказывается тем, что это принятие свободно, а значит – основание его необходимо также искать не в естественных мотивах, а в некоторой максиме, у которой должно быть свое основание, и так далее до бесконечности. Таким образом, не природа является причиной вины человека (если он зол) или его заслуги (если он добр). Человек сам создает свой «злой» или «добрый» характер. Но поскольку первое основание принятия максим не может быть фактом, данным нам в опыте, то добро или зло в человеке «всегда уже» заложено в основу до всякого эмпирического применения свободы [Кант 1980: 90-92]. «Прирожденную» склонность ко злу, которая возникает по собственной вине человека, И. Кант и называет изначальной (*radikales*). Так понятие «радикальное зло» выражает себя в трех формах, степенях, которые связаны с разновидностью субъективного самообмана.

Первая, самая мягкая, форма зла выражает себя посредством апелляции к «слабости человеческой природы»: я знаю, в чем мой долг, я полностью осознаю его, но я не могу собрать достаточно сил, чтобы последовать его зову и не поддаться «патологическим искушениям». Ложность такой позиции располагается в скрытом за ней жесте самообъективации: слабость моего характера не является частью данной мне природы. У меня нет никакого права принимать эту позицию объективного наблюдателя самого себя для того чтобы удостовериться в том, что именно мне моя природа позволяет. Моя «природная диспозиция» определяет мое поведение только в той мере, в которой я в качестве свободного, автономного бытия осознаю их, так что полностью ответственен за них. Это та ответственность, от которой первая форма зла ускользает.

Вторая форма, несравнимо более опасная, инвертирует первую: в первой форме зла субъект, пытающийся удержать адекватное понятие того, в чем состоит его долг, открыто признает свою неспособность действовать соответствующим образом. Здесь же субъект прокламирует действие ради долга, необходимость быть мотивируемым исключительно этическими соображениями, в то время как на самом деле им руководят патологические мотивы. Образцовым примером здесь может служить строгий учитель, который верит в то, что он мучает детей в интересах их собственного морального воспитания, в то время как на самом деле он удовлетворяет свои садистские импульсы. Самообман здесь гораздо глубже, чем в первом случае, начиная с того, что субъект неверно воспринимает сами очертания, контуры долга.

Третья форма, самая худшая, состоит для субъекта в возможности полностью потерять внутреннее ощущение, внутреннее отношение к долгу как специфическому моральному агенту и воспринимать мораль как простой внешний набор правил, ограничений, которые общество создает, чтобы ограничить преследование эгоистических «патологических» интересов. Таким образом, сами понятия «правильный» и «неправильный» лишаются своего значения: если субъект все же следует моральным правилам, то это

просто для того, чтобы избежать болезненных для себя последствий. Так, вор признает законы собственности, даже хочет быть ими защищен, и только делает из них временное исключение в свою пользу [Арендт 2013: 99].

Есть, однако, четвертая возможность, исключенная И. Кантом, возможность того, что он упоминает как «дьявольское зло», когда зло принимает на себя форму своей противоположности. Нужно не путать это «дьявольское зло» со второй кантианской формой: там также зло берет на себя форму добра. Тем не менее это простой случай патологической мотивации, которая путем самообмана ошибочно воспринимает саму себя как выполняющую свой долг. В то же время в случае «дьявольского зла» сила движения субъективной активности в действительности не «патологическая». Более того, она идет вразрез с субъективными эгоистическими интересами. Кант говорит об этом как об убеждении (субъективный принцип – максима) принимать в качестве мотива в свою максиму зло как злое [Кант 1980: 108]. Пример – разница между «правыми» коррумпированными авторитарными режимами и «левыми» тоталитарными режимами. В случае первых никого не обманывают, все знают, что за патриотической риторикой скрывается простой шкурный интерес, алчность, связанная с властью и богатством; в то же время «левые» тоталитаризмы не следует путать со случаями маскировки эгоистичных интересов под одеждами добродетели. Они *на самом деле* действуют ради того, что воспринимают как добродетель. Их участники готовы поставить на кон все, включая собственные жизни, ради этой добродетели [Zizek 1993: 53].

Ирония, как отмечает С. Жижек, заключается в том, что образцовым примером этого является якобинская «диктатура добродетели». Хотя И. Кант был оппонентом якобинцев в политике, он заложил для них фундамент в своей философии морали (Г. Гегель первым обнаружил террористический потенциал кантовской этики). Тот факт, что философская революция И. Канта предвещает Великую французскую революцию, поэтому вовсе не является случайным. Революционное насилие ретроспективно обнаруживает террористический потенциал кантовской философии: «...все ужасающие черты революции находят свое соответствие, содержатся и повторяются в кантовских духовных построениях...» [Жижек 2008: 48]. Где бы И. Кант не приближался к этой возможности («дьявольское зло» в практической философии; суд против монарха в доктрине права), он быстро отвергал ее как немыслимую, невозможную, крайне отвратительную.

Доказательство того, что называемое Кантом «дьявольское зло» (зло как этический принцип) есть необходимое следствие кантовского понимания «радикального зла», предоставляется в наше распоряжение самим же И. Кантом. В своей работе «Религия в пределах чистого разума» он указывает, как в отношении некоторых действительно злых людей зло сохраняет свою принадлежность глубинной сущности их характера: такой человек не пришел к злу под влиянием плохих обстоятельств; зло лежит в самой его «природе». В то же время он (как и всякое человеческое существо) радикально ответствен за свой характер. Это с необходимостью подразумевает, что во внутреннем, вневременном трансцендентальном акте он уже выбрал

зло как основную характеристику собственного бытия. Трансцендентальный, априорный характер этого акта означает, что он не мог быть мотивирован патологическими (эмпирическими) обстоятельствами; изначальный выбор зла должен был быть чисто этическим актом, актом, возводящим зло в этический принцип [Zizek 1993: 54].

Отклоняя гипотезу «дьявольского зла», И. Кант пытается уйти от предельного парадокса «радикального зла», от зловещего наследия тех актов, которые (хотя зло имеет отношение к их содержанию) полностью соответствуют критериям этического действия. Такие действия не мотивируются какими-либо патологическими соображениями, то есть их единственное мотивирующее основание есть зло в принципе, зло как таковое.

Если мы принимаем возможность такого «злого» этического акта, тогда не достаточно понимать «радикальное зло» как что-то, что принадлежит самому понятию субъективности, основанной на предрасположенности к добру как на некоей норме. Необходимо сделать еще один шаг и понять радикальное зло как что-то, что онтологически предшествует добру в том смысле, что открывает для него «место». Тезис, что возможность выбора зла принадлежит самой субъективности, должен быть, следовательно, радикализован. Статус субъекта как такового есть зло, то есть в той мере, в которой мы являемся «людьми», в этом смысле мы все «уже выбрали» зло. Таким образом, радикальное зло – это «разрыв», «раскол», составляющий саму суть субъективности, «место» которой по отношению к оппозиции феноменальное/ноуменальное в кантовской философии невозможно установить.

С одной стороны, будучи существами феноменальными, мы заключены в систему причинных отношений; с другой стороны, наша свобода («спонтанность», благодаря которой мы являемся моральными существами), принадлежит области ноуменального. В конце первой части своей «Критики практического разума» И. Кант задается вопросом о том, почему Бог сотворил мир таким образом, что вещи-в-себе являются непознаваемыми для человека, что высшее Добро недоступно для него из-за предрасположенности к радикальному злу, которое принадлежит самой природе человеческих существ [Кант 1994: 547-548]. Ответ И. Канта гласит, что непроницаемость является позитивным условием нашей моральной деятельности: если бы человек был способен познавать вещи-в-себе, моральная деятельность стала бы невозможной и в то же время избыточной, так как мы бы следовали моральным указаниям исходя не из долга, а из простого взгляда внутрь природы самих вещей.

Таким образом, поскольку высшая цель создания универсума есть мораль, нравственность, постольку Богу пришлось создать человека как уязвимое существо, лишенное возможности прямого проникновения в истинную природу самих вещей, и к тому же незащищенного от соблазна зла. Наша свобода потеряла бы всякий смысл, если бы мы получили прямой доступ к сфере ноуменального, так как в этом случае знание ноуменального всегда определяло бы совершаемый нами выбор – кто стал бы выбирать зло, осознавая, что расплатой за совершение зла будет божественное наказание? Отсюда с необходимостью вытекает, что подлинно свободное действие

заключается в том, что прекрасно зная обо всех неизбежных ужасных последствиях выбора зла, мы тем не менее выбираем именно его. Такое действие является подлинно не «патологическим» [Жижек 2008: 32].

Поскольку ноуменальная сфера недоступна субъекту, постольку трансцендентальная свобода сама оказывается некоторым образом феноменальной. Именно поэтому у И. Канта возникали трудности с установлением онтологического статуса трансцендентальной свободы субъекта [Жижек 2014: 54]. Ни в сфере чистой феноменальности, ни в области чистой ноуменальности она невозможна; ее местоположение – «между» ними. То есть субъекта невозможно свести к какой-либо субстанции. Отсюда – невозможность дать прямое онтологическое обоснование этики посредством какого-либо субстанциального понятия о высшем Добре, Блага. Классический образ Закона, воспринятый христианством от Платона, включал в себя два момента. Во-первых, Закон не является первичным – он представляет собой вторичную, делегированную власть, зависимую от высшего принципа, коим является Благо. Во-вторых, следование Закону является «лучшим», которое суть отображение Блага – если бы люди знали Благо и могли с ним непосредственно соотносываться, им не нужен был бы Закон, а потому Закон есть лишь представитель Блага в этом мире.

У И. Канта моральный Закон больше не зависит от Блага, наоборот – Благо зависит от Закона. «Это означает, что закон уже не должен и не может обосновываться в каком-то верховном принципе, от которого он получал бы свою правомочность. Это означает, что закон отныне должен оцениваться сам по себе и основываться в самом себе, что у него, следовательно, нет никакой опоры, кроме своей собственной формы. (...) Когда же Кант говорит о Нравственном законе, слово *нравственный* здесь – всего лишь определение того, что остается абсолютно неопределенным: нравственный закон есть репрезентация некоей чистой формы, независимой от содержания и объекта, от сферы и обстоятельств. Нравственный закон обозначает собой Закон, форму закона, исключаящую всякий высший принцип, способный его обосновать. (...) ...о Законе, определенном через свою чистую форму, без содержания и объекта, без спецификации, ничего не известно, и узнать, *что* он такое, невозможно. Он определяет такую сферу блуждания, в которой человек оказывается уже виновным, то есть уже преступившим пределы, прежде чем он узнает, *что* же такое Закон: как Эдип. И даже виновность и кара не дают нам познать то, *что* есть закон, но оставляют его в той же самой неопределенности, которая, как таковая, соответствует предельной точности, определенности наказания» [Делез 1992: 261-263].

Поскольку ноуменальный Закон морали остается принципиально недоступным (то есть пустой формой в мире человеческого бытия), постольку никто не может гарантировать, что его действия не были мотивированы какими-либо патологическими соображениями. Таким образом, И. Кант формулирует свое понятие о Законе, которое достигает полной реализации в политических «тоталитаризмах»: субъект априори является виновным. Предельным выражением этой «объективной виновности» стали чистки при сталинском режиме, которые были более свирепыми и тотальными,

нежели в Германии при фашизме. В нацистской Германии можно было выжить, если не быть евреем и не принимать участие ни в какой оппозиционной деятельности, в то время как в сталинской системе никто не мог считаться безгрешным. Каждого вне зависимости от положения в партийной иерархии могли арестовать и расстрелять как «врага народа».

По сути все сфабрикованные дела и выбитые фальшивые признательные показания были чисто формальными доказательствами этой «объективной вины», которая и есть радикальное зло. То есть радикальное зло является следствием того, что доступ в сферу ноуменального Закона нам закрыт. Ноуменальный закон никогда не дан нам позитивно «как таковой», а доступен исключительно негативным способом в виде травматического давления, ощущения вины, страдания. Парадокс ситуации состоит в том, что принципиальная невозможность поступать этично (согласно ноуменальному Закону) и является условием появления этического субъекта. Совершение чистого этического действия, соответствующего ноуменальному Закону, превращает субъекта в существо дьявольского зла.

С. Жижек полемизирует с концепцией Х. Арендт о «банальности зла», согласно которой А. Эйхман (и прочие нацистские палачи) вовсе не руководствовался какими-то, выражаясь языком И. Канта, «патологическими» мотивами (например садистским желанием причинять боль другим), а был просто примерным служащим бюрократической машины, строго выполнял все ее приказы, не задумываясь о моральных и прочих сторонах этого вопроса. Чисто формальная и безусловная установка нацистских преступников «выполняй свой долг ради долга, не думай о его содержании и возможных последствиях для блага всех задействованных людей» является тем, что И. Кант назвал «дьявольским злом». Большинство тех, кто совершал ужасные злодеяния, действительно не были «злыми» людьми, то есть не находились под влиянием неких садистских импульсов, получая удовольствие от их реализации. Напротив, прекрасно осознавая, что они причиняют моральные и физические страдания своим жертвам, они явно или неявно обосновывали собственные злодеяния посредством занятия этической позиции: «мне *приходится* совершать ужасные вещи, но таков мой долг, таково тяжкое бремя той ответственности, которую я несу».

Примечательно, что А. Эйхман считал себя кантианцем [Арендт 2008: 204]. Фигура Эйхмана-кантианца является симптоматичной в психоаналитическом смысле этого слова, то есть выступает разоблачительным знаком, указывающим на «другую сцену» кантовской философии. Несмотря на то, что кантианство А. Эйхмана выражалось в извращенной форме в рамках «категорического императива Третьего рейха» («Поступай так, чтобы фюрер, узнав о твоих поступках, мог тебя за них похвалить»), в одном отношении он все же действительно следовал предписаниям И. Канта: закон есть закон, и исключений быть не может. «Никаких исключений – вот подтверждение тому, что он всегда действовал вопреки собственным “наклонностям”, чем бы они ни были вызваны – чувствами или какого-либо рода интересом, – он всегда неукоснительно исполнял свой “долг”» [Арендт 2008: 207]. За всю свою «карьеру» в качестве лица, ответственного за окончательное решение

еврейского вопроса, А. Эйхман, по его собственным признаниям, сделал всего два «патологических» исключения: помог своей кузине-полуеврейке и одной еврейской паре, за которую просил его дядя.

Здесь кантианская противоположность между спонтанно-эгоистическими («патологическими») склонностями и нравственной попыткой их преодоления превращается в борьбу между спонтанными нравственными стремлениями, выступающими в качестве искушающего соблазна поддаться чувству жалости и сострадания при виде человеческих мучений (из-за которых тяжело пойти на совершение какого-то плохого поступка), и «злой» попыткой их преодолеть. Суть этого извращенного «морального величия» определяется «уловкой Гиммлера»: необходимы огромные героические усилия, чтобы быть по-настоящему злым; истинная преданность своей родине демонстрируется не только и даже не столько благородными поступками, сколько готовностью совершать ужасные действия вопреки собственной честности и порядочности, если будет на то необходимость. То есть подлинный герой – это тот, кто готов испачкать руки во имя благородной Цели [Жижек 2008: 61-62; Жижек 2012: 117]. Х. Арендт упускает из виду то, что полагает С. Жижек: «непристойное, не признаваемое публично сверх-наслаждение, получаемое от выполнения приказов, проявляющееся в чрезмерном усердии при выполнении, усердии, в котором совсем не было необходимости» [Жижек 2012: 115].

Ненависть, которую нацистские палачи могли бы субъективно испытывать по отношению к своим жертвам, переносилась на «объективную» идеологическую систему, которая узаконивала их действия и позволяла им быть безразличными, поскольку ненависть становилась объективированной функцией идеологического аппарата [Жижек 2003: 105]. Обратной стороной любого закона является провокация, требование «Наслаждайся!». Категорический императив крайне репрессивной тоталитарной власти звучит не просто как «Выполняй свой долг, нравится тебе это или нет!», а сопровождается непристойным подтекстом «Ты не только должен подчиняться приказам и выполнять свой долг, но и обязан получать от этого наслаждение» [Жижек 2003: 140].

Когда Х. Арендт пишет о том, что большинство нацистских преступников вовсе не были садистами-извращенцами, она оперирует традиционно-общепринятым представлением о садисте. Согласно Ж. Лакану, садист (извращенец) – не тот, кто, как принято считать, занимает позицию абсолютного субъекта и получает непосредственное удовольствие от присвоенного права неограниченного распоряжения телом другого, сводя его к функции объекта. Позиция садиста определяется его самоинструментализацией в качестве проводника воли и объекта наслаждения со стороны большого Другого, принимающего форму «Высшего Злого Существа». Садист – «это совсем не неистовый образ демонического зла, а абсолютно безличный "бюрократ зла", чистый исполнитель – в его образе нет психологической глубины, нет сложной сети травматических мотивов» [Жижек 2012: 374].

Позиция садиста, таким образом, полностью совпадает с основной этической установкой И. Канта исполнения долга ради самого долга во-

преки каким-либо «патологическим» мотивациям, связанным с субъективной заинтересованностью. Именно поэтому Ж. Лакан позволил себе сделать вывод о садистской перверсии как скрытой истине этики И. Канта. То, что продельывает в своем воображении де Сад, является по сути мысленным экспериментом, испытывающим закон на прочность. Почему мы считаем, что закон – это благо, если любой закон ограничивает индивидуальную свободу. Но суть человека в том и заключается, чтобы быть свободным? Де Сад выдвигает лозунг свободы для всех, исходя из которого я имею право отдавать собственное тело в пользование другому, но взамен я имею право пользоваться телом другого. Это и есть кантовский императив, вывернутый наизнанку.

Дискурс де Сада является дискурсом предельной свободы, в пространстве которой я пользуюсь телом другого так, как захочу. Тело другого становится моделью, на которой проходит испытание моя свобода (при этом то, что думает об этом другой, меня мало волнует). Такая свобода все время порождает насилие, которое подается под знаком свободы. Именно поэтому де Сада можно считать образцовым теоретиком революции (свою программу всеобщего наслаждения в качестве основы утопического общественного устройства де Сад излагает в отрывке «Философии в будуаре» под названием «Французы, еще одно усилие, если вы желаете стать республиканцами» [Сад де]). Но, как показал Ж. Лакан, любая революция неявно апеллирует к Господину (желает Господина). «Разыгрывая этот предел в своем воображении, он (де Сад. – А.Я.) демонстрирует нам его воображаемую структуру. Но в то же время он границу эту переступает. Переступает, конечно же, не в фантазии, ... а в теории, в учении, ключевыми словами которого являются, в различные периоды его творчества, *наслаждение разрушением; добродетель, заключенная в преступлении; зло, творимое ради него самого; и, наконец, то, о чем говорит его герой Сен-Фон, провозглашающий в Истории Жюльетты свою веру... в Бога, именуемого им Верховным-во-Зле-Существом*» [Лакан 2006: 255].

Один небольшой, но характерный штрих, по мнению С. Жижика, позволяет выявить природу сталинизма в его отличии от фашизма. После того, как фашистский вождь заканчивает свою публичную речь, и толпа начинает ему аплодировать, он принимает какую-нибудь театральную позу (пафосно смотрит вдаль, кланяется и т.п.), расценивая аплодисменты как адресованные его персоне. Другое дело коммунистический вождь: после произнесения речи он сам вместе со всеми остальными скромно аплодирует. Очевидно, что не самому себе.

Истинным адресатом аплодисментов является большой Другой – Закон исторической необходимости, скромным слугой которого выступает наравне со всеми остальными коммунистический лидер [Жижек 2012: 117]. «Это совпадение взгляда субъекта со взглядом большого Другого, определяющее извращенность, позволяет нам понять одну из основных черт идеологии “тоталитаризма”: ...извращенность сталинского коммунизма – в том, что взгляд, которым Партия созерцает историю, совпадает со взглядом истории на самое себя. На старом добром сталинском жаргоне... коммунисты действуют от имени “объективных законов исторического развития”; сама история, ее необходимость, говорит их устами. (...) Он (сталинский

коммунист – А.Я.) может терзать свою жертву (массы, “народ”) бесконечно, но он действует как инструмент большого Другого (“объективных законов истории”), за которыми нетрудно распознать садовскую фигуру Высшего Злого Существа. Случай сталинизма – отличный пример того, почему при перверсии другой (жертва) расколот: сталинский коммунист мучит народ, но выступает при этом как его верный слуга, исполняющий его же волю (его “истинные объективные интересы») [Жижек 2004: 44-45].

Примечательно, что «Философия в будуаре» де Сада вышла через шесть лет после кантовской «Критики практического разума» в 1788 г. В ней де Сад оправдывает пункт за пунктом нарушения важнейших моральных императивов, превознося инцест, прелюбодеяние, воровство и пр., выворачивая таким образом всю мораль наизнанку. Эта анти-мораль находит выражение в своеобразном категорическом императиве: «Примем за универсальную максиму нашего поведения право пользоваться другим, кто бы это ни был, как инструментом собственного удовольствия» [Лакан 2006: 105]. Если в порядке воображаемого эксперимента представить себе картину такого общества (в котором все позывы вождения доводятся до предела), то у нас, очевидно, возникнет отвращение, которое относится именно к тому, что И. Кант исключает из числа критериев морального закона как «патологическое» – сфере сентиментальности, чувственности. «Если мы исключим, – пишет Ж. Лакан, – из морали всякий элемент чувства, если мы устраним, обесценим того вожатого, которым чувство нам служит, то полученный на пределе этого процесса садистский мир окажется всего лишь возможным – пусть карикатурным, изнаночным – вариантом мира, руководимого радикальной этикой, той самой, которую формулирует в 1788 году Кант» [Лакан 2006: 106].

Характерно в этой связи, что на одном из показательных судебных процессов над «врагами народа» основной упрек членов ЦК в адрес Бухарина сводился к тому, что Бухарин был сердобольным и мягкосердечным, а такие качества являются опасными в делах политики и могут разрушить партийные основы [Жижек 2003: 74]. Эта сердобольность, мягкосердечие в кантовском смысле являются остатком «патологической» сентиментальности, который препятствует чисто этической позиции субъекта. В рассказе Л. Толстого «Фальшивый купон» есть два примечательных момента, замечательно иллюстрирующих это положение.

Первый эпизод связан с расследованием дела революционно настроенной девушки по фамилии Турчанинова, которая попыталась застрелить из револьвера министра на приеме. «Министр был по душе добрый человек и очень жалел эту здоровую, красивую казачку, но он говорил себе, что на нем лежат тяжелые государственные обязанности, которые он исполняет, как они не трудны ему. И когда его бывший товарищ, камергер, знакомый Тюриных, встретился с ним на придворном бале и стал просить его за Тюрина и Турчанинову, министр пожал плечами, так что сморщилась красная лента на белом жилете, и сказал: *Je ne demanderais pas mieux que de lacher cette pauvre fillette, mais vous savez – le devoir* [Я очень рад был бы отпустить эту бедную девочку, но вы понимаете – долг]» [Толстой].

Второй эпизод описывает случай с убитым мужиками-крестьянами коллежским асессором Свентицким. Вдова отправляет государю прошение о помиловании этих мужиков, приговоренных к смертной казни через повешение. Однако прошение Свентицкой к царю не произвело никакого действия: «Государь же вздохнул, пожал плечами с эполетами и сказал: “Закон”, – и подставил бокал, в который камер-лакей наливал шипучий мольберт. Все сделали вид, что удивлены мудростью сказанного государем слова. И больше о телеграмме не было речи. И двух мужиков – старого и молодого – повесили с помощью выписанного из Казани жестокого убийцы и скотоложника, татарина-палача» [Толстой].

Однако после этого случая царю под впечатлением от проповедей старичка Исидора, избивавшего необходимость казни в государстве как следствие дурного правления, приснился страшный сон: «...в поле стояли виселицы, и на них качались трупы, и трупы высывали языки, и языки тянулись дальше и дальше. И кто-то кричал: “Твоя работа, твоя работа”. Царь проснулся в поту и стал думать. В первый раз стал думать об ответственности, которая лежала на нем, и все слова старичка вспомнились ему... Но он видел в себе человека только издали и не мог отдаться простым требованиям человека из-за требований, со всех сторон предъявляемых к царю; признать же требования человека более обязательными, чем требования царя, у него не было сил» [Толстой].

Так не является ли эта кантовская «патологическая» сентиментальность, заставляющая задуматься (то есть иницилирующая мышление), именно тем, говоря языком Ф. Ницше, «человеческим, слишком человеческим», за вычетом чего в остатке мы получаем «не-человеческое»? Требование полного исключения из морали всего того, что относится к «человеческому, слишком человеческому», превращает субъекта в не-человеческое существо дьявольского зла, напроць лишенного мышления и сентиментальности. Сам И. Кант в порядке мысленного эксперимента в «Критике практического разума» изображает картину того, что было бы с нами, если бы мы имели прямой доступ к сфере ноуменального: непосредственное созерцание Бога и вечности в их грозном величии превратило бы поведение людей в марионеточный механизм [Кант 1994: 547-548]. Поэтому Ж. Лакан абсолютно прав, когда говорит о том, что на современном языке автоматизации и электроники кантовский императив мог бы звучать следующим образом: «поступай лишь так, чтобы всякое твое действие могло быть запрограммировано» [Лакан 2006: 103]. Дьявольское зло есть не что иное, как «Бог-в-себе», Бог в его ноуменальном измерении.

Ф. Достоевскому приписывают формулу, согласно которой «Если Бога нет, дозволено все». Однако, мы полагаем, следует согласиться со С. Жижекком в том, что истинной эта формула становится в случае ее инверсии: «Если Бог есть, тогда все дозволено»: «...урок сегодняшнего терроризма состоит в том, что если Бог есть, то все, даже убийство сотен невинных наблюдателей, дозволено тем, кто заявляет, что он действовал от имени Бога, в качестве проводника Его воли, поскольку, очевидно, прямая связь с Богом оправдывает нарушение нами любых “слишком человеческих” ограничений и условий.

Главным доказательством этого служат “безбожные” сталинские коммунисты: им было дозволено все, поскольку они считали себя непосредственным орудием своего божества, Исторической Необходимости Движения навстречу Коммунизму» [Жижек 2010: 106]. В этом смысле, полагает С. Жижек, атеизм является подлинным этическим опытом, в соответствии с которым субъект берет на себя всю полноту ответственности за свои поступки и творит добро не потому, что так угодно Богу, а просто потому, что не может поступить иначе, если хочет жить в ладу с собственной совестью.

Этическая формальная неопределенность состоит в том, что Закон не сообщает мне, в чем именно состоит мой долг, он просто требует от меня его безусловного исполнения. Таким образом, из самого Закона невозможно вывести конкретные нормы, которых я должен придерживаться в той или иной определенной ситуации. Исходя из этого можно выделить два подхода, две точки зрения на Закон, если рассуждать о нем в терминах субъективации и объективации. Объективация Закона приводит к полному отождествлению позиции субъекта со сферой ноуменальной «вещи-в-себе» (то есть происходит своеобразное «короткое замыкание» между партикулярным и универсальным, при котором слова и поступки частного субъекта становятся выражением некой универсальной субстанции – Бога, Партии, Природы, Нации, Государства и т.п.). В этом случае, как было показано выше, субъект превращается в не-человеческую фигуру дьявольского зла.

Выход из этого тупика кантовской моральной философии видится через субъективацию пустого этического формализма. Субъективация Закона сводится к тому, что субъект сам берет на себя всю полноту ответственности по переводу абстрактного предписания Закона в свод конкретных обязательств. Моральное поведение здесь не сводится к слепому следованию заранее данному Закону: правило, которому субъект следует, каждый раз конструируется им заново на основе принципа автономии. Таким образом, не может быть никакой этической универсальности, нет никакой «этики вообще», а есть только этика единичности складывающихся ситуаций. «Нет этики, кроме этики истин. ... Этику следует понимать в том смысле, который предполагал Лакан, когда он говорил, противостоя ... Канту и мотиву общей морали, об этике психоанализа. Этика как таковая не существует. Есть только этики *чего-то* (политики, любви, науки, искусства). Нет на самом деле и единственного Субъекта, а есть столько субъектов, сколько есть истин, и столько субъективных типов, сколько процедур истины» [Бадью 2006: 48-49].

Кантовский тезис о том, что в этике существует универсальный Закон, позволяющий всегда безошибочно отличать дурное от хорошего, не выдерживает никакой критики, если, как считает Х. Арендт, обратиться к нравственному перевороту, который имел место быть у огромных масс людей в условиях тоталитарных режимов XX в. Этот исторический пример доказывает, что такого универсального и незыблемого Закона попросту не существует. Поэтому суждения в области морали и политики подчиняются тем же принципам, что и эстетические, так как, по И. Канту, именно в области эстетики мы судим, не имея возможности руководствоваться самоочевидными общими правилами, то есть судим о частном, когда дано только

частное и нет никакого общего понятия. Это соображение дает основание Х. Арендт заявить о том, что именно в «Критике способности суждения», а вовсе не в трактатах по этике, И. Кант заложил основы своей политической философии [Арендт 2011 31-34].

Способность суждения позволяет людям отличать правильное от неправильного, хорошее от плохого не опираясь на заранее данные критерии правильности. Категорический императив, будучи своего рода математической формулой, обладает «тоталитарным» потенциалом принуждения (по И. Канту, он безусловно действителен для всех умопостигаемых миров и разумных существ), поскольку его результаты должны рассматриваться как необходимо истинные, а значит и не подлежащие никакому обсуждению. Суждение вкуса имеет отношение не к истине, а к смыслу. Как отмечает Х. Арендт, мы можем судить о частном, имея в своем распоряжении не общее понятие, а лишь «общее чувство» (*common sense*). Мы могли бы его также назвать и «со-чувствием», которое объединяет нас как членов одного сообщества, обладающих способностью воображения, позволяющей нам представлять себя на месте других.

Основной вопрос моральной философии «Что я должен делать?» имплицитно подразумевает других людей, так как в их отсутствие заботиться о своем поведении не имеет никакого смысла [Арендт 2011: 40]. Общее чувство как «со-чувствие» и способность воображения лежит в основании мышления, так как мышление (хоть и представляет собой внутренний диалог) возможно только в сообществе. Отсюда – кантовская рефлектирующая способность суждения. Таким образом, способность суждения позволяет каждому судить от лица своего сообщества и делает это сообщество подлинно политическим.

Материал поступил в редколлегию 06.06.2014 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арендт Х. 2008. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М. : Европа. 424 с.
- Арендт Х. 2011. Лекции по политической философии Канта. СПб. : Наука. 303 с.
- Арендт Х. 2013. Ответственность и суждение. М. : Изд-во Ин-та Гайдара. 352 с.
- Бадью А. 2006. Этика: Очерк о сознании Зла. СПб. : Machina. 126 с.
- Делез Ж. 1992. Представление Захер-Мазоха // Л. Захер-Мазох. Венера в мехах. М. : РИК «Культура». С. 189-313.
- Жижек С. 2010. О насилии. М. : Европа. 184 с.
- Жижек С. 2004. Порнография, ностальгия, монтаж: триада взгляда // С. Жижек. То, что вы всегда хотели знать о Лакане, но боялись спросить у Хичкока. М. : Логос. С. 43-66.
- Жижек С. 2008. Устройство разрыва. Параллаксное видение. М. : Европа. 516 с.
- Жижек С. 2003. Хрупкий абсолют, или Почему стоит бороться за христианское наследие. М. : Худож. журн. 178 с.
- Жижек С. 2012. Чума фантазий. Харьков : Гуманит. центр. 388 с.
- Жижек С. 2014. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. М. : Издат. дом «Дело» РАНХиГС. 528 с.

- Кант И. 1994. Сочинения. В 8 т. Т. 4. Критика практического разума. М. : Чоро. 630 с.
- Кант И. 1980. Религия в пределах только разума // И. Кант. Трактаты и письма. М. : Наука. С. 78-278.
- Лакан Ж. 2006. Этика психоанализа. М. : Гнозис, Логос. 416 с.
- Мартьянов В. 2009. «Человек политический»: модели оправдания власти // Человек. № 4. С. 82-90.
- Московская А. 2014. Связь между банальным и радикальным злом в этике Ханны Арентд // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 2. С. 39-43.
- Сад де М. Философия в будуаре, или Безнравственные наставники [Электронный ресурс]. URL: http://modernlib.ru/books/sad_markiz/filosofiya_v_buduare_ili_beznравstvennye_nastavniki/read/ (дата обращения: 22.05.2014).
- Свндсен Л. 2008. Философия зла. М. : Прогресс-Традиция. 358 с.
- Толстой Л. Фальшивый купон [Электронный ресурс]. URL: <http://read24.ru/fb2/lev-tolstoy-falshiviyi-kupon/> (дата обращения: 13.05.2014).
- Bernstein R. 2002. Radical evil: a philosophical interrogation. Cambridge : Polity press. 289 p.
- Rangelov I. 2003. Ideology in between radical and diabolical evil: Kant's «ethics of the Real» // Facta Universitatis. Vol. 2, № 10. P. 759-768.
- Zizek S. 1993. Tarrying with the Negative. Kant, Hegel, and the Critique of Ideology. Duke University Press Durham, 1993. 287 p.

References

- Arendt H. *Banal'nost' zla. Eykhman v Ierusalime* [Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil], Moscow, Evropa, 2008, 424 p. (in Russ.).
- Arendt H. *Lektsii po politicheskoy filosofii Kanta* [Lectures on Kant's Political Philosophy], St. Petersburg, Nauka, 2011, 303 p. (in Russ.).
- Arendt H. *Otvetstvennost' i suzhdenie* [Responsibility and judgment], Moscow, Izd-vo In-ta Gaydara, 2013, 352 p. (in Russ.).
- Badiou A. *Etika: Ocherk o soznanii Zla* [Ethics: An Essay on the Understanding of Evil], St. Petersburg, Machina, 2006, 126 p. (in Russ.).
- Bernstein R. *Radical evil: a philosophical interrogation*, Cambridge, Polity press, 2002, 289 p.
- Deleuze G. *Predstavlenie Zakher-Mazokha* [Presentation Of Sacher-Masoch], *L. Zakher-Mazokh, Venera v mekhakh*, Moscow, RIK «Kul'tura», 1992, pp. 189-313. (in Russ.).
- Kant I. *Religiya v predelakh tol'ko razuma* [Religion within the Limits of Reason alone], *I. Kant, Traktaty i pis'ma*, Moscow, Nauka, 1980, pp. 78-278. (in Russ.).
- Kant I. *Sochineniya. V 8 t. T. 4. Kritika prakticheskogo razuma* [Works, in 8 vols., vol. 1, Critique of Pure Reason], Moscow, Choro, 1994, 630 p. (in Russ.).
- Lakan J. *Etika psikhoanaliza* [The Ethics of Psychoanalysis], Moscow, Gnozis, Logos, 2006, 416 p. (in Russ.).
- Mart'yanov V. «Chelovek politicheskii»: modeli opravdaniya vlasti [«The person is political»: the model of justification of power], *Chelovek*, 2009, no. 4, pp. 82-90. (in Russ.).
- Moskovskaya A. *Svyaz' mezhdu banal'nym i radikal'nym zlom v etike Khanny Arendt* [The relationship between banal and radical evil in ethics of Hannah Arendt], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2014, no. 2, pp. 39-43. (in Russ.).
- Rangelov I. Ideology in between radical and diabolical evil: Kant's «ethics of the Real», *Facta Universitatis*, 2003, vol. 2, no. 10, pp. 759-768.

Sade de m. *Filosofiya v buduare, ili Beznravstvennye nastavniki* [The Complete Justine, Philosophy in the Bedroom & other writings], available at: http://modernlib.ru/books/sad_markiz/filosofiya_v_buduare_ili_beznravstvennye_nastavniki/read/ (accessed 22 May 2014). (in Russ.).

Svendsen L. *Filosofiya zla* [The Philosophy of Evil], Moscow, Progress-Traditsiya, 2008, 358 p. (in Russ.).

Tolstoy L. *Fal'shivyy kupon* [The forged coupon], available at: <http://read24.ru/fb2/lev-tolstoy-falshiviy-kupon/> (accessed 13 May 2014). (in Russ.).

Zizek S. *Chuma fantaziy* [The Plague of Fantasies], Kharkov, Gumanit. tsentr, 2012, 388 p. (in Russ.).

Zizek S. *Khrupkiy absolyut, ili Pochemu stoit borot'sya za khristianskoe nasledie* [The Fragile Absolute: Or, Why Is the Christian Legacy Worth Fighting For?], Moscow, Khudozh. zhurn., 2003, 178 p. (in Russ.).

Zizek S. *O nasilii* [On Violence], Moscow, Evropa, 2010, 184 p. (in Russ.).

Zizek S. *Pornografiya, nostalgija, montazh: triada vzglyada* [Pornography, Nostalgia, Montage: A Triad of the Gaze], S. Zhizhek, *To, chto vy vseгда khoteli znat' o Lakane, no boyalis' sprositi' u Khichkoka*, Moscow, Logos, 2004, pp. 43–66. (in Russ.).

Zizek S. *Shchekotlivyy sub'ekt: otsutstvuyushchiy tsentr politicheskoy ontologii* [The Ticklish subject: the absent centre of political ontology], Moscow, Izdat. dom «Delo» RANKhiGS, 2014, 528 p. (in Russ.).

Zizek S. *Tarrying with the Negative. Kant, Hegel, and the Critique of Ideology*, Duke University Press Durham, 1993, 287 p.

Zizek S. *Ustroystvo razryva. Parallaksnoe videnie* [The Parallax view. Short circuits], Moscow, Evropa, 2008, 516 p. (in Russ.).

Aleksey V. Yarkeev, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Senior Researcher, Udmurt Branch of Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), Izhevsk. E-mail: alex_yarkeev@mail.ru

KANTIAN CONCEPTION OF RADICAL EVIL AND ITS LIMITS: ETHICAL AND POLITICAL IMPLICATIONS

Abstract: The article considers Kant's conception of radical evil in the aspect of extracting implications concerning contemporary ethical and political meditations. It reveals such a perspective of Kant's moral philosophy, according to which the moral law presents itself as the entity where true moral position and evil are fully identical. Kant eliminated such a view on the moral law as impossible "diabolical evil". This kind of evil is not driven by pathological motivation; that is why it fully corresponds to the criterion of a moral deed. This innate problem of Kant's moral philosophy may be solved by means of subjectivizing the moral law when moral subject assumes full responsibility for the translation of the categorical imperative into a concrete moral obligation, which has the structure of Kant's aesthetic judgment. Kantian reflective judgment opens a space of subjected political being.

Keywords: radical evil, diabolical evil, moral law, categorical imperative, ideology, subject, aesthetic judgment.

ПОСЛЕ КАПИТАЛИЗМА: СВОБОДА ОТ ОТЧУЖДЕНИЯ ИЛИ РЕНТНОЕ ЗАБВЕНИЕ?¹

УДК 172.1

Дмитрий Александрович Давыдов

младший научный сотрудник отдела философии

Института философии и права УрО РАН,

г. Екатеринбург.

Email: davydovdmitriy90@gmail.com

Статья посвящена теоретическому осмыслению феномена отчуждения. По мнению автора, современные воззрения на феномен отчуждения приводят к ошибочным прогнозам, согласно которым современный капитализм постепенно приобретает черты коммунизма (когнитивный капитализм). Данный капитализм якобы характеризуется тем, что на место материальных ценностей постепенно приходят ценности творческой самореализации, а основным фактором производства становятся знания, которые сложно капитализировать ввиду их общественного характера. По мнению сторонников данной идеи, в когнитивном капитализме постепенно достигается свободное бытие каждого (при условии преодоления потребительских установок), ибо экономика постепенно движется к изобилию, а значит – отмиранию необходимости в принудительном труде. Тем не менее автор выражает несогласие с идеей когнитивного капитализма как предшествующей коммунизму стадии общественного развития. Следует признать, что ситуация, в которой каждому предоставлена свобода творческой самореализации, отчуждает человека не в меньшей степени, чем материальная нужда и бессмысленная работа. В условиях свободной творческой конкуренции каждый должен постоянно обосновывать оригинальность и значимость своих идей. Однако стоит учитывать, что велик шанс повторения уже сказанного или продемонстрированного. Общественный характер знания и вообще всякого творчества теперь начинает отчуждать личность от ее индивидуальности, а цель дистанцируется от исполнителя. Данная конкуренция ставит человека перед выбором: либо полностью отдать себя творчеству, либо сойти с дистанции, довольствуясь посредственными результатами. В итоге общество минимальной материальной обеспеченности окажется не коммунизмом, а рентным обществом. Такое общество поделено на большинство, состоящее из живущих за счет общественных ресурсов рвантэ, и производительный «когнитивный» класс.

Ключевые слова: капитализм, когнитивный капитализм, коммунизм знаний, отчуждение, посткапитализм, рентное общество.

¹ Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ № 15-03-00124 «Возвышение и кризис демократии в рентной перспективе».

В последние годы все чаще говорят о грядущем закате капитализма. И дело здесь даже не столько в массовом стремлении преодолеть назревшие противоречия, сколько в структурных трансформациях, пока еще малозаметных, но весьма перспективных. Такие авторы как А. Горц [Горц 2010] и Дж. Рифкин [Rifkin 2014] видят будущее, в котором изобилие материальных благ, творческая и добровольная деятельность приходят на смену отчужденному бытию в мире нужды. Может показаться, что старая марксистская идея общества изобилия, в котором каждый может реализовать свои внутренние потенции, постепенно начинает воплощаться сама собой внутри капитализма.

Р. Коллинз обращает наше внимание на постепенное технологическое замещение нетворческих профессий. Технологическое замещение обгоняет процесс «расширения» капитализма и создания беловоротничковых рабочих мест [Коллинз 2010]. Современное общество способно производить колоссальное количество материальных благ, однако все больше и больше людей остаются без работы или пополняют ряды так называемого *прекариата* – класса, представители которого не видят дальнейших перспектив, не имеют стабильного рабочего места и в целом не чувствуют себя в безопасности [Стэндинг 2014]. В то же время в информационном и постиндустриальном обществе большую роль играют *творчество и наука*, которые капитализм облачает в форму так называемого человеческого капитала. Результаты интеллектуального труда приватизируются, становясь источником обогащения глобальных корпораций, стремящихся уничтожить друг друга в бесконечных патентных войнах.

Тем не менее сегодня проблемы нередко представляются в виде возможностей. Прекариат борется за так называемый *базовый доход* – минимальный набор материальных благ, который должен быть доступен каждому в развитом обществе, чтобы обеспечить удовлетворение базовых потребностей. Идея базового дохода отнюдь не нова. Еще Э. Фромм, например, писал, что самый первый шаг на пути к построению «здорового общества» – предоставить каждому возможность спокойно жить, не испытывая нужды. Это якобы освободит людей от материальной необходимости и (при некоторых других обстоятельствах) побудит их стремиться к активной творческой деятельности [Фромм 2009]. С другой стороны, А. Горц замечает, что творческий труд, результирующий ростом совокупного знания, очень сложно капитализировать и приватизировать [Горц 2010]. Он словно загоняется капитализмом в узкие рамки, искусственно созданные ради своеобразной квазиенты – нетрудового дохода, который можно извлечь только за счет преимущества, владения исключительным «правом на знание».

В итоге, по мнению таких авторов как Горц, в современном *когнитивном капитализме* зреет зачаток *коммунизма*. Остается создать необходимые культурные условия, в которых люди стремились бы не потреблять, а созидать. С другой стороны, само по себе производимое знание следует, по мнению Горца, обобществить, сделав его всеобщим достоянием. Горц замечает, что для современных творческих людей важнее признание и самореализация, нежели материальное благополучие. Таким образом, в фигуре

креативщика или ученого можно усмотреть уже какие-то черты коммунистического идеала нового человека, постепенно высвобождающегося от всякого отчуждения. Он уже начинает принадлежать самому себе и творить мир вокруг себя сообразно своей личности.

Но допустим, что мы в конце концов придем к такому обществу, в котором каждый обеспечен базовым доходом и не нуждается ни в чем. Допустим даже, что в таком обществе свершится культурная революция, и больше не будет манипуляций желаниями и безмерного потребления. Воспользуются ли люди этим положением, чтобы реализовать весь свой внутренний потенциал? Увидим ли мы общество, свободное от отчуждения?

Является ли коммунизм знаний панацеей от отчуждения? Мы привыкли связывать отчуждение с капитализмом и предшествующими ему формациями, с эксплуатацией трудящихся или логикой рынка, сводящей все и вся к деньгам и товарам. Данная тенденция берет начало в трудах К. Маркса [Маркс 2012], который считал, что в условиях капитализма труд человека превращается в товар. Как пишут Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», отчуждение – это «закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты» [Маркс, Энгельс 1955: 32].

Рабочий продает свою рабочую силу капиталисту, и с тех пор не может распоряжаться своими возможностями, видеть результат своего труда. Торговля, автоматизация производства и разделение труда фрагментируют процесс производства, разделяют его на совокупности рутинных операций. В этих условиях рабочий превращается в придаток машины. Соответствующим образом меняется и его сознание. Маркс называет такой труд скотским. Рабочий фундаментально несвободен, его внутренние (собственно, человеческие) потенции не раскрыты, он не чувствует себя творцом чего-то *своего*. Напротив, все усилия его направлены на удовлетворение природных потребностей посредством труда, принадлежащего не ему. Как пишет Маркс, «производство производит человека не только как товар, не только человека-товар, человека с определением товара, оно производит его, сообразно этому определению, как существо духовно и физически обезчеловеченное» [Маркс 1974]. Рабочий всего лишь придаток чуждого ему мира капитала, в котором правят корысть и погоня за сверхприбылями.

Позже определение слова «отчуждение» несколько расширилось. У представителей Франкфуртской школы отчуждение характеризует не только труд, но и культуру. У Э. Фромма [Фромм 2009] отчужденный человек – это потребитель, стремящийся к *обладанию*. Потребитель идентифицирует себя с вещами, его самость немислима без потребляемых предметов. Вне этих предметов человек *никто*. Отсюда вытекают перманентные депрессии и ощущение бессмысленности, пустоты. Товарный фетишизм порождается капитализмом, ибо капитализм немислим без расширения потребления. С самого рождения человек погружается в среду, в которой господствуют средства массовой информации, нацеленные на создание новых потребностей.

Концепту отчуждения противопоставлен концепт полноценной свободной творческой личности. Личность реализует свой *внутренний* потенциал в обществе. Фромм полагает, что личность определяется не потреблением, а *бытием*, то есть активностью, созиданием, творением. Творческий человек сам ставит цель, сам ищет средства ее достижения. Представляя свои труды обществу, человек как бы преодолевает свою природную ограниченность, заявляет о своей целостности.

Каков рецепт избавления от отчуждения? Для ряда марксистов он в общих чертах универсален: это преодоление капитализма, а вместе с этим и потребительства, построение общества, цель которого – способствовать полноценному развитию личности. Разница заключается в целях и методах достижения желаемого. Печальный опыт СССР заставил большую часть авторов пересмотреть их взгляды на *роль государства* и бюрократии в процессе построения коммунизма. Есть некое общее умонастроение: найти такое решение, при котором коммунизм возник бы скорее как культурное явление, а затем распространился и вытеснил те социальные, экономические и политические институты, которые подпитывают капитализм. О таких чисто марксистских терминах как «диктатура пролетариата» или «обобществление государством средств производства» многие стараются не говорить. Этот путь объявлен порочным (особенно в российской академической среде).

Подробнее мы остановимся на популярной ныне концепции *когнитивного капитализма* А. Горца. Горц видит зачаток коммунизма (коммунизма знаний) в современном обществе знаний [Горц 2010]. Он замечает, что знание сегодня представляют как новую форму капитала – человеческого капитала. Знание становится определяющим фактором производства в наукоемкой экономике, и за этот капитал ведут ожесточенную борьбу все ведущие корпорации мира. Однако сам по себе процесс создания и распространения знания чужд капиталистическому миру. Знание крайне сложно формализовать, количественно измерить, а главное – присвоить. Знание в один щелчок компьютерной мыши становится общественным достоянием. Оно постоянно утекает, просачивается сквозь барьеры, искусственно устанавливаемые капиталистами. Сами же капиталисты занимаются не столько производством знания, сколько борьбой за монопольное пользование им через систему патентов. Развитие экономики знаний – это по сути формирование благоприятной почвы для будущего коммунизма.

Меняются и личностные качества тех людей, кто занят производством знания. Как пишет Горц, «личность уже не подчинена внешнему принуждению, напротив, она превратилась в собственного производителя, работодателя и продавца» [Горц 2010: 33]. Тот, кто занят творческой деятельностью, нередко ставит идею выше материальных выгод. Для многих творческих людей важен мотив личностной самореализации. В защиту своей точки зрения Горц приводит разработчиков бесплатного компьютерного софта: «...разработчиком свободной программы движет исключительно желание общаться, действовать совместно, осуществлять социализацию и специализацию не за счет обмена услугами, а через отношения симпатии» [Горц 2010: 91]. Такая смена приоритетов не всегда выгодна капиталистам.

Меньшая заинтересованность творческих людей в материальном благополучии приводит в конце концов к возникновению подрывных для капитализма группировок, периодически вставляющих палки в колеса информационным капиталистам (многочисленные пираты и хакеры, например).

В принципе вышесказанное, согласно Горцу, означает, что современное общество уже как бы одной ногой преступило порог коммунизма. Остается последний, но очень трудный шаг – избавиться от капитализма в целом и от неолиберализма в частности. Единственное, что еще держит творческих людей в узких рамках капитализма – это потребность в хлебе насущном. Неолиберализм отнял у людей социальную поддержку и сделал их уязвимыми. Необходимо, следовательно, государству дать людям минимальные материальные гарантии, то есть выплачивать так называемые пособия на существование. Это обеспечит возможность «свободного развития без принуждения к рыночному труду» [Горц 2010: 95]. В итоге мы получим общество, в котором труд перестает быть средством, становясь целью, формой личностной самореализации. Здесь знания распространяются свободно, а целью деятельности людей становится то самое неотчужденное *бытие*.

Теория Горца впечатляет своей логической стройностью, однако у нас она вызывает большие сомнения, особенно в том месте, где говорится о преодолении отчуждения. Горц, на наш взгляд, предельно упрощает переход к неотчужденному бытию.

Насколько мы знаем, ни Маркс, ни Энгельс так и не оставили после себя подробного описания того, *каким* будет коммунистическое общество и *каким конкретным образом* люди коммунистического строя будут становиться всесторонне развитыми личностями. В «Критике Готской программы» Маркс пишет, что «после того, как исчезнет поработавшее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда..., труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью; ... вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы, и все источники общественного богатства» [Маркс 1961: 20]. Более детального описания коммунистического общества мы у Маркса и Энгельса не найдем. Но что значит всестороннее развитие индивидов? Определенно это не означает, что у каждого будут реализованы все возможные умения и навыки. Напротив, скорее речь здесь идет о том, что всесторонне развитая личность – это тот, кто может *полноценно развиваться*: хорошее здоровье, моральные и нравственные качества, профессионализм и т.п. Но можно ли *только так* охарактеризовать неотчужденную личность будущего?

На наш взгляд, феномен отчуждения не отомрет ни после ликвидации частной собственности, ни после отмирания государства, ни даже после того, когда ценности самореализации восторжествуют, и каждый будет обеспечен уймой свободного времени и материальных благ. Маркс и Энгельс, борясь с философскими спекуляциями, свели анализ проблемы целостной личности к рассмотрению особенностей производственных отношений. Но это слишком сильно ограничивает представление о феномене отчуждения. Ф. Юнгер, например, обращает наше внимание на отчуждающий характер

техники как таковой [Юнгер 2002]. Мир технического прогресса – это мир бесконечных изменений, под которые вынужден подстраиваться человек. Благодаря технике человек научился точно измерять время, но это привело к тому, что он потерял, собственно, *свое* время. Теперь время подчиняет его своему ускоряющемуся темпу. Техника здесь представлена не только как элемент производственных отношений, но также и как нечто само по себе влияющее на жизнь индивидов.

Возникает вопрос, как эти свободные от материальной нужды люди будут добиваться личностной самореализации? У Н. Бердяева, например, личность – это «универсум, микрокосм и в известном смысле весь мир... ей принадлежит» [Бердяев 2010: 37]. Личность есть нечто целостное, выходящее за пределы своего эмпирического Я (как правило, через соотносённость с обществом). Но в то же время в личности всегда заключено «индивидуальное..., единственное в своем роде, оригинальное, отличающее от другого и других» [Бердяев 2010: 40]. Х. Арндт уже соотносит личность с именем, с памятью о неких *выдающихся поступках*. Именно поэтому она приводит в пример греческий полис, в котором свободные граждане стремятся проявить себя, чтобы оставить след в истории, то есть хоть каким-то образом ответить на неизбежный вызов смерти. Как пишет Арндт, «полис заботился о том, чтобы восхищение современников не угасало среди потомков» [Арндт 2010: 261].

Но одно дело небольшой полис, а другое дело – массы людей, которые высвободились от жизненной нужды и спешат найти свое *истинное Я*. Пока оставим в стороне все очевидные реалии современного общества (здесь мы имеем в виду несвободу от навязываемых желаний и потребительства) и допустим, что наблюдаем общество, в котором каждый стремится к творческой самореализации. Будет ли это одновременно свободное от отчуждения общество? Позволим себе усомниться в утвердительном ответе на данный вопрос, поскольку отчуждение – это также, на наш взгляд, осознание человеком того, что его усилия *ничтожны*.

Образец для подражания у Горца – ученый. Но и ученый, занимающийся грандиозными исследованиями, может чувствовать себя отчужденным, если плоды его деятельности тонут в массах аналогичных усилий. Он не действует в одиночку. На его проблему, как правило, обращен взор других его коллег. И чем больше людей смотрят в одну сторону, тем сильнее предмет их усилий дробится, становясь мизерным. В итоге уже не один человек разрешает проблему, а коллективный разум, которому невозможно приписать какую-либо индивидуальность. Тогда единственным способом взять верх над другими, выделиться, записать свое имя в историю окажется беспредельный фанатизм, то есть по сути уничтожение человечности, немислимой без свободного времени, без любви и эмоций.

Можно здесь возразить, будто бы пределов человеческой изобретательности нет, и вместо бесконечного нарастания творческой конкуренции в каких-то областях желательно быстрое расширение самого пространства деятельности (то есть появление новых культурных ниш). Но и это сомнительно, ибо современные коммуникационные технологии позволяют

людям быстро группироваться вокруг тех или иных проблем. Современная техника обеспечивает мгновенные отзывы и реакции. Она не оставляет никаких слепых ниш, которые мог бы обнаружить *кто-то*; напротив, все просматривается, все заполняется, а потому уже не нужна личность как что-то *единичное*.

В обществе, в котором приоритетным мотивом к действию является творческая самореализация, если это общество допускает неограниченную свободу творчества, отчуждение неизбежно. И это будет самое жестокое отчуждение, ибо под ударом окажется самое потаенное – Я человека, уже почувствовавшего смысл подлинной свободы, но тут же представленного перед беспощадной конкуренцией за новые идеи, смыслы или подходы. Нет ничего худшего, чем ощущение бессмысленности усилий там, где мы привыкли видеть «свободный творческий полет».

Идее о том, что истин и смыслов беспредельное множество, мы бы хотели противопоставить идею о том, что истины и смыслы не могут растягиваться до бесконечности, а значит процесс постижения подразумевает постепенную специализацию и детализацию в закономерно возникающих направлениях. Чем больше деталей, тем они мельче, а потому теряется та фундаментальность (и даже сакральность), которую мы приписываем классикам и первооткрывателям. Не бесконечно (в обозримых перспективах) количество позиций и высказанных точек зрения. Есть конец, предел творческого воображения и изобразительного чувства. Человек, вступающий в мир ускоряющегося постижения, неизбежно оказывается перед выбором: пассивно плыть по течению или попытаться создать что-то *новое*. Однако помимо нас, познающих что-то новое, существуют другие такие же познающие, покушающиеся на нашу новизну. В итоге познанная нами истина с опережением становится уже *не* нашей истиной, словно бы мы продавали аналогичный продукт, который в любом случае возникнет в скором времени и без наших усилий.

Можно также усомниться: не является ли наше представление о человеке как о борце за свои идеи еще в некоторой степени обусловленным капиталистическим мировидением мира конкурентной борьбы? Разумеется, возможно представить себе общество, где сложилась культура, в рамках которой индивиды не хотят выделять себя из толпы – они занимаются тем, что им «просто нравится». Но как еще иначе называть эти занятия, кроме бесполезной траты времени? Будет ли человек ощущать себя полноценным, *полезным общественным существом*, если его старания банальны? В чем тогда смысл коммунистического бытия? Конечно, можно говорить, что творческое развитие и стремление к самовыражению – это не всегда одно и то же. Ссылаясь на Арендт, мы якобы искусственно сузили значение слова «личность». Можно допустить, что лицемерие своих трудов, даже если о них не написано в учебниках и о них не слагают легенды, и есть уже достаточное условие достойной жизни. Однако проблема именно в том, что в условиях «массового самовыражения» невозможно будет найти что-то, относящееся с неразрывным бытием личности. Личность невозможна без *собственной истории*, которую она рассказывает сама себе или ближайшему

окружению. Если нет тех областей, где можно с полной силой *проявить* себя, то о чем будут слагаться эти истории? Немногие счастливицы выиграют отчасти по стечению обстоятельств и выдадут что-то, что еще хоть как-то можно назвать *выдающимся*. Но разве об этом идея коммунизма?

Отчуждение после капитализма: на пути к рентному обществу. Горц не дает нам каких-либо конкретных рекомендаций, как перестроить общество и направить его в сторону коммунизма. Он просто предлагает сделать первый шаг на пути к социализму – ввести пособия на существование, которые смог бы получать *каждый*. Это что-то вроде возврата к практикам государства всеобщего благосостояния, только более радикальное, ставящее под удар монопольное право глобальных корпораций на востребованную истину.

Однако данная мера, на наш взгляд, приведет совсем не к коммунизму, а к радикально поляризованному обществу, поделенному на тех, кто еще в силах бороться за что-то действительно выдающееся, и на потребителей-*рантье*, проедающих то, что произведено представителями высшего «когнитивного» класса.

Мир идей – это мир безмерного трудолюбия, в котором выживает наиболее талантливый и усердный. Чем более отчужденным этот мир будет, тем большее количество людей начнут ощущать свое бессилие. При этом отторжение вызовет не только бессилие, но и *бессмысленность* бесконечной погони за новыми идеями, которая в итоге скатывается в протитуирование своим в большем числе случаев посредственным творчеством, попытками обозначить своим именем нечто возникающее в результате стихийной коллективной деятельности.

Альтернатива философии трудолюбия – культ обыденности, потребительство (когда покупают и делают то, что «просто нравится»). Меньше потреблять, но при этом еще меньше работать – вот девиз истинных *рантье*. По мере дальнейшего роста производительных сил и автоматизации производства общественная рента, выдаваемая каждому ради освобождения от принудительного труда, окажется кормушкой для тех, кто бежит от существующего отчуждения ради еще большего, но одновременно «легкого» отчуждения. Тот, кто чувствует себя пылью среди бушующих стихий, неизбежно соблазнится жизнью в том пространстве, которое остается *осязаемым*. Это пространство обыденности, в котором вместо труда и преследования общественно важных целей остается совместное проживание в свое удовольствие.

Но труд – это не просто что-то чуждое и принудительное, как о том писали Маркс или Арендт. Можно также предположить, что труд подпитывает всякую повседневную мораль. Труд дисциплинирует, устанавливает четкие рамки, в которых нечто потребляемое дается в вознаграждение за некие испытанные неудобства или даже муки. Благодаря труду пространство воспринимается как совокупность ограничений, требующих приложения усилий или самосовершенствования. Отсюда прямая связь с моралью: труд (начинающийся на самом деле со школьной скамьи) формирует соответствующую установку, готовность на внутренние самоограничения. Иными

словами, труд готовит почву для всякой морали, ибо мораль немыслима без самоограничений.

Нам могут возразить, что в феодальные времена существовал относительно многочисленный класс рантье-землевладельцев, многие представители которых становились писателями, поэтами или учеными, придерживались рыцарских этикетов и в целом вели одухотворенную жизнь. Однако и в те времена быть дворянином означало также *служить*, то есть исполнять долг перед тем, кто тебе дал все имеющиеся привилегии. Кроме того, не стоит забывать, что в ту эпоху сама жизнь была своеобразным трудом, независимо от сословной принадлежности. Смерть и муки лишений поджидали человека всюду.

Наш рантье свободен от труда, но его уже мало что сдерживает от скатывания в состояние *небытия*. В таком состоянии человек теряет представление о справедливом вознаграждении или волевом преодолении. Он только получает, то есть подобен ребенку, который не знает слова «нельзя» или «должен». В рентном обществе государство действительно может отмереть (как о том твердят классики коммунизма), но не потому что достигнут определенный уровень духовного совершенства и все живут в мире, а потому что уже больше нет повода для насилия: человек превращается в безобидное растение, которому вполне хватает солнечного света.

Рентное общество есть неизбежное следствие проекта¹, в котором постулируется приоритет свободной, а значит *конкурентной* творческой самореализации. Такое общество возможно только в условиях всеобщего материального изобилия, которое и послужит благодатной рентной средой для миллиардов выбитых из конкурентной борьбы или попросту сознательно отказывающихся преследовать никому не нужные цели. Ибо ситуация представлена здесь так, что *персонально* в твоих услугах никто не заинтересован, и тебе следовало бы еще доказать свою полезность. Но одновременно с тобой доказывают свою полезность сотни тысяч человек, как будто бы и *без тебя все могли бы легко обойтись*. В конце концов твое ближайшее окружение, все более и более становящееся рантье, вполне довольно тем, что у них уже имеется. Ты бы и мог заниматься творческой деятельностью, но все, что бы ты не делал, является лишь повторением уже созданного кем-то, а потому вероятность сотворить что-то действительно новое минимальна. Зачем тратить силы и время, если их можно посвятить *самому себе*? Все рано или поздно приходит в равновесие, а потому оптимальное состояние для рентного общества – это миллиарды бесцельно прожигающих свою жизнь рантье и лишь сотни тех, кто еще может наладить конструктивный диалог в пространстве, в котором можно проговорить свое имя, а потому оставаться настоящей *личностью*.

Знание, действительно, сложно измерить, и оно весьма летуче – легко обобщается, становясь всеобщим достоянием. Но одновременно оно также легко отчуждается от всякой единичности, легко ускользает от того, кто стремится быть *кем-то* посредством его производства.

¹ См.: [Фишман, Давыдов 2015].

Есть ли альтернатива рентному обществу? Маркс и Энгельс обосновали концепцию отмирания государства. В коммунистическом обществе, по их мнению, нет нужды в насилии, а потому нет нужды в основном инструменте эксплуататорского упорядочивания – в государстве. Однако следует помнить, что коммунизм у этих авторов не означает замкнутое сожителство общин производителей и отсутствие какого-либо органа коллективной самоорганизации и координации действий. Напротив, «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами» [Энгельс 1973]. Демократия трудящихся и централизованная система распределения, придерживающаяся универсальных принципов справедливости – вот то, без чего невозможен подлинный коммунизм. Но такой подход слишком узок, ибо подразумевает, что свобода от материальной нужды означает свободу от отчуждения, то есть прямой путь к гармонии и свободному творчеству. Следовательно, государство отмирает там, где достигнуто материальное изобилие, больше нет классовой и какой-либо другой вражды, а сами люди достаточно культурны. Скорее всего это не так.

После распада СССР плановая модель экономики оказалась очерненной и вытесненной на периферию интеллектуальных дискуссий. Ее критики подчеркивают, что она не дает должных стимулов, не порождает соответствующую самоотдачу, ибо не обостряет жизнь людей беспредельной конкуренцией. В задачи настоящей статьи не входит осуждение опыта Советского Союза и причины его заката (здесь поле для дискуссий до сих пор не распаханно до конца). Однако очевидной недальновидностью будет считать печальный опыт нескольких воплощений общей идеи свидетельством ущербности самой идеи. В конце концов и тот самый «успешный» капитализм не существует отдельно от культурных обстоятельств, в которые он помещен. Не стоит забывать протестантскую этику, а также стремление каждого во всем подражать высоким стандартам потребления, диктуемым праздным «элитным» классом [Веблен 1984]. В целом многочисленные обстоятельства жизненной нужды и воспитывали в людях трудолюбие.

Все эти ситуации далеко не бессмертны. И сам капитализм сегодня уже начинает мутировать, становясь рентным обществом. Добившись определенного уровня материального благосостояния, капитализм неизбежно начнет порождать увеличивающуюся прослойку рантье. При этом неважно, будут ли введены пособия на существование (и вообще будет ли государство каким-либо образом возвращаться в свое прежнее *социальное* состояние). Там, где установка к максимизации прибыли путем трудолюбия и усилий сменяется установкой к минимизации издержек и максимизации свободного времени, неизбежно скатывание в рентное состояние. В таком состоянии капитализм начнет уничтожать сам себя, подстраиваясь под спрос рантье: производство как можно более дешевых продуктов, дающих иллюзию безопасной, нескудной и насыщенной жизни по минимальной цене.

Вернемся к Марксу и Энгельсу. Как говорилось выше, Маркс и Энгельс мечтали об обществе изобилия, в котором труд из средства превращается в удовольствие, цель. Но они мало говорят о том, *что* же должно определять

смысл и цель свободного творчества. В действительности в коммунистическом обществе данные смысл и цель могут определяться только через соотнесенность с общественной пользой. Однако *фундаментальный* смысл акт полезного действия обретает только в случае какой-либо исключительной потребности в нем. Чем глубже и острее эта потребность, тем более отчетлив *лик* того, кто созидает. Но это только одна сторона медали, ибо не менее важен *непосредственный контакт* между тем кто творит что-то и тем кто это принимает. В данной ситуации акт творения не отчуждается от его носителя, ибо сам человек осознает, что это *именно он* может и готов сотворить то, без чего кому-то было бы гораздо хуже.

В описанной выше ситуации «отчуждения после капитализма» нет никаких фигур и их взаимоотношений, а есть абстрактные проблемы и массы их абстрактных решателей. Здесь творящий скорее *навязывает* свое творчество другому с целью получить «добродетельный» статус. Никто при этом не обладает никакой исключительностью, а потому постепенно теряется связь действия и результата, смысл и цель.

На ум приходит другая возможная ситуация. В ней все же существует централизованный субъект в виде государства. Этот субъект уже не обременен заботами о материальной нужде. В конце концов вместе с автоматизацией производства возможна и автоматизация рутинной бюрократии. Это скорее творческий коллективный субъект, цель которого обеспечить подлинный коммунизм. Вряд ли в таком коммунизме о каждом будут написаны главы в учебниках. Однако можно пойти другим путем: дать ощущение каждому того, что в нем есть *реальная* потребность. Наше идеальное государство не плодит конкуренцию ради как можно более эффективного разрешения ограниченного набора проблем, а стремится расширить количество новых областей, требующих приложения усилий. Разумеется, такое государство ведет диалог *персонально с каждым*, находит персонально каждому возможность сделать что-то реально полезное. Такое государство созидает подлинный справедливый социализм, в котором важнейшим компонентом (до поры до времени?), воспитывающим дух и волю, является труд.

Материал поступил в редколлегию 15.05.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Арендт Х. 2010. *Vita activa, или О деятельной жизни*. М. : Алетей. 378 с.
Бердяев Н. 2010. *О рабстве и свободе человека*. М. : Астрель. 317 с.
Веблен Т. 1984. *Теория праздного класса*. М. : Прогресс. 367 с.
Горц А. 2010. *Нематериальное. Знание, стоимость и капитал*. М. : Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. 208 с.
Коллинз Р. 2010. *Технологическое замещение и пределы капитализма: выходы и тупики* // Полит. концептология. № 1. С. 35-50.
Маркс К. 1961. *Критика Готской программы* // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М. : Изд-во полит. лит. Т. 19. С. 9-32.

Маркс К. 1974. Экономическо-философские рукописи 1844 г. [Электронный ресурс] // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М. : Изд-во полит. лит. Т. 42. С. 41-174. URL: <http://www.psylib.org.ua/books/marxk01/index.htm> (дата обращения: 12.05.2015).

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М. : Изд-во полит. лит. Т. 3. С. 7-544.

Стэндинг Г. 2014. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс. 328 с.

Фишман Л.Г., Давыдов Д.А. 2015. От капитализма к рентному обществу? // Полития. № 1. С. 39-54.

Фромм Э. 2009. Иметь или быть? М. : АСТ. 448 с.

Энгельс Ф. 1973. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М. : Изд-во полит. лит. 484 с.

Юнгер Ф. Г. 2002. Совершенство техники. СПб. : Владимир Даль. 558 с.

Rifkin J. 2014. *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, The Collaborative commons, and the Eclipse of Capitalism*. London : Palgrave Macmillan Trade. 368 p.

References

Arendt H. *Vita activa, ili O deyatel'noy zhizni* [Vita activa and the human condition], Moscow, Aleteyya, 2010, 378 p. (in Russ.).

Berdyaev N.A. *O rabstve i svobode cheloveka* [Slavery and freedom], Moscow, Astrel', 2010, 317 p. (in Russ.).

Collins R. *Tekhnologicheskoe zameshchenie i predely kapitalizma: vykhody i tupiki* [Technological displacement of labour: outputs and deadlocks], *Polit. kontseptologiya*, 2010, no. 1, pp. 35-50. (in Russ.).

Engels F. *Anti-Dyuring. Perevorot v nauke, proizvedenny gospodinom Evgeniem Dyuringom* [Anti-Dühring. Herr Eugen Dühring's revolution in science], Moscow, Izd-vo polit. lit., 1973, 484 p. (in Russ.).

Fishman L.G., Davydov D.A. *Ot kapitalizma k rentnomu obshchestvu?* [From capitalism to rent society?], *Politiya*, 2015, no. 1, pp. 39-54. (in Russ.).

Fromm E. *Imet' ili byt'?* [To have or to be?], Moscow, AST, 2009, 448 p. (in Russ.).

Gorz A. *Nematerial'noe. Znanie, stoimost' i kapital* [The immaterial. Knowledge, cost and capital], Moscow, Gos. un-t – Vyssh. shk. ekonomiki, 2010, 208 p. (in Russ.).

Jünger F.G. *Sovershenstvo tekhniki* [The perfection of technology], St. Petersburg, Vladimir Dal', 2002, 558 p. (in Russ.).

Marx K. *Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g.* [Economic and philosophic manuscripts of 1844], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, Moscow, Izd-vo polit. lit., 1974, vol. 42, pp. 41-174, available at: <http://www.psylib.org.ua/books/marxk01/index.htm> (accessed 12 May 2015). (in Russ.).

Marx K. *Kritika Gotskoy programmy* [Critique of the Gotha Program], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, Moscow, Izd-vo polit. lit., 1961, vol. 19, pp. 9-32. (in Russ.).

Marx K., Engels F. *Nemetskaya ideologiya* [The German Ideology], *K. Marks, F. Engel's, Sochineniya*, Moscow, Izd-vo polit. lit., 1955, vol. 3, pp. 7-544. (in Russ.).

Rifkin J. *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, The Collaborative commons, and the Eclipse of Capitalism*, London, Palgrave Macmillan Trade, 2014, 368 p.

Standing G. *Prekariat: novyy opasnyy klass* [The precariat], Moscow, Ad Marginem Press, 2014, 328 p. (in Russ.).

Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The theory of the leisure class: an economic study of institutions], Moscow, Progress, 1984, 367 p. (in Russ.).

Dmitrii A. Davydov, Junior Research Fellow, Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg.
E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

AFTER CAPITALISM: THE END OF ALIENATION OR RENTAL ERASURE?

Abstract: The article is devoted to theoretical understanding of the alienation phenomenon. According to the author, modern views on the alienation phenomenon lead to erroneous forecasts, according to which modern capitalism gradually develops the communism of knowledge. This modern “cognitive capitalism” is characterized by the fact that instead of material assets creative self-realization and knowledge becomes the main factor of production, which is difficult to capitalize due to its public nature. According to the proponents of this idea, in cognitive capitalism personal freedom of being is gradually achieved (with the condition of overcoming consumerism), because the economic sphere moves towards abundance, as well as the regression of the need for compulsory labor. Nevertheless, the author expresses his disagreement with the theorists of cognitive capitalism as something prior to communism. According to the author, situation, in which everyone has a freedom of creativity, alienates a person no less than material poverty or forced and meaningless labor. Under the free competition of creativity, everyone has to justify constantly the originality and the significance of his/her ideas. However, it should be taken into account that there is a great chance for the reiteration of what has been said or demonstrated. The public nature of knowledge and creativity begins to alienate a person from his/her identity by distancing the purpose from the performer. This competition puts a person before a choice: to devote oneself completely to creativity or to give up being satisfied by the mediocre results. As a result, according to the author, the society of guaranteed minimal material wealth would be not communistic but rent-oriented (rent society). Such a society is divided into the majority, consisting of those lived at the expense of public resources rentiers, and the productive “cognitive” class. In this regard, the author tries to find some alternatives to such an unfavorable scenario.

Keywords: capitalism, communism, cognitive capitalism, alienation, post-capitalism, rent society.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

2016. Том 16. Вып. 1, с. 33–91

<http://yearbook.uran.ru>

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ РЕГИОНОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЛИСТСКИХ ИДЕНТИФИКАТОРОВ

УДК 323

Всеволод Дмитриевич Бедерсон

младший научный сотрудник
отдела философии Института философии и права УрО РАН,
старший преподаватель
г. Екатеринбург.
E-mail: vsbederson@gmail.com

Настоящая статья представляет собой обобщение результатов исследования персонализированных образов (образов исторических персоналий), которые актуализируются региональными политическими элитами с целью проведения политики идентичности. Такие образы понимаются как персоналистские идентификаторы, то есть элементы политики идентичности, с одной стороны, и элементы идентификационной матрицы региона, с другой стороны. Исследование основано на дискурсивном анализе материалов из 83 регионов РФ, который позволил сформулировать ключевые сравнительные характеристики персоналистских идентификаторов: степень (низкий, средний, высокий) и характер (институциональный и надинституциональный) дискурсивной устойчивости персоналистского идентификатора; классификация персоналистских идентификаторов по типу связи персоналистского идентификатора с регионом («великий сын», «первооткрыватель», «правитель-ностальгия» «просветитель», «персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-

либо травматического периода для региона – регионального сообщества», «герой «золотого века»); доминирующий дискурс, производимый региональными элитами через персоналистский идентификатор (дискурс унификации, партикуляризации, уникализации); стратегии региональных политических элит в отношении конкретных идентификаторов (стратегия легитимации и стратегия вынужденной идентификации); инструментарий актуализации персоналистских идентификаторов региональными элитами (номинарование, в том числе топонимирование, монументализация и ритуализация)..

Ключевые слова: политика идентичности, региональная идентичность, персоналистский идентификатор.

В современной литературе, посвященной исследованию социально-политических аспектов феномена идентичности, практически утвердилось структуралистское представление об изучаемом объекте. Политическую идентичность и различные территориальные идентичности принято, что вполне корректно и обосновано, на наш взгляд, объяснять как структуру, матрицу [Назукина 2011: 193-197], палимпсест [Митин 2006: 64-82], множественность или гибрид [Кудряшова 2011: 93-96] и т.п. Критикуя доминирование конструктивистской парадигмы в изучении идентичности известные ученые Р. Брубейкер и Ф. Купер [Brubaker, Cooper 2000] призвали исследователей идентичности во избежание концептуальных «натяжек» обращать особое внимание на отдельные элементы идентитарной структуры. Исходить следует из того, что каждый элемент матрицы-идентичности отражает разные стороны данного феномена и по-разному влияет на консолидацию и мобилизацию сообществ.

В центре внимания настоящей статьи – отдельный элемент (идентификатор) идентификационной матрицы современных российских регионов, персоналистский идентификатор. Конкретно рассмотрено, как данный идентификатор региональные политические элиты используют в проводимой ими политике идентичности.

Прежде всего необходимо отметить, что мы понимаем под ключевыми категориями данной статьи.

Политика идентичности, которая, вслед за Е. Цумаровой, нами сформулирована как «деятельность политических акторов по формированию представлений о «мы-сообществе» и чувства принадлежности к нему в границах политического сообщества». Соответственно, целью политики идентичности является «укрепление позиций и легитимация властвующих институтов», а основными направлениями – «символизация пространства, ритуализация принадлежности к политическому сообществу, формирование образа «мы-сообщества» и установление границ «свой» – «чужой» [Цумарова 2012: 7].

Персоналистский идентификатор – имеющий символическую и семиотическую природу структурный элемент региональной идентичности, отличающийся от иных тем, что в его основе лежит образ персоналии (персоналистский/персонифицированный образ). В данном исследовании под персоналистскими идентификаторами понимаются только те персоналист-

ские образы, которые являют собой актуализацию *исторических персоналий*. Другими словами, это лишь те персоналии, которые как конкретные личности (действующие политики, культурные, спортивные или общественные деятели) не существуют в настоящее время. По этой причине в поле анализа большей частью не входят образы современных персон, даже если они являются частью политики идентичности (например образы действующих или недавних губернаторов в ряде регионов).

Однако исключение было сделано для тех, кого в соответствующих регионах можно без преувеличения отнести к «живым легендам». Это те персоналии, вокруг которых уже сформирован и закреплён определенный миф, и данная персоналия хоть и является ныне здравствующим человеком, в регионе не выступает активным актором общественно-политических процессов, то есть не может изменить и не меняет относящийся к ней миф. Кроме того, персоналистский идентификатор должен быть институционально закреплён в *дискурсивном и, что важно, объективном (физическом) пространстве региона* (имена персоналий присвоены какому-либо учреждению, в их честь сооружены монументы, проводятся масштабные публичные мероприятия и т.д.).

Еще один критерий выборки – включенность образа персоналии в *элитистский идентитарный дискурс*, когда речь идет только о тех персоналистских идентификаторах, которые актуализирует региональная элита. Вне проведенного анализа остались мифологическо-легендарные антропоморфные персонажи (герои сказок, легенд, художественных произведений и т.п.).

Нами было проведено исследование актуализации персоналистских идентификаторов в политиках идентичности всех 83 (на начало 2014 года) регионов РФ. На основании результатов данного исследования в статье имеет смысл обозначить ключевые сравнительные характеристики персоналистских идентификаторов.

Основным специальным методом обработки эмпирического материала и составления сравнительных характеристик, объединенных в сводную таблицу в конце статьи, являлся дискурс-анализ. Рассматривая ключевые дискурс-аналитические концепции, мы основывались на работе М. Йоргенсен и Л. Филипс. В данном исследовании использовали в качестве основания также теорию дискурса Э. Лаклау и Ш. Муфф [Laclau, Mouffe 1985], которая была дополнена отдельными элементами критического дискурс-анализа Н. Фэркло [Fairclough 1995]. Дополнительным материалом послужила работа О. и В. Русаковых «PR-дискурс: теоретико-методологический анализ» [Русакова, Русаков 2008], в которой проведен концептуальный разбор массива научной литературы по дискурсивной проблематике. Особенно ценно то, что в данной работе структурированы непосредственные аналитические механизмы ключевых теорий дискурса.

Значительный массив эмпирических материалов для данного исследования был связан с Интернет-публикациями. Поэтому для их анализа применен специальный аналитический инструмент изучения статистики запросов слов и словосочетаний Wordstat (сервис «подбор слов по регионам») в наиболее популярной поисковой системе в РФ – «Яндекс».

Первая сравнительная характеристика – это степень и характер дискурсивной устойчивости персоналистского идентификатора. Оценка дискурсивной устойчивости строилась на основе определения степени информационной популярности персоналистского идентификатора (через анализ истории запросов имени персоналии с помощью сервиса WordStat) и институциональной устойчивости персоналистского идентификатора: 1) институциональная – в тех случаях, когда популярность запросов имени персоналии, полностью или преимущественно связана с институцией, носящей ее имя (театр, событие, премия и др.); 2) надинституциональная – в тех случаях, когда запросы имени персоналии не связаны с институцией или запросы, связанные с институцией не преобладают.

Обобщение результатов анализа по данному показателю говорит о том, что стратегические усилия региональных политических элит по конструированию «культов» местных персонифицированных образов далеко не всегда находят поддержку среди регионального сообщества. Это выражается в низких показателях поисковой активности (количество поисковых запросов имени персоналии) жителей региона. Яркий пример – образ Салавата Юлаева, на актуализацию которого элита достаточно сильно рассчитывает, но показатель дискурсивной устойчивости – «средний».

Однако очевидно, что эффективным можно считать практику присвоения имени персоналии топонимическим объектам и популярным в регионе культурным учреждениям (театрам и музеям, в первую очередь). Такой параметр институциональной устойчивости часто обеспечивает поисковую активность в отношении персоналистского идентификатора. Люди ищут в поисковике даже не саму персоналию, а учреждение или место, названное ее именем, и этим также актуализируют персоналию. Тем не менее эффективность актуализации персоналистского идентификатора такими способами может быть оспорена, например урбанистическими аргументами. Даже персонифицированные городские объекты остаются городскими объектами. Отношение горожан к ним достаточно скоро становится равнодушным. Этот феномен Г. Зиммель назвал блазированностью («притупленность восприятия различия вещей» [Зиммель 2002]). В итоге притупляется интерес и внимание не только к объекту, но и к тому, чье имя он носит.

Следующая сравнительная характеристика – авторская классификация персоналистских идентификаторов по типу связи персоналистского идентификатора с регионом. На основе результатов исследования нами сформулирована следующая классификация:

- «Первооткрыватель» (Н. Муравьев-Амурский в Амурской области, В. Беринг в Камчатском крае, М. Волков в Кемеровской области и др.). «Герои-первооткрыватели» персонифицируют ключевые смысловые линии: 1) «открытие» территории региона для общенационального пространства, 2) закладывание политических традиций в основание «самости» региона. В частности, Михайло Волков в Кемеровской области позиционируется как «первооткрыватель кузбасского угля». Он не только открыл «отраслевую» самость региона, но и заложил основы «кузбасского отношения к работе» [Памятник первооткрывателю...].

- «Просветитель» (А. Пырерка в Ненецком АО; П. Ойунский в Якутии; П. Кучияк в Республике Алтай и др.). Как правило, персоналистские идентификаторы этой группы относятся к этническим регионам и несут в себе дискурс «основоположников» или «первых собирателей» национальной культуры. В основном это местные писатели, поэты, этнографы, фольклористы, переводчики и т.п. «Просветителям» как идентитарным механизмам в данном случае отводится та же конструктивная роль, что и массовой прессе в концепции «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [Андерсон 2001]: они создают нарратив, который объединяет сообщество, выстраивают «новые модели поведения, новые способы его организации и регуляции» [Дубин 2005].

- «Великий сын/дочь» (С. Прокофьев и И. Курчатов в Челябинской области; И. Бунин и Т. Хренников в Липецкой области; И. Гончаров и В. Ленин в Ульяновской области; К. Минин и Д. Пожарский в Нижегородской области; К. Циолковский в Калужской области; А. Никитин в Тверской области и др.). Через эти персоналии, агенты идентичности связывают регион с общероссийской или мировой культурой и историей. Ассоциирование региона с широко известными личностями (писателями, композиторами, учеными, политическими и военными деятелями и т.д.) позволяет субъектам, стоящим за процессом конструирования персоналистского идентификатора, вписываться в глобальные или условно глобальные (федеральные) политические процессы, в том числе добиваясь конкретных материальных благ – например федерального финансирования на увековечивание памяти о «великом» выходе из региона. Известный историк Ю. Слезкин, анализируя значение «духовных основателей» наций (Гете и Шиллер для Германии, Шекспир для Англии и т.д.), называл таких персоналий «местным вариантом мировой культуры» [Слезкин 2005]. Это абсолютно точно выражает инструментальный смысл персоналистских идентификаторов данного класса.

- «Правитель-ностальгия» (Ахмад Кадыров в Чечне; Михаил Евдокимов в Алтайском крае и др.). Данные персоналии интерпретируются как «лучшие руководители» региона и соответственно служат механизмами легитимации его нынешних руководителей. Губернаторы капитализируют память о бывших главах региона в символический капитал и идентифицируют себя и регион с заслугами «героев». Например, современный губернатор Алтайского края Александр Карлин успешно использует популярный образ трагически погибшего бывшего губернатора Михаила Евдокимова для популяризации собственной политики идентичности. Карлин, в частности, участвовал в открытии музея, посвященного Евдокимову, проведении фестиваля его имени и т.п.

- Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо тревожного периода для региона и регионального сообщества (Н. Ватутин в Белгородской области; К. Воробьев в Курской области; Г. Чорос-Гуркин в Республике Алтай и др.). Данные персоналистские идентификаторы символизируют драматические события истории региона или какой-либо группы внутри него. К ним агенты идентичности постоянно обращаются,

обозначая его важность для региональной «самости». Например, элитой Белгородской области актуализируется фигура генерала Ватутина (в его честь вручается областная премия, установлен памятник и т.д.) как персонализированный образ пережитого регионом в Великой Отечественной войне, когда он стал ареной интенсивных военных действий. Образ художника Г. Чорос-Гуркин в Республике Алтай связывает современный регион с годами репрессий.

• «Герой «золотого века» (И. Кант в Калининградской области; князь Олег Рязанский в Рязанской области; князь Михаил Ярославич в Тверской области; княгиня Ольга и князь Довмонт в Псковской области и др.). Через данные персоналии агенты идентичности также предлагают черпать региональную «самость» из прошлого, но «великого» и «золотого». Идентитарные практики, использующие персоналистские идентификаторы такого типа, различны. Но их объединяет дискурс возвращения к тому «лучшему» в прошлом, что воплощает в себе персоналистский идентификатор. Примером политики идентичности, основанной на актуализации «великого прошлого» региона может служить сложившийся в Псковской области культ княгини Ольги. При этом утверждается, что Ольга «принесла немало пользы своей родине, благодаря чему и было решено увековечить великую княгиню в памятниках для будущих поколений» [Памятник великой княгине Ольге].

Помимо классификации мы сравнивали персоналистские идентификаторы по их символическому наполнению, по тому, какие смыслы вкладывают в них региональные политические элиты. Здесь выделены три варианта доминирующего дискурса.

1. *Дискурс унификации* выражается в том, что кодировка смыслов актуализированного персоналистского идентификатора заключается в логике «соподчинения» регионального идентитарного проекта общенациональному, государственному, «центральному». Другими словами, через доминирование данных персоналистских идентификаторов, региональные элиты стремятся подчеркнуть, что регион является прежде всего частью общенационального культурного и символического пространства России.

2. *Дискурс партикуляризации* включает такие смыслы, закладываемые элитами в актуализируемых идентификаторах, которые в отличие от унификации направлены на символическое обособление региональной «самости» от общенационального символического пространства. По своему содержанию данный дискурс, равно как и предыдущий, ориентирован на «значимого Другого», которым является Центр, общегосударственное символическое пространство. Но в отличие от унификационного дискурса партикуляристский он направлен на поиск отличного, а не общего. Персоналистские идентификаторы партикуляристского дискурса выражают определенную логику дискриминации исторического влияния Центра на регион.

3. *Дискурс уникализации* выражает по своим смыслам уникальность региона без причастности к вопросу о включении или об отделении от общенационального пространства. Уникальность региона с помощью персоналистских идентификаторов в данном случае наполняется обозначениями

роли персоналии для обретения «самости» и «особости» региона, которую не следует путать с «самостоятельностью».

Еще один важный сравнительный элемент – выделенные нами стратегии региональных политических элит в отношении конкретных идентификаторов. Проведенное исследование позволило сформулировать стратегии двух ключевых типов.

Легитимация власти через:

– партиципацию действующего руководителя региона с «великим предшественником», как правило, лояльным центральной власти, более того, снискавшим основные заслуги именно в «служении Отечеству»;

– присоединение к общероссийскому культурному пространству в качестве особой территориальной единицы через две различные практики: «аренда» персоналистского идентификатора из общекультурного пространства; «формирование предложения» по включению в общекультурное пространство новый персоналистский идентификатор.

Вынужденная идентификация с персоналистским идентификатором:

– навязанная Центром;

– возникшая в силу символического наследия региона или же воспроизводимая по инерции.

Кроме названного, сравнение персоналистских идентификаторов необходимо проводить также и через перечень инструментариев, которые использует политическая элита с целью актуализации персоналистского идентификатора. Анализ позволяет сгруппировать инструментарий следующим образом.

Первым следует назвать *номинации* (наделение объектов и учреждений именем персоналистского идентификатора). Его разновидностью является *топонимирование* (наделение ландшафтных объектов именем персоналии). Номинации – один из самых распространенных инструментов, используемых преимущественно политической элитой как агентом идентичности. В этом уже проявляются институциональные преимущества данного субъекта. Номинации обычно касаются:

– *учреждений высшего и школьного образования:*

Приамурский государственный университет имени Шолом-Алейхема; Рязанский государственный университет имени Сергея Есенина; Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова; Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Амосова; Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского и др.); Ненецкая общеобразовательная средняя школа-интернат имени А.П. Пырерки; музыкальная школа имени М. Глинки в Смоленске; общеобразовательная средняя школа имени А. Калкина в Республике Алтай; общеобразовательная средняя школа имени Э. Сапаева в Республике Марий Эл; музыкальная академия имени Е. Иофель и др.;

– *учреждений культуры:*

Академический русский театр имени Е. Вахтангова в Северной Осетии; Орловская областная библиотека имени И.А. Бунина; музей Б. Пастернака в Пермском крае; музей В. Арсеньева в Приморском крае; Центральная

городская библиотека имени М.В. Ломоносова в Архангельске; Ставропольский академический театр драмы имени М.Ю. Лермонтова и др.;

– *избирательных участков:*

избирательный участок имени Ахмада Кадырова в Чечне; имени Михаила Ломоносова в Архангельской области; имени Сергея Есенина в Рязанской области и др.).

Следующим инструментом можно назвать *физическую объективацию* или *монументализацию* – установку памятников персоналиям. Подобные практики довольно распространены в современных российских регионах, однако имеют два ограничения. Во-первых, памятник неоднозначно воспринимается персонажу – потенциальный источник конфликта, причем в данном случае прямо провоцирующий акты вандализма и другие неконвенциональные действия. Во-вторых, установка памятника – дорогая практика в прямом смысле этого слова. Она требует значительных финансово-административных вложений (на организацию конкурса проектов, проведение различных согласований, изготовление и установку самого памятника). В силу этих причин физическая объективация персоналистского идентификатора, как правило, возможна лишь при наличии идентитарных коалиций.

Еще одним инструментом, используемым агентами идентичности является *ритуализация* – инфраструктурное воспроизводство образа персоналии. Под это определение подпадают любые действия агентов идентичности, направленные на создание постоянно (относительно постоянно) воспроизводимых событий или активистских актов, которые бы регулярно актуализировали «героя». Именно практики ритуализации, в отличие от номинирования и физической объективации, как уже отмечалось, придают политике персонификации образа региона динамическую составляющую.

Конкретными разновидностями ритуализации в современной практике политики идентичности в российских регионах, в частности, следует считать:

- проведение форумов/фестивалей/конференций, посвященных персоналистскому идентификатору или носящих его имя;
- учреждение наград, стипендий или премий, названных именем персоналистского идентификатора;
- проведение года/месяца/дня, посвященного персоналистскому идентификатору.

Обобщение результатов исследования в части инструментариев актуализации персоналистских идентификаторов может говорить о некотором «минимальном наборе» (если выводить его из тех региональных случаев, где существует активная персоналистская политика идентичности) тех институций, объектов или событий, которым должны быть присвоены имена актуализируемых политикой идентичности персоналистских идентификаторов: университет (как правило, «классический»), главный региональный (как правило, краеведческий) музей, театр (как правило, драматический), улица, площадь, памятник, фестиваль (или

культурно-массовое событие иного формата) и региональная государственная премия.

В конце данной статьи мы приводим сводную таблицу всех выделенных нами персоналистских идентификаторов (403), сформированную по названным выше сравнительным характеристикам. Предлагаемая таблица представляет собой аналитическую конструкцию, которая является скорее матричной, многоэлементной структурой, нежели окончательно сформулированной системой. Такая структура исследовательски более эффективна в силу того, что позволяет комбинировать элементы (релевантные между собой) и делать динамические выводы. Комбинирование элементов таблицы позволяет оценивать политику идентичности в регионе как в целом, так и детально на нескольких уровнях: идентификатора, его таксономии, дискурса или инструментария.

Однако для того, чтобы таким образом использовать данную таблицу, необходимо сделать некоторые существенные оговорки.

В таблице отмечено отсутствие ключевых персоналистских идентификаторов в Москве и Санкт-Петербурге. Конечно, не имеется в виду, что в этих субъектах федерации нет персоналистских идентификаторов в принципе. Речь идет о том, что проведенный дискурс-анализ (как базовый исследовательский метод настоящей работы) не позволяет установить доминирующих персоналистских идентификаторов, к которым обращается политическая элита в этих регионах. Невозможно это, во-первых, из-за их многочисленности, во-вторых, в силу сложности дискурсивного и символического пространства данных мегаполисов. В частности, Москва как столичный и во всех отношениях доминирующий в стране город представляет собой сложный, гетерогенный конструкт, символическая структура которого может быть разложена на несколько пластов [Назукина, Подвинцев 2006]. Она не формирует единой идентитарной линии, с которой могли бы ассоциировать себя жители и на которую могла бы опираться политическая элита [Рыжова 2008].

В этом контексте персонификация идентичности, вероятно, представляется элите политически опасным и нерациональным предприятием. Оно скорее может спровоцировать неконтролируемые конфликты, нежели консолидацию идентичности. Сложность и гетерогенность идентитарных пластов и конкретных идентификаторов Санкт-Петербурга также не позволяет выделить в его идентичности доминирующих персоналистских идентификаторов. Исследователи отмечают, что формирование современной идентичности города-региона чрезвычайно осложнено различными исторически сложившимися «смысловыми растяжками» [Рабжаева, Семенков 2003]. Правда, в отношении данного города-региона справедливым будет утверждение, что персонификация его «самости» заложена в самом названии и тех стереотипах, которые распространены как внутри, так и вне «города Петра I» (а до этого «города Ленина»).

Бросаются в глаза разительные отличия в количестве и качестве персоналистских идентификаторов в разных регионах. Однако именно такое разнообразие в количестве персоналистских идентификаторов выявила

наша методика формирования их выборки, что может говорить о том, что такое разнообразие имеет место в реальности. Важен и интересен вопрос, почему российское региональное идентитарное и символическое пространство настолько пестро персонализировано? Осмелимся предположить, что во многом ответ на данный вопрос заключается в том свойстве российской политико-символической жизни, о котором мы уже говорили – высокой персонификации политики и власти.

Из этого следуют не столько размышления в отношении российской политической культуры, сколько рациональное поведение политических акторов. Их политические тактики и стратегии (предвыборные или связанные не с выборами, а с текущим публичным управлением) опираются на ожидания жителей региона, апеллирование к солидарности с местным всеми уважаемым субъектом. Например, известный литератор поможет принести определенной части элиты больше политических очков (конвертируемых в голоса на выборах или в уровень поддержки политического курса руководящий администрации). Еще одним предположительным ответом на поставленный вопрос может быть идея об отсутствии хоть сколько-нибудь структурированного символического пространства в современной России, которое представляет собой неотрефлексированное наложение символических пластов дореволюционной, раннесоветской, сталинской, позднесоветской и постсоветской эпох. Представленный перечень персоналистских идентификаторов в регионах есть точное отражение этого.

Заложенную в таблице матрицу персоналистских идентификаторов необходимо воспринимать и анализировать в качестве аналитического материала для формулирования определенных выводов, как это было сделано выше, в отношении состояния политики идентичности в российских регионах и в отношении трендов развития взаимоотношений Центра и регионов в пространстве политической идентичности и символической политики. Все это не означает, что данные выводы конечны и однозначны. Напротив, материалы таблицы могут стать основой для выявления более сложных закономерностей в отношении идентитарных процессов в регионах современной России. Это, в свою очередь, потребует дополнения таблицы, ее расширения, включения дополнительных параметров. Вероятно данный перечень персоналий также должен быть пересмотрен, расширен и дополнен. Очевидно, что отдельного, но в той же исследовательской логике, анализа требуют современные для региона персоналии, которые могут быть маркированы персоналистскими идентификаторами. Они так же, как и исторические деятели, формируют региональную идентичность, становятся основой для политики идентичности. Отдельного более внимательного исследовательского внимания заслуживает политика идентичности, проводимая не со стороны региональных политических элит, а та, которую производят внутри регионов отдельные группы и сообщества: местные интеллектуалы, публично активные краеведы, заинтересованные деятели культуры и т.п. (см. таблицу).

Сводная таблица

«Персоналистские идентификаторы субъектов РФ (83 региона)

№	Регион	Персоналистский идентификатор	Дискурсивная устойчивость персоналистского идентификатора	Классификация	Доминирующий дискурс	Стратегия актуализации персоналистского идентификатора	Инструментарий	Наличие политико-символических конфликтов
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.	Республика Адыгея	Т. Керашев	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Инерция	Институт, музей, именной год, улица, памятник	Нет
2.	Республика Алтай	А. Анохин	Низкая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Вынужденная идентификация	Музей, улица, памятник, пешера	Нет
3.		А. Калкин	Низкая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Вынужденная идентификация	Государственные премии, мемориальный комплекс (проект), школа	Нет
4.		Л. Кокышев	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улицы, памятник, выставка, стипендия	Нет
5.		П. Кучиак	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улицы, театр	Нет
6.		Н. Улагашев	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улицы, музей, сквер	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
7.		Г. Чорс-Гуркин	Высокая, вне-институциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу к-либо травматического периода для региона	Партикуляризация	Легитимация	Улица, памятник, премия, сквер, площадь	Нет
8.	Республика Башкортостан	К. Арсланов	Средняя, институциональная	«Герой «золотого века»	Партикуляризация	Легитимация	Музей, конференция, фонд, улица, молодежная премия, гимназия, фестиваль	Да
9.		З. Валиди	Средняя, вне-институциональная	«Герой «золотого века»	Партикуляризация	Легитимация	Улица, государственная премия, именной год, ме-даль	Да
10.		М. Карим	Средняя, вне-институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Театр, гимназия, улица	Нет
11.		Ш. Худайбердин	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Улица, памятник, государственная премия, библиотека, школа, детский дом	Нет
12.		Салават Юлаев	Средняя, институциональная	«Герой «золотого века»	Партикуляризация	Легитимация	Хоккейная команда, роженое, теплоход, город, проспект, парк и площадь, туристический маршрут, государственная премия, орден, строящаяся мечеть, персональная «Энциклопедия Салавата Юлаева», пещера, республиканский фольклорный праздник, памятник	Да

13.	Республика Бурятия	Б. Абидуев	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Библиотека, улица	Нет
14.		Д. Банзаров	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, университет, площадь	Нет
15.		Д. Батожабай	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улица, библиотека, фонд, школа, лицей	Нет
16.		И. Калашников	Низкая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улица, библиотека, музей, школа, премия	Нет
17.		Х. Намсарев	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улица, театр	Нет
18.		Ц. Сампилов	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Музей, улица	Нет
19.		М. Хангалов	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Музеи, библиотека	Нет
20.		Чингисхан	Низкая, неинституциональная	«Герой «золотого века»	Партикуляризация	Легитимация	Музей (проект), культурный центр (проект), памятник (проект), обелиск	Нет
21.	Республика Дагестан	А. Аджиев	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, именной год, со-вход	Нет
22.		Гасан-Эфенди Алкадари	Высокая, неинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, памятник	Нет
23.		Б. Астемиров	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Школа, конференция	Нет
24.		П. Багратион	Низкая, неинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, сквер, коньяк	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
25.		Омарла Батырай	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, вечер театр, фонд	Нет
26.		Р. Гамзатов	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, фестиваль, библиотека	Нет
27.		П. Гамзатова	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
28.		Ирчи Казак	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, фонд	Нет
29.		Э. Капиев	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, театр, памятник	Нет
30.		Алим-Паша Салаватов	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, театр, выставка	Нет
31.		С. Стальский	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Район, музей, памятник, театр, государственная премия	Нет
32.		Г. Цадаса	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Театр, музей, памятник, фонд, государственная премия	Нет
33.		Тажудин Чанка	Высокая, неинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, памятник, конференция	Нет

34.					Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Партикуляризация	Легитимация	Фонд, день памяти, вечер памяти, исламский институт, мечеть, медресе, народное движение, народный фронт, исследовательский центр	Да
35.	Шамиль	Высокая, неинституциональная	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, фонд, музей	Нет	
36.	Магомед Ярагский	Высокая, внеинституциональная	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улицы, мечеть, мавзолей	Да	
37.	И. Базоркин	Высокая, внеинституциональная	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, театр, юбилей, именной год	Нет	
38.	Батал-Хаджи Белхороев	Высокая, внеинституциональная	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Фонд, мечеть, орден, день памяти	Нет	
39.	Т. Мальсагов	Высокая, институциональная	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, юбилей	Нет	
40.	Мухаммад-Басир	Низкая, институциональная	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Мечеть	Нет	
41.	С. Осканов	Высокая, внеинституциональная	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, площадь, музей, памятник, вечер памяти	Нет	

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
42.	Кабардино-Балкарская Республика	Х. Бербеков	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Университет, улица	Нет
43.		Т. Мальбахов	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, библиотека	Нет
44.		Сосуко	Высокая, неинституциональная	«Герой «золотого века»	Уникализация	Легитимация	Ресторан	Нет
45.		А. Шогенуков	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, театр	Нет
46.	Республика Калмыкия	А. Амур-Санан	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улица, библиотека, село	Нет
47.		Б. Басантов	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Вынужденная идентификация	Театр	Нет
48.		Н. Пальмов	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Вынужденная идентификация	Музей	Нет
49.		Убаши-хан	Высокая, неинституциональная	«Герой «золотого века»	Партикуляризация	Легитимация	Памятник	Нет
50.	Республика Карачаево-Черкесия	У. Алиев	Средняя, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улицы, университет	Нет
51.		Сергей Радокежский	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, храм, лицей	Нет

52.	Республика Карелия	Ю. Андропов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, памятник	Нет
53.		К. Арсеньев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, конференция	Нет
54.		Э. Голлинг	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Набережная	Нет
55.		Г. Державин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, памятник, команда КВН	Нет
56.		Г. Жуков	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Площадь, памятник	Нет
57.		О. Куусинен	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Памятник, университет	Да
58.		К. Мерцков	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Сквер, памятник	Нет
59.		В. Морозов	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, библиотека	Нет
60.		Петр I	Средняя, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Вынужденная идентификация	Памятник	Нет
61.		Ф. Фортунатов	Средняя, неинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Паломничество к могиле, мемориальная доска	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
62.	Республика Коми	И. Аврамов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Государственная премия, мемориальная доска	Нет
63.		К. Жаков	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улицы, мемориальная доска, памятник	Нет
64.		И. Куратов	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улицы, памятник, опера, колледж, библиотека, фестивалей, музей, бизнес-центр	Нет
65.		П. Сорокин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Стипендия, исследовательский центр, памятник, конференция, проект номинации университета и создания музея	Нет
66.	Республика Марий Эл	А. фон Келлер	Средняя, внеинституциональная	«Герой «золотого века»	Партикуляризация	Легитимация	Памятник	Да
67.		А.Котомкин-Савинский	Высокая, внеинституциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Уникализация	Легитимация	Памятник, государственная премия	Да
68.		Э. Сапаев	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Вынужденная идентификация	Театр, памятник, школа	Нет

69.		Чумбылат	Высокая, внеинституциональная	«Герой «золотого века»	Партикуляризация	Легитимация	Проект памятника	Да
70.	Республика Мордовия	С. Ахромеев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Памятный вечер, памятник, музей	Нет
71.		И. Воронин	Низкая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Вынужденная идентификация	Улица, музей	Нет
72.		М. Демятев	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, аэроклуб, конференция, музей, памятник	Нет
73.		Е. Кривошева	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Мемориальная доска, брифинг	Нет
74.		Патриарх Никон	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Памятник, опера	Нет
75.		Н. Огарев	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, университет, памятник, торговый центр	Нет
76.		А. Полежаев	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Улица, памятник, музей	Нет
77.		М. Пуркаев	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, автопробег	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
78.		Ф. Ушаков	Средняя, вне-институци-ональная	« В е л и к и й сын»	Унифика-ция	Легитимация	Кафедральный собор, Мор-ское собрание Республики, слёт кадетов, жилой ком-плекс, памятник, выставка-ярмарка	Нет
79.		С. Эрзя	Высокая, вне-институци-ональная	« В е л и к и й сын»	Уникали-зация	Актуализация	Улицы, музей, 3D фильм, государственная премия, памятник	Нет
80.	Республика Саха (Яку-тия)	Алампа	Высокая, неин-ституциональ-ная	Просветитель	Партику-ляриза-ция	Легитимация	Улица, школа	Нет
81.		Амма Аччы-гойа	Низкая, инсти-туциональная	Просветитель	Партику-ляриза-ция	Легитимация	Улица, школа, государ-ственная премия	Нет
82.		Алексей Ек-сеюлях	Высокая, вне-институци-ональная	Просветитель	Партику-ляриза-ция	Легитимация	Улица, Республиканский центр культуры, стипендия	Нет
83.		Н. Неустро-ев	Средняя, неин-ституциональ-ная	Просветитель	Партику-ляриза-ция	Легитимация	Улица	Нет
84.		П. Ойунский	Высокая, вне-институци-ональная	Просветитель	Партику-ляриза-ция	Легитимация	Улицы, театр, литературный музей, государственная премия	Нет
85.		С о р у н Омоллоон	Высокая, инсти-туциональная	« В е л и к и й сын»	Уникали-зация	Вынужденная идентифика-ция	Театр	Нет
86.		К ю н н ю к Урастыров	Низкая, инсти-туциональная	Просветитель	Партику-ляриза-ция	Легитимация	Школа, дом-музей	Нет

87.		Эллай	Высокая, институциональная	Просветитель	Партикуляризация	Легитимация	Улица, школа, спортивный комплекс	Нет
88.	Республика Северная Осетия – Алания	Д. Бугулов	Высокая, неинституциональная	«Герой «золотого века»	Уникализация	Легитимация	Памятник	Нет
89.		Е. Вахтангов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, театр	Нет
90.		Сосруко	Высокая, внеинституциональная	«Герой «золотого века»	Уникализация	Легитимация	Фонтан	Нет
91.		В. Тхапсаев	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, театр, премия, фестиваль	Нет
92.		К. Хетагуров	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятники, село, улица, университет, музей, государственная премия	Нет
93.	Республика Татарстан	Л. Гумилев	Низкая, неинституциональная	«Герой «золотого века»	Партикуляризация	Легитимация	Памятник, праздник	Да
94.		М. Джалиль	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, улица, музей, поселок, театр, кинотеатр	Нет
95.		Г. Тукай	Средняя, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Площадь, метро, сквер, улица, памятники, музей, мемориальный комплекс, филармония, государственная премия	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
96.		Н. Фешин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Училище, государственная премия,	Нет
97.		М. Цветаева	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Премия, музей, памятник	Нет
98.		Ф. Шаляпин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, фестиваль, гостиница, музей	Нет
99.	Республика Тыва	В. Кок-оол	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Театр	Нет
100.		М. Мунзук	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Выставка	Нет
101.		Л. Чадамба	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улица, мемориальная доска, государственная премия	Нет
102.	Удмуртская Республика	Т. Борисов	Средняя, внеинституциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Партикуляризация	Легитимация	Памятники, колледж, именной год, республиканская премия, фильм, фестиваль, конференция	Нет

103.		К. Герд	Высокая, институциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо трагического периода для региона	Партикуляризм	Легитимация	Памятник, улица, музей, гимназия	Нет
104.		М. Калашников	Средняя, внештатная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Памятник, улица, премия, музей, школа, университет	Нет
105.		П. Чайковский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, фестиваль, музей	Нет
106.	Республика Хакасия	Н. Катанов	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Вынужденная идентификация	Улица, село, университет, медаль, именная год	Нет
107.		Л. Кызласов	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Вынужденная идентификация	Музей, конференция	Нет
108.	Чеченская Республика	Х. Исаев	Высокая, институциональная	Первооткрыватель	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, турнир дзюдо	Нет
109.		А. Кадыров	Средняя, внештатная	Первооткрыватель	Уникализация	Легитимация	Памятники, футбольный клуб, стадион, премия, музей благотворительный фонд	Нет
110.		А. Мамакаев	Высокая, внештатная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Музей, памятник	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
111.	Чувашская Республика	К. Иванов	Средняя, институциональная	Просветитель «Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, сквер, театр, музей, ботс, памятник, государственная премия, именной год	Нет
112.		Э. Юрьев	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Конкурс, памятник, выставка, музей	Нет
113.	Алтайский край	М. Борисов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Конференция, крестьянское хозяйство	Нет
114.		М. Евдокимов	Низкая, внеинституциональная	Правитель-ностальгия	Уникализация	Легитимация	Фестиваль, благотворительный концерт, музей, проект культурного центра, ресторан	Нет
115.		В. Золотухин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Театр, премия, проект фестивалей, мемориальные доски	Нет
116.		Л. Квин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Мемориальная доска	Нет
117.		И. Ползунов	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, университет, ресторан	Нет
118.		Е. Савинова	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
119.		Г. Титов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Музей, именной год, спортивный комплекс	Нет

120.	С. Титов	Средняя, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Государственная премия, музей, конференция	Нет
121.	В. Терешкова	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник	Нет
122.	В. Шукшин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, театр, фестиваль	Нет
123.	В. Балябин	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, библиотека	Нет
124.	М. Вишняков	Средняя, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Памятник, государственная премия	Нет
125.	А. Кузнецов	Низкая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
126.	В. Липатов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, выставка	Нет
127.	С. Номоков	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица	Нет
128.	В. Беринг	Средняя, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица, памятник, университет	Нет
129.	А. Гиль	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Государственный танцевальный ансамбль	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
130.		С. Дежнев	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица	Нет
131.		В. Завойко	Высокая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улицы, поселки, бухта, мыс, остров, полуостров, паровая яхта	Нет
132.		К. Кеккетын	Низкая, институциональная	Просветитель	Партикуляризация	Вынужденная идентификация	Библиотека	Нет
133.		С. Крашенников	Средняя, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Библиотека, государственная премия, конференция, проект сквера и памятника	Нет
134.		В. Кручина	Высокая, институциональная	Первооткрыватель	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, библиотека, памятник	Нет
135.		Ж-Ф. Лаперуз	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Памятник	Нет
136.		А. Максутов	Средняя, внеинституциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо трагического периода для региона	Унификация	Легитимация	Улица	Нет
137.		К. Чарльз	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Памятник	Нет

138.	Краснодарский край	Екатерина II	Низкая, институциональная	Первооткрыватель «Великий сын»	Унификация	Легитимация	Памятник	Нет
139.		С. Есенин	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Памятник	Нет
140.		Л. Корнилов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Памятник	Нет
141.		М. Ломоносов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, памятник, санаторий	Нет
142.		К. Лучко	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник	Нет
143.		Г. Пономоренко	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, филармония	Нет
144.		А. Покрышкин	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, памятник, школа, музей	Нет
145.		П. Столыпин	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Памятник, коммерческая фирма, фонд, негосударственный институт	Нет
146.		А. Суворов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, памятник, агрофирма, школа, рыболовецкая фирма	Нет
147.		Ф. Щербина	Низкая, институциональная	Первооткрыватель «Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, памятник	Нет
148.	Краснодарский край	В. Астафьев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Университет, конференция, дом-музей, музей, стипендия, литературный конкурс, фонд	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
149.		М. Годенко	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, государственный танцевальный ансамбль, фестиваль, государственная премия	Нет
150.		Е. Иофель	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музыкальная академия	Нет
151.		А. Поздеев	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, памятник, благотворительный фонд	Нет
152.		П. Словоцов	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица	Нет
153.		В. Суриков	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей-усадьба, памятник, музей, школа, училище, сквер с бюстом, сквер с памятником, лавочка и верстовой столб, стипендия	Нет
154.	Пермский край	Ф. Граль	Средняя, внеинституциональная	«Герой «золотого века»	Уникализация	Легитимация	Памятник, больница, фонд	Да
155.		С. Дятгилев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Школа, фестиваль	Нет
156.		Ермак	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, памятник, станция связи, кадетский корпус, инвестиционная компания, фильм	Нет

157.	Б. Пастернак	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, памятник, конференция, станция связи	Нет
158.	А. Попов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник	Нет
159.	М. Романов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Виртуальный музей, дни памяти	Да
160.	В. Татищев	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Памятник, ресторан, праздник	Да
161.	В. Арсеньев	Средняя, институциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица, город, музей, памятник	Нет
162.	Н. Муравьев-Амурский	Средняя, институциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица, полуостров, казачье общество, сквер, памятник, форт	Нет
163.	С. Лазо	Средняя, внеинституциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, поселок	Нет
164.	А. Алябьев	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Музей	Нет
165.	И. Аланасенко	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, памятник, колхоз	

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
166.		А. Ермолов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, сквер, памятник, школа	Нет
167.		М. Лермонтов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, театр, город, памятник, бюст, музей	Нет
168.		А. Суворов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, памятник	Нет
169.	Хабаровский край	Н. Гродеков	Высокая, институциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Музей, выставка	Нет
170.		Я. Дьяченко	Высокая, институциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица, памятник, государственная премия	Нет
171.		Н. Муравьев-Амурский	Средняя, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица, памятник, государственная премия	Нет
172.		Г. Невельской	Средняя, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица, памятник, университеты	Нет
173.		Е. Хабаров	Средняя, внеинституциональная	Первооткрыватель	Партизаны	Вынужденная идентификация	Памятник, поезд	Нет
174.	Амурская область	Л. Гайдай	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, памятник, фестиваль	Нет
175.		Н. Муравьев-Амурский	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица, памятник, библиотека, стипендия	Нет
176.		Д. Нагишкин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	-	Нет

177.		Г. Невельской	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Филиал университета	Нет
178.		Г. Новиков-Даурский	Высокая, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
179.	Архангельская область	Ф.Абрамов	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улицы, именной год, музей, премия, чтения, фестиваль, библиотека, теплоход	Нет
180.		М. Ломоносов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, проспект, театр, университет, библиотека, парк, кадровый резерв «Ломоносовский призыв», премия, конференция, именной год	Нет
181.		Петр I	Низкая, институциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Памятник, колледж	Нет
182.	Астраханская область	Курмангазы	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, культурный центр, Мавзолей, ансамбль, премия	Нет
183.		Б. Кустодиев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, галерея, государственная премия	Нет
184.		Г.Тукай	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник	Нет
185.		М. Фраги	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, фестиваль	Да

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
186.	Белгородская область	Н. Ватугин	Средняя, внеинституциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Уникализация	Легитимация	Памятник, государственная премия, боксерский турнир	Нет
187.		Н. Станкевич	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей	Нет
188.		М. Щепкин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, театр, фестиваль, музей	Нет
189.	Брянская область	Пересвет и Баян	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, «Имя Брянщины», площадь	Нет
190.		А. Толстой	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Театр, гостиница, музей, парк, празднование юбилея	Нет
191.		Ф. Тютчев	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, библиотека, музей, памятник	Нет
192.	Владимирская область	С. Василсин	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Улица, музей	Нет
193.		Д. Пожарский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, мавзолей	Нет

194.	Волгоградская область	А. Василевский	Низкая, институциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица	Нет
195.		А. Еременко	Низкая, институциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица	Нет
196.		Г. Жуков	Низкая, внеинституциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Унификация	Вынужденная идентификация	Памятник	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
197.		М. Паникаха	Средняя, внеинституциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, памятник	Нет
198.		В. Чуйков	Низкая, внеинституциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, памятник	Нет
199.	Вологодская область	К. Батюшков	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, памятник	Нет
200.		В. Белов	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Библиотека, конференция, проект памятника, музея и улицы	Нет
201.		В. Верещин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, памятник	Нет
202.		Н. Верещин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, академия	Нет

203.	В. Гаврилин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Филармония, детский дом, мемориальная доска, фестиваль	Нет
204.	Н. Рубцов	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, именной год, государственная премия, фестиваль	Нет
205.	Д. Тутунджан	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, улица, мемориальная доска	Нет
206.	А. Яшин	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, школа, памятник, мемориальный комплекс	Нет
207.	И. Бунин	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, сквер	Нет
208.	А. Кольцов	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, сквер, гимназия, библиотека, улица, театр, музей	Нет
209.	Святитель Митрофан	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник	Нет
210.	И. Никитин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, библиотека, площадь, памятник, гимназия	Нет
211.	Петр I	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Университет, сквер, памятник	Нет
212.	А. Платонов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, фестиваль, государственная премия	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
213.	Ивановская область	Д. Бурьлин	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, памятник	Нет
214.		А. Тарковский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Фестиваль, музей	Нет
215.		М. Фрунзе	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Памятник, совхоз, государственная премия	Нет
216.	Иркутская область	А. Вампилов	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, улица, библиотека, театр, теплоход, фестиваль, культурный центр, благотворительный фонд, музей, государственная премия	Нет
217.		С. Коваль	Низкая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Конференция	Нет
218.		А. Колчак	Низкая, внеинституциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Уникализация	Легитимация	Памятник, музей	Да
219.		И. Молчанов-Сибирский	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Улица, район, библиотека	Нет

220.	Н. Охлопков	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Театр	Нет
221.	В. Распутин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Именной год	Нет
222.	В. Сукачев	Средняя, институциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
223.	А. Василевский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Площадь, памятник	Нет
224.	И. Кант	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Партикуляризация	Легитимация	Университет, площадь, спектакль, памятник	Да
225.	А. Маринеско	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, памятник	Нет
226.	Ф. Шиллер	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Партикуляризация	Легитимация	Улица, памятник	Нет
227.	Амвросий Оптинский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Храм, музей	Нет
228.	В. Борисов-Мусатов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, конкурс	Нет
229.	Н. Гоголь	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, библиотека, выставка	Нет
230.	П. Голубицкий	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, государственная премия, стипендия, сквер	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
231.		Е. Дашкова	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, школа	Нет
232.		Г. Жуков	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Город, район, музей, памятник	Нет
233.		К. Циолковский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Университет, улица, памятник, гимназия, государственная премия, музей	Нет
234.	Кемеровская область	А. Бобров	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, театр	Нет
235.		М. Волков	Средняя, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Площадь, памятник, мемориал, ювелирный сувенир	Нет
236.		Т. Горбачев	Средняя, институциональная	Первооткрыватель	Уникализация	Легитимация	Университет	Нет
237.	Кировская область	К. Анфилов	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, бизнес-инкубатор	Нет
238.		А. Афанасьев	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Театр	Нет
239.		А. Бакулев	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
240.		В. Бехтерев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Больница, выставка, учебный центр	Нет

241.	В. и А. Васнецовы	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, памятник, ресторан, электричка, фестиваль, премия	Нет
242.	А. Грин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, фестиваль, музей, гимназия, премия, спортивный клуб, библиотека	Нет
243.	Н. Заболотский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, именные дни, библиотека, государственная премия	Нет
244.	Н. Рудницкий	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Институт	Нет
245.	М.Салтыков-Щедрин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, премия, библиотека	Нет
246.	К. Циолковский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, дом культуры	Нет
247.	И. Чарушин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Общественная организация, конференция	Нет
248.	Н. Некрасов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, университет, памятник	Нет
249.	А. Островский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Район, именной год, театр	Нет
250.	И. Сусанин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улицы, памятник, ресторан, санаторий, автомарафон, день памяти, музей	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
251.		А. Тарковский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Именной год, музей, конференция	Нет
252.		П. Флоренский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Именной год, конференция, музей	Нет
253.	Курганская область	Ермак	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Футбольный клуб, спортивный комплекс	Нет
254.		Г. Илизаров	Низкая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Медицинский центр, музей	Нет
255.	Курская область	К. Воробьев	Средняя, институциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Унификация	Легитимация	Памятник, музей	Нет
256.		А. Дейнека	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Бюст, галерея	Нет

257.	Е. Носов	Средняя, институциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода для региона	Унификация	Легитимация	Памятник, юбилей	Нет
258.	Г. Свиридов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, колледж, фестиваль, стипендия	Нет
259.	М. Зошенко	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, музей, библиотека	Нет
260.	К. Мерцков	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Площадь, мемориальная доска	Нет
261.	Н. Рерих	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
262.	И. Бунин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, университет, музей, государственная премия, библиотека	Нет
263.	Л. Толстой	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Улица, поселок, музей, театр, памятник	Нет
264.	Т. Хренников	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Колледж, музей, фестиваль, государственная премия	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
265.	Магаданская область	Б. Вронский	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица, гора	Нет
266.		Н. Гаstellо	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Поселок	Нет
267.		П. Калинин	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Перевал	Нет
268.		А. Матросов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Поселок, рудник, река	Нет
269.		П. Скорняков	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Гора	Нет
270.	Московская область	А. Чехов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, государственная премия, город, дом отдыха, библиотека, школа	Нет
271.	Мурманская область	В. Ерофеев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Музей	Нет
272.		В. Маслов	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Государственная премия, памятник, дни памяти	Нет
273.		А. Подстанничий	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, государственная премия, памятник	Нет

274.	Нижегородская область	М. (А.М.) Горький	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Улицы, музей, государственная премия, театр, фестиваль, хостел, школа	Нет
275.		Н. Лобачевский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улицы, университет, памятник	Нет
276.		И. Минин и Д. Пожарский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улицы, государственная премия, памятники	Нет
277.		А. Сахаров	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Фестиваль, музей, мемориальная доска, проект памятника	Нет
278.	Новгородская область	А. Аренский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Именной год, филармония, училище, музей, фестиваль	Нет
279.		Ф. Достоевский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улиц, театр, фестиваль, музей	Нет
280.		С. Рахманинов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, колледж, музей, фестиваль, улица, стипендия	Нет
281.		Ярослав Мудрый	Низкая, внеинституциональная	«Герой «золотого века»	Партикуляризация	Легитимация	Университет	Нет
282.	Новосибирская область	Ю. Кондратьев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Площадь, музей, лицей	Нет
283.		Л. Конторович	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Стипендия	Нет
284.		А. Шапошников	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улицы, стипендия	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
285.	Омская область	К. Белов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, музей	Нет
286.		М. Врубель	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, музей	Нет
287.		Ф. Достоевский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, музей, университет	Нет
288.		Г. Жуков	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник	Нет
289.	Оренбургская область	С. Аксаков	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей, государственная премия, дом литераторов, юбилей	Нет
290.		Ю. Гагарин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, колхоз, школа, аэроклуб, музей, аэропорт	Нет
291.		В. Даль	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, конференция	Нет
292.		Г. Державин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, село, благотворительный фонд, дни памяти	Нет
293.		И. Кириллов	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник	Нет
294.		И. Неплюев	Средняя, внеинституциональная	Первооткрыватель	Уникализация	Легитимация	Дни памяти, конференция, кадетский корпус, памятник	Нет

295.	Ю. Романенко	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Школа	Нет
296.	М. Ростропович	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Институт, благотворительный фонд, фестиваль, концерт, музей	Нет
297.	П. Рычков	Средняя, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Именной год, государственная премия, памятник	Нет
298.	В. Черномырдин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Школа, мемориальные доски, хоккейный турнир, центр дзюдо, памятник, государственная премия	Нет
299.	Л. Андреев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
300.	А. Алухтин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Библиотека, памятник	Нет
301.	М. Бахтин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, конгресс	Нет
302.	С. Булгаков	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Школа, площадь	Нет
303.	И. Бунин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Библиотека, государственная премия, памятник	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
304.		Т. Грановский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей	Нет
305.		Н. Лесков	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
306.		М. Пришвин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Библиотека	Нет
307.		И. Тургенев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, памятник, сквер	Нет
308.		А. Фет	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Государственная премия, библиотека	Нет
309.	Пензенская область	В. Белинский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Памятник, парк, институт, город, музей, юбилей, колледж	Нет
310.		Н. Бурденко	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, больница, музей	Нет
311.		М. Лермонтов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Улица, село, музей, библиотека, государственная премия, конференция, памятник	Нет
312.		И. Спрыгин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Ботанический сад	Нет
313.		К. Савицкий	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Галерея, училище	Нет

314.	Псковская область	М. Волошин	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Культурный центр, музей	Нет
315.		С. Довлатов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Фестиваль, музей	Нет
316.		Князь Дювмонт	Высокая, внеинституциональная	«Герой «золотого века»	Уникализация	Легитимация	Памятник, спиритический сеанс «Советуемся с Дювмонтом»	Нет
317.		Александр Невский	Низкая, внеинституциональная	Правитель-ностальгия	Уникализация	Легитимация	Памятник, колхоз, ралли, международная конференция	Нет
318.		Княгиня Ольга	Низкая, внеинституциональная	«Герой «золотого века»	Унификация	Легитимация	Памятник, ралли, фестиваль, конкурс красоты, опера, заповедник, кубок воздухоплавателей	Нет
319.		А. Пушкин	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Вынужденная идентификация	Улица, музей, памятник, театр	Нет
320.	Ростовская область	М. Греков	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Техникум, благотворительный фонд, музей	Нет
321.		А. Шеин	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улицы, памятники	Нет
322.		М. Шолохов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улицы, музей, памятник, район	Нет
323.	Рязанская область	А. Аверкин	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, государственная премия, музей, фестиваль, колхоз	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
324.		Л. Гладкова	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Государственная премия	Нет
325.		С. Есенин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Университет, музей, зал, памятник, избирательный участок, государственная премия	Нет
326.		И. Пожолостин	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улицы, музей	Нет
327.		Я. Полонский	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, государственная премия, выставка, проект памятника, мемориальная доска	Нет
328.		Олег Рязанский	Средняя, внеинституциональная	Правитель-ностальгия	Партикуляризация	Легитимация	Памятник, почетный знак	Да
329.	Самарская область	П. Алабин	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Музей, теплоход, памятник	Нет
330.		Д. Кобалевский	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Фестиваль, школа	Нет
331.		С. Королев	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Университет, музей	Нет
332.		В. Куйбышев	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, площадь, дворец, колхоз, завод	Нет
333.		С. Разин	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, пещера	Нет

334.		В. Татищев	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Унификация	Университет, библиотека	Нет
335.		А. Толстой	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, музей, фестиваль, театр	Нет
336.	Саратовская область	М. Алексеев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Государственная премия	Нет
337.		Ю. Гагарин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Университет, музей	Нет
338.		П. Столыпин	Низкая, внеинституциональная	Правитель-ностальгия	Унификация	Легитимация	Улицы, памятник, институт, премия, конференция, лицей	Нет
339.		А. Радищев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, музей	Нет
340.		И. Слонов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Театр, училище	Нет
341.		Н. Чернышевский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Университет, памятник, музей	Нет
342.		А. Шнитке	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Филармония, выставка, лицей	Нет
343.		О. Янковский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Фестиваль	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
344.	Сахалинская область	Т. Гуженко	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Морское училище	Нет
345.		В. Пиккуль	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица	Нет
346.		А. Чехов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, музей, сквер, театр	Нет
347.	Свердловская область	П. Бажов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, туристический центр, музей, библиотека, «Бажовская энциклопедия»	Нет
348.		Г.В. де Генин	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, жилой комплекс	Нет
349.		Б. Ельцин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, памятник, университет, фонд	Нет
350.		О. Клер	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Государственная премия	Нет
351.		В. Татищев	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Уникализация	Легитимация	Улица, кафе, памятник, магазин	Нет
352.	Смоленская область	Ю. и А. Гагарины	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Почётный знак, город, избирательный участок	Нет

353.	М. Глинка	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, сад, памятник, фестиваль, школа, концертный зал, поселок, район	Нет
354.	Н. Пржевальский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, село, школа, музей, санаторий, спортивный приз	Нет
355.	А. Твардовский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, библиотека, музей, школа, памятник, фестиваль	Нет
356.	Г. Державин	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, университет	Нет
357.	Ф. Плевако	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, государственная премия, благотворительный фонд	Нет
358.	С. Рахманинов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, институт	Нет
359.	Н. Рыбаков	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, фестиваль	Нет
360.	Б. и Г. Чичерины	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей, детский дом, государственная премия	Нет
361.	М. Круг	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, фестиваль, магазины с атрибутикой	Нет
362.	П. Максимович	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Школа	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
363.		Князь Михаил Ярославич	Средняя, внеинституциональная	«Герой «золотого века»	Партикулярия	Легитимация	Памятник, общественная организация, день памяти, спектакль	Нет
364.		А. Никитин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, набережная, боксёрский турнир, яхт-клуб, новостной портал, регата, автомобильная экспедиция, пивоваренный завод, потребительское общество	Нет
365.		Б. Полевой	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, государственная премия	Нет
366.	Томская область	Э. Денисов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Колледж	Нет
367.		М. Шатилов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
368.	Тульская область	Н. Демидов	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Колледж, институт, памятник	Нет
369.		С. Мосин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, премия, колледж, научная ассоциация	Нет
370.		И. Стечкин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Государственная премия, бар, больница, выставка	Нет

371.		Л. Толстой	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Университет, музей, государственная премия	Нет
372.		К. Ушинский	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, школа, государственная премия	Нет
373.	Тюменская область	А. Гришин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Государственная премия, библиотека	Нет
374.		Ю. Гуляев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Мемориальная доска, филармония, фестиваль	Нет
375.		Ермак	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица, фонд, поклонный крест, сад, бренд региона	Нет
376.		А. Ефремов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Конкурс, чемпионат	Нет
377.		К. Логунов	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Библиотека	
378.		В. Муравленко	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, город, памятник	Нет
379.		И. Словцов	Средняя, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, музей	Нет
380.		А. Текутьев	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, кладбище	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
381.		Н. Чукмалдин	Высокая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, памятник, конференция	Нет
382.	Ульяновская область	С. Аксаков	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, библиотека	Нет
383.		И. Гончаров	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, театр, фестиваль, памятники, музей, стипендия	Нет
384.		В. Ульянов – Ленин	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Унификация	Вынужденная идентификация	Библиотека, мемориал, музей-заповедник	Да
385.	Челябинская область	И. Курчатов	Низкая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Район города, памятники	Нет
386.		С. Прокофьев	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, концертный зал	Нет
387.	Ярославская область	Ф. Волков	Средняя, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, театр, премия, памятник, музей	Нет
388.		П. Демидов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Памятник, университет	Нет
389.		Н. Некрасов	Низкая, внеинституциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Улица, библиотека, памятник, район, премия	Нет

390.		Князь Ярослав Мудрый	Низкая, внеинституциональная	«Герой «золотого века»	Уникализация	Легитимация	Памятник, шахматный турнир, туристическая компания, агентство недвижимости, научная конференция, благотворительный фонд, всероссийский государственный форум, регата	Нет
391.	Город федерального значения Москва	Проведенный дискурс-анализ не позволяет установить устойчивых «культурных героев», к которым обращается политическая элита.						
392.	Город федерального значения С.-Петербург	Проведенный дискурс-анализ не позволяет установить устойчивых «культурных героев», к которым обращается политическая элита.						
393.	Еврейская автономная область	И. Бумагин	Высокая, внеинституциональная	Персоналия, воплощающая в себе рефлексию по поводу какого-либо травматического периода региона	Унификация	Вынужденная идентификация	Сквер, мемориальная доска	Нет
394.		Шолом-Алейхем	Высокая, институциональная	Первооткрыватель	Унификация	Вынужденная идентификация	Улица, университет, памятник, музей, библиотека	Нет
395.	Ненецкий автономный округ	А. Пырерка	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улица, школа	Нет

Таблица, продолжение

1	2	3	4	5	6	7	8	9
396.		П. Явтысый	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Улица	Нет
397.	Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	В. Игошев	Низкая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
398		В. Яцкив	Высокая, институциональная	«Великий сын»	Уникализация	Легитимация	Больница	Нет
399.	Чукотский автономный округ	В. Беринг	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица	Нет
400.		С. Дежнев	Низкая, внеинституциональная	Первооткрыватель	Унификация	Легитимация	Улица	Нет
401.		И. Шемановский	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет
402.	Ямало-Ненецкий автономный округ	А. Зверев		«Великий сын»	Унификация	Легитимация	Улица, колледж, школа, памятник	Нет
403.		И. Шемановский	Высокая, внеинституциональная	Просветитель	Уникализация	Легитимация	Музей	Нет

Материал поступил в редколлегию 01.06.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Андерсон Б. 2001. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле. 288 с.
- Дубин Б. 2005. Другая история: культура как система воспроизводства // Отец-ств. записки. №. 4. С. 25-43.
- Зиммель Г. 2002. Большие города и духовная жизнь // Логос. № 3 (24). С. 1-12.
- Кудряшова И.В. 2012. Гибридная политическая идентичность // Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). Т. 1 : Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий / [отв. ред. И.С. Семенов]. С. 93-96.
- Митин И.И. 2006. Мифогеография как подход к изучению множественных реальностей места // Гуманитарная география : науч. и культурно-просветит. альм. № 3. С. 64-82.
- Назукина М.В. 2012. Матрица идентичности // Политическая идентичность и политика идентичности : в 2 т. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). Т. 1 : Идентичность как категория политической науки : словарь терминов и понятий / [отв. ред. И.С. Семенов]. С. 193-197.
- Назукина М.В., Подвинцев О.Б. 2006. Идеологические и политико-психологические основы москвоборчества в российских регионах // Полит. альманах Прикамья. № 6. С. 184-196.
- Памятник великой княгине Ольге [Электронный ресурс] // Псков city. URL: <http://www.pskovcity.ru/stat/pamyatnik-velikoj-knyagine-olge-2> (дата обращения 13.03.2015).
- Памятник первооткрывателю кузнецкого угля Михайле Волкову [Электронный ресурс] // Кемерово : официальный сайт администрации города. URL: <http://www.kemerovo.ru/?page=1881> (дата обращения 03.04.2015).
- Рабжаева М.В., Семенов В.Е. 2003. Какая идентичность у жителей Санкт-Петербурга? // СОЦИС : Социолог. исслед. № 3. С. 82-88.
- Русакова О.Ф., Русаков В.М. 2008. PR-Дискурс : теоретико-методолог. анализ. Екатеринбург : УрО РАН : Ин-т междунар. связей. 282 с.
- Рыжова С.В. 2008. Идентичность москвичей : (опыт исследования) // СОЦИС : Социолог. исслед. № 8. С. 40-49.
- Слезкин Ю. 2005. Эра Меркурия: евреи в современном мире. М. : Новое лит. обозрение. 544 с.
- Цумарова Е. 2012. Политика идентичности: politics или policy? // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «Политология». № 2. С. 5-16.
- Brubaker R., Cooper F. 2000. Beyond «Identity» // *Theory and Society*. Vol. 29, № 1. P. 149-172.
- Fairclough N. 1995. *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*. London. 280 p.
- Laclau E., Mouffe Ch. 1985. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London : Verso. 198 p.

References

- Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism], Moscow, KANON-press-Ts, Kuchkovo pole, 2001, 288 p. (in Russ.).
- Brubaker R, Cooper F. Beyond «Identity», *Theory and Society*, 2000, vol. 29, no. 1, pp. 149-172.

Dubin B. *Drugaya istoriya: kul'tura kak sistema vosproizvodstva* [Another story: culture as a system of reproduction], *Otechestv. zapiski*, 2005, no. 4, pp. 25-43. (in Russ.).

Fairclough N. *Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language*, London, 1995, 280 p.

Kudryashova I.V. *Gibridnaya politicheskaya identichnost'* [Hybrid political identity], *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti*, in 2 vols., Moscow, Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN), 2012, vol. 1, pp. 93-96. (in Russ.).

Laclau E., Mouffe Ch. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*, London, Verso, 1985, 198 p.

Mitin I.I. *Mifogeografiya kak podkhod k izucheniyu mnozhestvennykh real'nostey mesta* [Myth-geography as an approach to the study of multiple realities place], *Gumanitarnaya geografiya : nauch. i kul'turno-prosvetit. al'm.*, 2006, no. 3, pp. 64-82. (in Russ.).

Nazukina M.V. *Matritsa identichnosti* [Identity matrix], *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti*, in 2 vols., Moscow, Ros. polit. entsikl. (ROSSPEN), 2012, vol. 1, pp. 193-197. (in Russ.).

Nazukina M.V., Podvintsev O.B. *Ideologicheskie i politiko-psikhologicheskie osnovy moskvoborchestva v Rossiyskikh regionakh* [Ideological and political-psychological basis of struggle with Moscow in Russian regions], *Polit. al'manakh Prikam'ya*, 2006, no. 6, pp. 184-196. (in Russ.).

Pamyatnik pervootkryvatelyu kuznetskogo uglya Mikhayle Volkovu [Monument of the discoverer of Kuznetsk coal Mikhailo Volkov], available at: <http://www.kemerovo.ru/?page=1881> (accessed 03 April 2015). (in Russ.).

Pamyatnik velikoy knyagine Ol'ge [Monument of the Great Duchess Olga], available at: <http://www.pskovcity.ru/stat/pamyatnik-velikoj-knyagine-olge-2> (accessed 13 March 2015). (in Russ.).

Rabzhaeva M.V., Semenov V.E. *Kakaya identichnost' u zhiteley Sankt-Peterburga?* [What is the identity of the residents of St. Petersburg?], *SOTsIS : Sotsiolog. issled.*, 2003, no. 3, pp. 82-88. (in Russ.).

Rusakova O.F., Rusakov V.M. *PR-Diskurs : teoretiko-metodolog. analiz* [PR-Discourse: Theoretical and methodological analysis], Ekaterinburg, UrO RAN, In-t mezhdunar. svyazey, 2008, 282 p. (in Russ.).

Ryzhova S.V. *Identichnost' moskvichey : (opyt issledovaniya)* [Identity of Moscow residents (research experience)], *SOTsIS : Sotsiolog. issled.*, 2008, no. 8, pp. 40-49. (in Russ.).

Slezkin Yu. *Era Merkuriya: evrei v sovremennom mire* [Mercury Era: Jews in the modern world], Moscow, Novoe lit. obozrenie, 2005, 544 p. (in Russ.).

Tsumarova E. *Politika identichnosti: politics ili policy?* [Identity politics: politics or policy?], *Vestn. Perm. un-ta. Ser. «Politologiya»*, 2012, no. 2, pp. 5-16. (in Russ.).

Zimmel G. *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [Big cities and spiritual life], *Logos*, 2002, no. 3 (24), pp. 1-12. (in Russ.).

Vsevolod D. Bederson, Assistant Professor, Department of Political Science, Perm State University, Perm. E-mail: vsbederson@gmail.com

IDENTITY POLICY OF REGIONS IN CONTEMPORARY RUSSIA: COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF PERSONALISTIC IDENTIFIERS

Abstract: This article is a summary of the results of research of personalized images (images of historical personalities), which are in use by the regional political elites for the purposes of identity policy. Such images are understood as personalistic identifiers, i.e. identities policy's elements, on the one hand, and region identification matrix elements, on the other hand. The study is based on discourse-analysis of materials from 83 regions of the Russian Federation, which allows formulating the key comparative characteristics of personalistic identifiers: the degree ("low", "medium", "high"), and nature (institutional and sub-institutional) of discursive stability's personalistic identifier. Classification is based on the type of personalistic identifier's ties with the region's identifier ("a great son"; "pioneer"; "the governor-nostalgia"; "educator"; "personalities embodying the reflection about any traumatic period for the region [regional community]"; "Hero" of Golden Age"). The dominant discourse produced by regional elites through personalist identifier (unification discourse, particularization, uniqueness) is studied; the strategy of the regional political elites in relation to specific identifiers (legitimation strategy and strategy of forced identification) is observed; the tool, which updates personalistic identifiers of regional elites (nominations, monumentalization and ritualization) is identified.

Keywords: identity policy, regional identity, personalistic identifier.

ГЕНЕЗИС КАРЛИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ ИСПАНСКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

УДК 141:329.11

Юрий Владимирович Василенко

кандидат философских наук,
докторант Института философии и права УрО РАН,
г. Пермь. E-mail: yuvasil@yandex.ru

В статье проанализированы классические типологии карлизма на генетическом этапе его развития (1833–1876 гг.) как частного случая испанского консерватизма и сопутствующие концептуально-методологические проблемы. Автор сопоставляет типологию «политических тенденций» Ф. Суареса Вердегера, фракционную классификацию карлизма К. Секо Серрано и «три течения карлизма» Х.К. Клементе Муньоса, фундируя их одной из классических отечественных типологий консерватизма, предложенных А.А. Галкиным и П.Ю. Рахшмиром. Для детальной концептуально-методологической прорисовки все анализируемые типологии накладываются в итоговой таблице на политико-идеологический и партийно-политический спектры зарождающегося в Испании консервативного течения. В итоге автор приходит к выводу, что своеобразным политико-идеологическим «мейнстримом» зарождающегося карлизма являлась его правая «фракция» (потенциально праворадикальные консерваторы), определившая сущность всего карлизма по полтора столетия вперед. На основе этого автор утверждает, что генезис карлизма в Испании может служить идеальным типом для изучения генезиса праворадикального консерватизма в рамках таких «периферийных консерватизмов» как германский, итальянский, восточно-европейский и российский.

Ключевые слова: карлизм, политическая идеология, типология консерватизма, традиционализм, праворадикальный консерватизм, Испания XIX в.

Проблемы типологии политической идеологии консерватизма являются для политической науки традиционными и на сегодняшний день настолько хорошо разработанными, что в ближайшее время здесь едва ли возможен какой-либо заметный концептуально-методологический прорыв. Другое дело, если речь пойдет о своего рода «периферийных консерватизмах», оставленных без внимания теми политическими теоретиками, которые создавали свои конструкции на материале «классических консерватизмов» Великобритании, Франции и США. Испанский консерватизм в этом отношении без сомнения является одним из наиболее перспективных.

Однако и здесь почти полуторастолетняя традиция осмысления собственного консерватизма довольно широка. Только среди наиболее выдающихся имен можно назвать М. Менендеса-и-Пелайо, Ф. Суареса Вердегера, М. Фрагу Ирибарне, Р. де ла Сьерву-и-Осеса, К. Секо Серрано, В. Альбу и П.К. Гонсалеса Куэваса. Пересекаясь с классической традицией, авторы типологий испанского консерватизма эту тему исчерпали настолько, что давно уже представляют исключительно историографический интерес.

В этом контексте серьезные эвристические потенциалы раскрываются, когда мы начинаем применять классические типологии (и испанские, и неиспанские) к такому экзотическому явлению в новой истории Западной Европы как карлизм (реакционное социально-политическое движение, названное по имени его основателя – дона Карлоса, первого претендента на испанский престол от так называемой «легитимистской династии» в 1833–1845), которое можно определить одновременно как неотъемлемую часть испанского консерватизма, альтернативу ему и параллельное с ним явление. Ограничившись генетическим этапом в развитии политической идеологии карлизма, определяемом, с нашей точки зрения, началом и завершением трех карлистских войн (1833–1876), мы можем обнаружить новые грани во всех типах как минимум испанского консерватизма и особенно в праворадикальной его вариации. С учетом необходимого в данном случае принципа историзма она предстает перед нами на протяжении XIX в. лишь в форме (как мы ее определяем) *потенциально праворадикального консерватизма*. В перспективе это должно послужить не только открытию новых методологических проблем при комплексном анализе карлизма, но и их решению.

Формально карлизм как самостоятельное социально-политическое движение возникает в 1833 г., сразу после смерти короля-традиционалиста Фернандо VII, не оставившего наследников мужского пола. Юридической основой для окончательной консолидации движения становится действовавший в Испании с 1713 г. «Салический закон», согласно которому королевская власть должна была перейти к младшему брату Фернандо VII – дону Карлосу Марии Исидро. Однако представители постепенно обуржуазившейся аристократии, высшие иерархи Испанской католической церкви и активно формирующаяся крупная буржуазия решили поддержать не дона Карлоса, известного своими традиционалистскими идеями, взглядами и ценностями, а трехлетнюю на тот момент дочь Фернандо VII – будущую королеву Изабель II (1833–1868). Именно с ней они связывали свои надежды на умеренные либерально-буржуазные преобразования и постепенную реализацию хотя бы части той политической программы, которая была сформулирована еще на Кадисских кортесах в форме первой испанской либерально-буржуазной Конституции 1812 г. Для легитимизации Изабель II еще при жизни Фернандо VII (29 марта 1830 г.) был введен новый закон о престолонаследии (так называемая «Прагматическая санкция», названная современным каталонским историком Х.М. Сансом Пуигом «одним из наиболее спорных декретов в испанской истории» [Sans Puig 1976: 37]). Этот закон умирающий король, испытывая глубокие сомнения в разумности

своих действий, подписал под огромным давлением своей супруги – будущей королевы-регентши Марии Кристины и ее близкого политического окружения. Реализация норм нового Закона о престолонаследии и стала непосредственным поводом для начала многолетнего (политически незавершенного до сих пор) вооруженного конфликта между либералами и традиционалистами (так называемыми «легитимистами»), вошедшего в историю Испании как карлистские войны. Генезис карлизма как политической идеологии во времена правления короля-традиционалиста Фернандо VII можно условно разделить на два периода.

На первом этапе (1814–1826 гг.) карлизм фактически сливается с политико-идеологическими парадигмами испанских традиционалистов, благодаря чему определить его статус как особый в этот период практически невозможно. Принятый в 1826 г. «Манифест Федерации чистых реалистов» становится, как пишет современный выдающийся испанский историк К. Секо Серрано, повторяя одно из утверждений еще более выдающегося испанского историка-традиционалиста XX в. Ф. Суареса Вердегера и довольно широкого пласта предшествующей ему испанской традиционалистской историографии¹, «первым выражением “реализма”, который апеллировал к дону Карлосу уже не против *либералов*, а против самого *Фернандо VII* еще при жизни последнего» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 6]. Проблема лишь в том, что, как пишет Санс Пуиг, «летом 1826 г. дон Карлос предстает перед нами *без политической программы*» (курсив – Ю.В.) [Sans Puig 1976: 30]. Выступив открыто против смещающегося постепенно влево традиционализма Фернандо VII, именно в 1826 г. будущие карлисты, а пока «*абсолютисты*, которых прежде чем назвать карлистами называли *реалистами, папистами, ультрас* и т.д.» [Sans Puig 1976: 24], помимо каких бы то ни было политико-идеологических интенций со стороны дона Карлоса, как «наиболее чистые элементы реализма» начали оформляться в «движение протеста»² и сдвигаться в направлении потенциально праворадикального консерватизма, или, как выражается Секо Серрано, в «*наиболее реакционные секторы реализма*» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 7].

На втором этапе (1826–1833 гг.), прошедшем под знаком крайне умеренного «полевения» в политической практике короля-традиционалиста Фернандо VII (это «полевение» Секо Серрано со ссылкой на выдающегося испанского историка конца XIX – начала XX в. Х. Пуйоля-и-Алонсо трактует, на наш взгляд, слишком радикально, приписывая королю осознанное намерение «структурировать третью партию, *партию центра*» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 27], располагающуюся между либералами и традиционалистами, то есть доводя ее вплоть до потенциально либерального консерватизма, или «политического проекта в смысле либерализации»³. Скептическая позиция современного валенсийского историка И. Бурдиэль Буэно в этом смысле представляется нам более релевантной: «абсолютистское

¹ См.: [Seco Serrano 1973: 22-24].

² См.: [Seco Serrano 1973: 22].

³ См.: [Seco Serrano 1973: 7, 26-27, 37].

сопротивление было представлено Фернандо VII и в *крайнем своем варианте* его братом доном Карлосом» (курсив – Ю.В.) [Burdiet 2010: 28]. На фоне все более усугубляющегося в Испании кризиса Старого порядка карлизм как его «последний оплот»¹ постепенно начинает обретать свою неповторимую политико-идеологическую идентичность потенциально праворадикального консерватизма. В 1827 г. так называемая «Война агравиадосов», или «недовольных» в Каталонии, вошедшая в испанскую историографию в качестве «первого очерка карлистской войны» [Sans Puig 1976: 32], лишь подтверждает рождение в Испании новой политической реальности. Как пишет Санс Пуиг, «в 1808 г. испанцы против французов; в 1820–1823 гг. либералы против абсолютистов; в 1827 г. *абсолютисты-написты* против абсолютистов умеренных» (курсив – Ю.В.) [Sans Puig 1976: 32].

В итоге к 1833 г., спешит уверить нас Санс Пуиг, «уже были очерчены базовые контуры того, каким станет карлистское движение после смерти короля» (курсив – Ю.В.) [Sans Puig 1976: 31]. Однако на всем протяжении второго периода те политические идеологи и политические практики во главе с доном Карлосом, которых мы могли бы определить как потенциальных карлистов, по-прежнему продолжают самоидентифицировать себя исключительно как та или иная разновидность испанских традиционалистов, уже на «входе» всячески отрицающая саму идею идейно-ценностной деривации. Становится понятным, почему карлистам понадобилось фактически более сорока лет (фактически вплоть до самого окончания третьей карлистской войны в 1876 г.), чтобы уже окончательно осознать собственную политико-идеологическую идентичность как праворадикальных консерваторов, а не как еще одну из огромного множества разновидностей испанского традиционализма, в то время существовавших.

Основная сложность для нашего анализа будет связана с тем, что на всем протяжении своего генетического этапа карлизм – это не столько политическая идеология, сколько политическая практика. Крайне бедная политико-идеологическая составляющая карлизма, или, как пишет нынешняя карлистская принцесса Ее королевское высочество донья Мария Тереза де Борбон Парма, «предидеологическая интенция»², едва ли позволяет нам концептуализировать политико-идеологические парадигмы карлистов 1833–1876 гг. в той же мере, в какой это возможно сделать с парадигмами испанских традиционалистов и либеральных консерваторов XIX в. Вместе с тем данное обстоятельство во многом облегчает нашу задачу, поскольку избавляет от ненужных в данном контексте повторений, связанных с традиционалистской политико-идеологической составляющей карлизма. Проблема сущности политической идеологии потенциально праворадикального консерватизма как особого типа консерватизма требует более детальной концептуально-методологической постановки.

По авторитетному мнению выдающегося испанского традиционалиста середины XIX в. Х.Л. Бальмеса-и-Урпии, определившего во многом

¹ См.: [Sans Puig 1976: 45].

² См.: [S.A.R. D. María Teresa de Borbón Parma 2001: 14].

концептуально-методологические подходы к анализу карлизма в испанской историографии XIX–XX вв. в целом, политическая идеология карлизма как социально-политического движения выстраивалась на основе решения трех главных «вопросов» (точнее – проблем: «династического», «религиозного» и «международных отношений»)¹. Из этого следует, что для испанских традиционалистов середины XIX в. политическая идеология карлизма (и соответственно политико-идеологическая идентичность его представителей) вопрос если не решенный, то по крайней мере второстепенный. Суарес Вердегер, определивший уже современные подходы к карлизму (наибольший современный испанский авторитет в этом вопросе Х.К. Клементе Муньос назвал его представителем «интегрристской» школы², явно перегнув, на наш взгляд, в этом определении с радикализмом), исходит во многом из концептуально-методологической логики Бальмеса. Он утверждает на свой лад, что на генетическом этапе развитие карлизма обуславливалось в целом тремя факторами: «исторической реальностью», связанной с отсутствием должного, по мнению историка, количества исследований; «юридической проблемой». Ее также можно назвать «династической» и наиболее интересным конкретно для нашего исследования «идеологическим вопросом»³, который опять-таки оказывается по исследовательской значимости одним из наименее приоритетных. Означает ли это, что для испанских историков-традиционалистов XIX–XX в., погруженных в проблематику карлизма более остальных, политическая идеология этого движения не является проблемой – это вопрос. Бальмес, например, однажды заявил, что «гражданская (карлистская – Ю.В.) война в Испании велась больше за принципы, чем за династию» (курсив – Ю.В.) [Balmes 1926b: 194], чем полностью перевернул собственную же систему приоритетов, представленную нами выше.

Вполне вероятно, что испанские традиционалисты и традиционалистски ориентированные историки на протяжении без малого двух столетий сознательно отодвигают вопрос о политико-идеологической сущности карлизма на второй план, желая скрыть или как минимум «затуманить» определенную социально-политическую реальность. Более того, само по себе редуцирование научной проблемы к простому «шампуру из фактов» может являться и прямым отражением субъективно упрощенной социально-политической реальности. Это вопреки всем интенциям наших интерпретаторов-традиционалистов отодвигает карлизм за пределы традиционализма вправо, то есть на «поле» потенциально праворадикального консерватизма.

По большому счету заниматься карлизмом как «идеологическим вопросом» в Испании начали такие либерально-консервативные историки во второе половине XX в. как Секо Серрано, которые связали воедино (вопреки традиционалистским подходам) «идеологическую эволюцию» этого

¹ См.: [Balmes 1926a: 341-342].

² См.: [Clemente 2001: 21].

³ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 81-81].

социально-политического движения с его «внутренней историей»¹. Тем более что со времен Суареса Вердегера во второй половине XX в. «историческая реальность» в испанской историографии была заметно «исправлена»: появилось множество ставших уже классическими исторических исследований, посвященных непосредственно карлизму (среди выдающихся историков, помимо уже названных выше, мы можем назвать таких как традиционалисты Т. Домингес Аревало (граф де Родесно)² и Ф.Д. Вильгельмсен³, не считая необозримого количество современных исследований, проведенных за сто восемьдесят лет истории карлизма. Непосредственно же тезис о карлизме как «политико-идеологическом столкновении, основанном на социальном протесте» (курсив – Ю.В.) [Clemente 1999: 48] принадлежит Клементе. Он приходит к подобной постановке проблемы опираясь на труды таких выдающихся современных испанских историков как Э. Лопес Адан, Э. Ольсина Гарсия, В. Гармендия Гарсия де Кортасар, Х. Аростеги Санчес и Э. Фернандес де Пинедо-и-Фернандес, усиленных К. Марксом, Ф. Пи-и-Маргалем и М. де Унамуно-и-Хуго⁴.

«Юридическая проблема» в этом контексте становится уже отдельным вопросом, который сегодня переходит в сферу политического права и истории права и находится соответственно за рамками предмета нашего исследования.

Наибольшее концептуально-методологическое значение для нас сохраняет именно «идеологический вопрос», который прямо подтверждает наш тезис, и как пишет Суарес Вердегер, «первоначально вопросов не вызывал» [Suárez Verdeguer 1988: 83]. Идеино-ценностные дихотомии, заложенные в основе политико-идеологического противостояния в Испании первой трети XIX в., всегда были достаточно определенными: традиция против революции, Испания против Анти-Испании, национальное против иностранного, реакция против прогресса, абсолютизм против либерализма⁵. Соответственно и политическую идеологию зарождающегося карлизма необходимо анализировать в том же историческом контексте как негативную и следовательно изначально прежде всего традиционалистскую реакцию на Великую французскую революцию⁶, докатившуюся до Испании по большому счету лишь к 1808 г. «Формирование карлизма, – заключает Суарес Вердегер, и Секо Серрано с ним полностью согласен⁷, было параллельно формированию политического либерализма⁸. Поэтому искать его корни нужно не 1833 г., когда начиналась гражданская (первая карлистская – Ю.В.) война, а значительно раньше, в 1808 г., когда с крахом политической си-

¹ См.: [Seco Serrano 1973: 9].

² См.: [Rodezno 1929; Rodezno 1938].

³ См.: [Wilhelmsen 1963].

⁴ См.: [Clemente 1999: 46–48].

⁵ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 83].

⁶ См.: [Seco Serrano 1973: 9].

⁷ См.: [Seco Serrano 1973: 9].

⁸ См.: [Suárez Verdeguer 1947].

стемы наблюдаются его первые проявления» [Suárez Verdeguer 1988: 83]. «В большинстве своих аспектов, – вторит Суаресу Вердегеру современный испанский историк-позитивист Гонсалес Куэвас, – карлизм был продолжением движения *реалистов* времен *Фернандо VII*» (курсив – Ю.В.) [González Cuevas 2000: 87].

Опираясь на данную концептуально-методологическую логику Суарес Вердегер выводит и основные «вехи» для генезиса карлизма как социально-политического движения, которые необходимо совпадают с общей динамикой развития современных политических идеологий в Испании во времена правления короля-традиционалиста Фернандо VII. В это время случились Война за независимость¹, Кадисские кортесы², «Манифест персов» (1814)³, «конституционное трехлетие»⁴, «Манифест Федерации чистых реалистов» (1826)⁵ и собственно вооруженное восстание карлистов в 1833 г., непосредственно переведшее философско-мировоззренческое и политико-идеологическое противостояние в формат настоящей гражданской войны⁶. Дальнейшую историю генезиса карлизма дробит уже Секо Сerrано, выделяя в ней по существу три идейно-ценностных этапа:

1) «форалистский», начавшийся после первой карлистской войны и сформировавшийся как реакция на радикальный централизм либерально-буржуазной системы⁷;

2) «историко-националистический», поддержанный «романтической волной» и получивший свое наиболее широкое распространение в Каталонии⁸;

3) «традиционалистско-реставрационный», или «оживление древнего средневекового наследия» как «реального бытия Испании», связанный с именем Карлоса VII и обоснованный уже в конце XIX – начале XX в. выдающимся политическим идеологом карлизма Х. Васкесом де Мелья-и-Фанхул⁹.

В итоге обе ветви политической идеологии (испанского традиционализма и карлизма) имеют общее историческое происхождение. Данный подход в испанской традиционалистской историографии является классическим уже давно и не подвергается сомнениям в принципе. Еще современники Суареса Вердегера – выдающиеся испанские историки, представлявшие три поколения карлистов XX в. (М. Феррер Далмау, Д. Техера де Кесада и Х.Ф. Аседо Кастилья), излагают по существу ту же идею на 324 страницах II тома своего фундаментального тридцатитомного

¹ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 83-86].

² См.: [Suárez Verdeguer 1988: 86-90].

³ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 90-102].

⁴ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 102-108].

⁵ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 108-114].

⁶ См.: [Suárez Verdeguer 1988: 114-123].

⁷ См.: [Seco Serrano 1973: p. 9].

⁸ См.: [Seco Serrano 1973: 9].

⁹ См.: [Seco Serrano 1973: 9-10].

труда, посвященного событийной «Истории испанского традиционализма». К этому труду добавлено огромное количество крайне важных деталей и подробностей, а также феноменальная по своему качеству подборка исторических документов, на основе которых в дальнейшем было проведено не одно историческое исследование¹. Историографический факт, что наиболее авторитетные историки-карлисты XX в. полностью синонимизируют карлизм и традиционализм. Это свидетельствует о многом (проблемы политико-идеологической самоидентификации вообще всегда крайне сложны и запутаны).

Синонимизировав карлизм и традиционализм, испанские историки-традиционалисты сразу же сталкиваются и с противоположной концептуально-методологической проблемой их разведения. Суарес Вердегер, предлагая собственную типологию «политических тенденций» в Испании во времена кризиса Старого порядка и разделяя их на «консерваторов» (традиционалистов)² и «реновадорес» (либеральных консерваторов)³, данную проблему разрешить не может в принципе. Карлисты у него не только полностью растворяются в среде «консерваторов», но и не могут выйти за правые границы традиционалистского «поля» в направлении потенциально праворадикального консерватизма. Суарес Вердегер таким образом пытается сделать первый шаг в разрешении той концептуально-методологической проблемы, над которой он будет трудиться в течение всей своей академической карьеры, упорно сдвигая испанских «консерваторов» влево в направлении «реновадорес» как умеренной их вариации.

Секо Серрано, выделяя первоначально в политико-идеологической парадигме карлизма в целом два, как он их называет, «утверждения» («католическое» и «испанистское»⁴) и сводя все ее политико-институциональное разнообразие к проблемам так называемого «средневекового федерализма», прямо подходит к интерпретации карлизма как правой вариации испанского традиционализма. Далее Секо Серрано с опорой на один безавторский исторический документ аналитического характера «Историческая памятная записка о карлистской партии», написанный в 1840 г. (по результатам первой карлистской войны) и хранящийся сегодня в «Генеральном архиве Дворца», предлагает разделить карлизм на три «партии», или «фракции» (второе – аутентичное и, как представляется, более удачное понятие). Политико-идеологические парадигмы этих фракций, утверждает Секо Серрано, сформировались где-то между 1814 г. и 1826 г., то есть еще во времена правления короля-традиционалиста Фернандо VII: левая, правая и идейно-ценностное их «ядро» – центристская⁵.

Левая фракция карлистов была «очень склонна к умеренному конституционализму» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 53], как пишет Секо

¹ См.: [Ferrer, Tejera, Acedo 1941].

² См.: [Suárez Verdeguer 1955: 19-21].

³ См.: [Suárez Verdeguer 1955: 33-39].

⁴ См.: [Seco Serrano 1973: 10].

⁵ См.: [Seco Serrano 1973: 52-53].

Серрано. Представляется, что за этим скрывается вся партия «модерадос» без определенного разделения ее на либерально-консервативное и традиционалистское крылья, хотя и с упором на первое («крыло наиболее близкое к умеренному либерализму» [Seco Serrano 1973: 59]). Именно ее представители закончили первую карлистскую войну, заключив так называемое «Вергарское соглашение» и признав бесперспективность дальнейшей вооруженной борьбы («предательство» тех, кто «ближе всего к модерадос» [Seco Serrano 1973: 56]). Повторяя терминологию своего источника, Секо Серрано называет представителей левой фракции «транзакционистами»¹, что аутентично указывает на их желание включиться в переходный процесс (отсюда и склонность к потенциально либеральному консерватизму; граф де Родесно называет их «умеренной оппозицией»² и даже «партией модерадос»³).

Это представляется уже слишком нереальным, поскольку, как он сам пишет, для большинства из них даже речи никогда не шло о том, чтобы «изменить принципы в своей сущности» (курсив – Ю.В.) [Rodezno 1938: 15, 111-112]), то есть начать крайне постепенно адаптироваться к социально-политическим условиям институционально устоявшего в ходе войны Нового – либерально-буржуазного – порядка. Лидером этой фракции был генерал Р. Марото Исернс. Проблема заключалась в том, что ее представители, будучи, цитирует Секо Серрано свой документ, «людьми наиболее выдающимися, не имели влияния в карлистских массах» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 54].

Принципиально противоположную левой – правую фракцию, состоящую из потенциально праворадикальных консерваторов, Секо Серрано называет «чистыми папистами» (или «теократическим сектором»⁴), поскольку именно они, будучи «религиозными фанатиками»⁵, желающими «покончить с любой инновацией» [Seco Serrano 1973: 59], превратили гражданскую войну в религиозную. Ее условным лидером являлся Б. Франсес Кабальеро, архиепископ Сарагосы в 1824–1835 гг.⁶ Подлинным лидером ее был сам дон Карлос, который включал в себя «все качества или дефекты Фелипе II»⁷. В конце 1830-х гг. роль политического идеолога «папизма» перешла к полковому маршалу карлистов Х. де Масаррасу-и-Кобо, заклятому врагу Марото. Другое название «наиболее экзальтированных реалистов» – «наваррская партия»⁸ говорит о том, что правая фракция карлистов имела еще и географическую привязку.

Отсюда производно положение и центристской фракции карлизма, идеи, взгляды и ценности представителей которой Секо Серрано связывает

¹ См.: [Seco Serrano 1973: 53].

² См.: [Rodezno 1938: 111].

³ См.: [Rodezno 1938: 106].

⁴ См.: [Seco Serrano 1973: 58].

⁵ См.: [Sans Puig 1976: 31].

⁶ См.: [Seco Serrano 1973: 54-55].

⁷ См.: [Seco Serrano 1973: 59].

⁸ См.: [Rodezno 1938: 111].

с «Манифестом персов»¹. Политико-идеологическую идентичность ее авторов мы могли бы определить как располагающуюся между умеренным традиционализмом и потенциально праворадикальным консерватизмом. У Секо Серрано представители центристской фракции «не желают идти на компромисс относительно принципов, но разочарованы в доне Карлосе и считают его препятствием тому, чтобы *подлинные монархические принципы* могли быть установлены в Испании» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 55]. Благодаря этому они выглядят чистыми традиционалистами. Более того, «они считают дона Карлоса действительно *главным из революционеров*. Называют его *тираном и чинящим произвол*» (курсив – Ю.В.) [Seco Serrano 1973: 55-56]. В данном случае Секо Серрано использует определение контрреволюции Ж. де Местра как «революции наоборот»².

Другое дело, что представители центристской фракции готовы присоединиться к королеве-регентше Марии Кристине лишь в том случае, если она восстановит в Испании абсолютную монархию⁶, что, собственно, и сдвигает их вправо. В конце концов «возможно, что именно эта группа и сообщила карлизму ту программу, которая будет придавать ему силу и живучесть на протяжении века» [Seco Serrano 1973: 57]. Об этом и пишет Секо Серрано, явно намекая на политико-идеологическую парадигму Васкеса де Мелья, который в 1870-е гг. окончательно расколел карлизм на умеренное и радикальное крылья и переведет его в формат традиционалистской парламентской партии. Даже тот простой факт, что в составе центристской фракции карлизма нет ни одного сколько-нибудь исторически значимого персонажа⁴, является, на наш взгляд, одним из лучших доказательством ее, скажем так, «мейнстримовского» характера.

Довольно близкую к фракционной классификации Секо Серрано по используемым понятиям предлагает и Клементе, который в одной из своих последних работ – «Дом Бурбонов: мультинациональность коронованных особ», опубликованной лишь в рукописи [Clemente], рисует собственную классификацию «идеологических течений карлизма», допуская при этом, правда, некоторую путаницу понятий, поскольку называет «карлистами» не только все три течения в целом, но и одно из них в частности. Отсюда и представленные «течения» нужно рассматривать не столько как политико-идеологические типы, существовавшие внутри карлизма на генетическом этапе его развития (последняя строчка в представленной таблице, добавленная нами), сколько как три подэтапа в процессе генезиса, связанные непосредственно с тремя карлистскими войнами XIX в. (см. табл. 1).

Согласно Клементе, поменявших на своей схеме левый фланг карлистов с правым, генезис карлистского социально-политического движения в XIX в. сопровождается постепенным обретением идейно-ценностной умеренности, то есть движением (на его аутентичной схеме) слева направо, хотя

¹ См.: [Seco Serrano 1973: 55-57].

² См.: [Seco Serrano 1973: 60].

³ См.: [Seco Serrano 1973: 56].

⁴ См.: [Seco Serrano 1973: 56].

Таблица 1

Течения Типы	«Интегрисы» (первая карлистская война во главе с Карлосом V)	«Традиционалисты» (вторая карлистская война во главе с Карлосом VI)	«Карлисты» (третья карлистская война во главе с Карлосом VII)
Составляющие	1. Экзальтированные реалисты. 2. Чистые абсолютисты 3. Паписты.	1. Умеренные абсолютисты. 2. Умеренные реалисты 3. Военные «транзакционисты». 4. Теоретики.	1. Форалисты. 2. Антицентралисты
Проблематика	1. Религиозный вопрос. 2. Восстановление Инквизиции.	Династический вопрос.	1. Фуэросы 2. Аграрная реформа.
Идеология	«Манифест Федерации чистых реалистов» (1826).	«Манифест персов» (1814).	«Манифест арагонцам» (1834).
Лозунг	«Да здравствует Инквизиция!».	«Бог и легитимный король».	«Король и фуэросы» [см.: 10].
Политико-идеологическая идентичность карлистов	Между традиционализмом и потенциально праворадикальные консерваторы.	Традиционалисты.	Между либеральным консерватизмом и традиционализмом.

в действительности – справа налево, и все более осознанным стремлением политических идеологов и политических практиков карлизма, пусть даже и к довольно умеренной, но все-таки гармоничной адаптации к социально-политическим условиям Нового либерально-буржуазного порядка.

С учетом всего вышесказанного мы предлагаем фундировать фракционную классификацию карлизма Секо Серрано и «три течения карлизма» Клементе более общей, на наш взгляд, типологией консерватизма, которая была предложена современными отечественными историками П.Ю. Рахшмиром и А.А. Галкиным в конце 1980-х гг. Однако принимаем это лишь с принципиальной оговоркой, что последняя как таковая была сформулирована на современном англо-саксонском материале¹ и на историю Испании первой половины XIX в. автоматически перенесена быть не может. Однако мы утверждаем, что эвристическое использование типологии Рахшмира-Галкина во многих отношениях оправдано. Именно она позволяет нам различить в политической идеологии карлизма его правое крыло, потенциально праворадикальных консерваторов, которые и предопределили идейно-ценностную сущность всего этого многосоставного социально-политического течения почти на полтора столетия вперед, вплоть до демонтажа франкистского режима во второй половине 1970-х гг. Более того, совершая глубокие исторические экскурсы, эти авторы сами нам это позволяют.

¹ См.: [Галкин, Рахшмир 1987; Рахшмир 1990].

Так, «Ультра», крайне правые консерваторы-традиционалисты, – пишут Рахшмир и Галкин, прямо определяя происхождение карлизма как правой идейно-ценностной деривации испанского традиционализма, – сгруппировались вокруг младшего брата покойного короля Фердинанда VII дона Карлоса, который оспаривал право на трон у дочери короля Изабеллы II» [Галкин, Рахшмир 1987: гл. 1]. Оправданную и с нашей точки зрения редукцию многосоставной, как мы увидели, политико-идеологической идентичности карлизма к потенциально праворадикальному консерватизму, довольно распространенную особенно в современной левой испанской историографии¹, Рахшмир и Галкин объясняют следующим образом: «Именно в рамках этого течения и возникло экстремистское направление, сыгравшее существенную роль в формировании правого радикализма... Ряды правых радикалов пополнялись за счет *сторонников* экстремистского консерватизма. Правые радикалы заимствовали у него и *основные идеи*» (курсив – Ю.В.) [Галкин, Рахшмир 1987: На страже буржуазного миропорядка].

Схематически типология консерватизма Рахшмира-Галкина в соотношении с типологией «политических тенденций» Суареса Вердегера и фракционной классификацией карлизма Секо Серрано, а также политическими идеологиями зарождающегося испанского консерватизма и политическими партиями и течениями XIX в. может, на наш взгляд, быть изображена следующим образом (табл. 2).

Между тем предлагаемая нами с опорой на типологию консерватизма Рахшмира-Галкина интерпретация карлизма как прежде всего потенциально праворадикального консерватизма отнюдь не нова. Именно в этом ключе, не формулируя проблему до конца, его интерпретировали многие выдающиеся испанские и европейские историки. Так, по словам выдающегося немецкого историка-испаниста XX в. Э. Шрамма, «карлизм был *самым контрреволюционным* движением, которое существовало в Европе»². Выдающийся испанский историк-карлист второй половины XX в. В. Марреро Суарес в своем предисловии к антологии традиционалистских текстов XIX в. пишет: «В западной политике XIX века карлизм – ...это *радикальная детерминация*, которая, в конечном счете, есть вопрос веры. ...Карлизм есть *экстремальный полюс*..., он подобен коммунизму, его самому жесткому антиподу» (курсив – Ю.В.) [El tradicionalismo... 1955: XII-XIII]. «Огромный блок карлистов, – пишет Санс Пуиг, – отверг в итоге любые уступки, даже самые малые, реформам и непримиримо ожесточился и полностью закрылся. Только *религиозный фанатизм* (“паписты”) и *политическая непримиримость с до предела авторитарными институтами* (абсолютизм или реализм)» (курсив – Ю.В.) [Sans Puig 1976: 31-32].

Принципиальные различия между карлистами как традиционалистами и карлистами как потенциально праворадикальными консерваторами заключаются, по мнению Марреро, в следующем. Вторые – это, «люди

¹ См., например: [Burdial 2010: 26-27].

² Цит. по: [El tradicionalismo... 1955: XVII].

Таблица 2

Типология консерватизма Рахшмира-Галкина	Либеральные консерваторы	Традиционалисты		Праворадикальные консерваторы
Типология «политических тенденций» Суареса Вердегера	«Реновадорес»	«Консерваторы»		
Фракционная классификация карлизма Секо Серрано	Левая фракция: «транзакционисты»		Центристская фракция: наследники «Манифеста персов»	Правая фракция: «чистые паписты»
«Три течения карлизма» Клементе	«Карлисты»		«Традиционалисты»	«Интегристы»
Политические идеологии зарождающегося испанского консерватизма	Либеральные консерваторы	Традиционалисты: сторонники королевы-регентши Марии Кристины и королевы Изабель II	Умеренные карлисты-традиционалисты: сторонники династического примирения	Карлисты-потенциально праворадикальные консерваторы: сторонники вооруженной борьбы
Политические партии и течения	Партия «Модерадос»		Карлисты	
	Либерально-консервативное крыло партии	Традиционалистское крыло партии		

действия, организация *больше военных, нежели политиков*» (курсив – Ю.В.) [El tradicionalismo... 1955: X], то есть политические практики. Первые, соответственно, – политические теоретики, формулирующие политико-идеологические парадигмы и обладающие «мышлением, которое исторически находится в тесной связи с прекрасным и таинственным инстинктом, лежащим в основе бытия *традиционной католической монархии*, умеренной, представительной, федеративной, наследственной, легитимной и *фундаментально отвергающей революцию и ее результаты*» (курсив – Ю.В.) [El tradicionalismo... 1955: XVII].

При этом под «представительной монархией» Марреро понимает исключительно средневековую сословно-представительную монархию, а под «федеральной» – ту же самую монархию, но уже подчеркнута уважающую «фуэросы» (средневековые свободы) испанских провинций. Категоричное нежелание карлистов воспринимать в качестве одного из ключевых критериев реставрацию (хотя бы абсолютистской монархии) как реальный политико-институциональный «проект» и сообщает им ту степень идейно-

ценностного радикализма, которая отличает их традиционалистское «ядро» от потенциально праворадикальных консерваторов.

Утверждая далее, что традиционалисты опирались в своей политической практике на «Манифест персов» и таким образом были продолжателями дела «реалистов» времен правления короля-традиционалиста Фернандо VII, которым не была чужда идея определенных (пусть и крайне умеренных) политико-институциональных реформ, не затрагивающих сущность Старого порядка, а потенциально праворадикальные консерваторы, выступавшие уже за полную реставрацию Старого порядка, опирались на «Манифест Федерации чистых реалистов», Марреро выходит на тот исторический факт, что потенциально праворадикальные консерваторы в рамках карлизма сформировались несколько позже, нежели традиционалисты.

Поскольку определенное время надежды вторых на победу в династическом споре были весьма реалистичны, соответственно, и потенциально праворадикальный консерватизм в их рядах не мог получить полную степень поддержки. Однако по мере утверждения на троне Испании королевы-регентши Марии Кристины эти надежды таяли. Итогом стало «Вергарское соглашение», подписанное со стороны карлистов генералом Марото, и каждый раз – все более праворадикальная реакция, вновь и вновь выливавшаяся в прямое неизбежное и закономерное вооруженное противостояние с находящимися у власти либералами. Марреро приводит слова Х. Ортеги-и-Гассета о том, что «реакция – всего лишь паразит революции»¹ в данном случае – успехов либерально-буржуазной революции, а также «либеральной, демократической, парламентской, централизованной и конституционной монархии» [El tradicionalismo... 1955: XVII].

В социально-экономическом плане карлисты-традиционалисты опирались на мелкопоместную аристократию и крестьянство (отсюда и критическое отсутствие среди них крупных социально-политических деятелей), которые противопоставляли себя в целом либеральной буржуазии. Социальную основу потенциально праворадикальных консерваторов, и здесь Марреро и Секо Серрано вновь полностью совпадают, составили рядовые католические священники, призывавшие к восстановлению Инквизиции под лозунгом «Да здравствует Инквизиция! Смерть полиции!»².

В итоге младший современник Суареса Вердегера Марреро преодолевает господствующую в традиционалистской историографии синонимизацию карлизма и традиционализма, признавая одновременно концептуально-методологическое превосходство либерально-консервативной историографии, ярчайшим представителем которой является Секо Серрано.

В итоге генезис политической идеологии карлистского социально-политического движения предстает перед нами как цепочка постоянных колебаний между двумя его «фракциями»: центристской (традиционалистами) и правой (потенциально праворадикальными консерваторами).

¹ Цит. по: [El tradicionalismo... 1955: XV].

² См.: [El tradicionalismo... 1955: XIII].

На генетическом этапе, что принципиально, верх одерживают все-таки склонные к алармизму, упрощению социально-политической реальности и прямому политическому насилию потенциально праворадикальные консерваторы. Как следствие – три гражданские по своей сущности карлистские войны (1833–1839, 1846–1849 и 1872–1876 гг.) и очень бедное политико-идеологическое обоснование карлизма, сводящееся по существу к пропагандистским лозунгам и прокламациям. Seriously развернутых концептуально обоснованных политико-идеологических парадигм, сформулированных в классической академической манере, в этот период мы не находим. Выдающийся испанский традиционалист середины XIX в. А. Апариси-и-Гихарро, перешедший в 1869 г. на позиции потенциально праворадикального карлизма, еще в 1871 г. по этому поводу писал: «Карлистская партия осуществила великолепную критику либерализма, но в силу различных обстоятельств не смогла утвердить величие *собственной доктрины*» (курсив – Ю.В.) [El tradicionalismo... 1955: 148].

Отсутствие собственной (совершенно оригинальной) доктрины у правой фракции карлистов (потенциально праворадикальных консерваторов) подтверждается и основоположником «интегризма» как праворадикального консерватизма уже классического периода Р. Носедалем-и-Ромеа (Носедал-младший). Он вышел, как и Апариси-и-Гихарро, из рядов традиционалистского крыла партии «Модерадос», а в своей программной речи, произнесенной в годы монархической Реставрации (середина 1870-х гг.), утверждал буквально следующее: «Сегодняшние традиционалисты, мы защищаем *те же знамена* (курсив – Ю.В.), что и традиционалисты 1833 и 1848 гг., знамена Карлоса V и Карлоса VI; знамена традиционалистов, которые в 1822–1823 гг. защищали Фернандо VII, а в 1827 г. выступили против него по очевидным причинам несмотря на его неоспоримую легитимность; знамена, которые традиционалисты защищали против янсенистов на Кадисских кортесах и на полях сражений против Наполеона»¹.

Возможно парадокс, но первые политические идеологи карлизма, склонные к написанию текстов, а не к партизанской войне, являются выходцами если не из традиционалистского крыла партии «модерадос», то из традиционалистских политических структур, близких к ней, наверняка, хотя бы в силу того простого факта, что на протяжении долгого времени они были сторонниками королевы-регентши Марии Кристины, а не Карлоса V (так называемые «неокатолики»). Все это, как представляется, говорит не столько о внутренней слабости и идейно-ценностной разобщенности партии «модерадос», сколько о политико-идеологическом родстве двух традиционализмов, поддержавших различные династические ветви испанских Бурбонов. Однако в определенный момент династические разногласия оказались для них вторичными, а политико-идеологическое родство – первичным.

¹Цит. по: [El tradicionalismo... 1955: XIII].

Как говорил о себе ярчайший их представитель Апариси-и-Гихарро, «когда началась (первая карлистская – Ю.В.) война, я был почти ребенком и не мог (изучать династический вопрос – Ю.В.); когда она закончилась, я был почти мужчиной, но он уже не имел никакого значения» [El tradicionalismo... 1955: 153]. Почему многие традиционалисты оказались в рядах карлистов-потенциально праворадикальных консерваторов – один из фундаментальных вопросов испанской истории XIX в.

Генетический период в развитии карлизма как политической идеологии мы предлагаем разделить на четыре этапа, каждый из которых связан с определенным претендентом на испанский престол: Карлосом V (1833–1845), Карлосом VI (1845–1861), Хуаном III (1861–1868) и Карлосом VII (1868–1869). В течение всего этого времени, хотя Карлос VII и «правил» до 1909 г., идеи, взгляды и ценности претендентов имели для судеб карлизма в целом значение принципиальное. Будучи настоящими монархами, они не могли не определять исторические «вехи» в развитии своей «монархии». Другое дело, что за каждым из них стояла определенная «команда», члены которой могли не только делать всю «черную работу» (в нашем случае – формулировать политико-идеологические парадигмы в соответствующих текстах), но и развивать карлизм как социально-политическое движение в том или ином направлении, не всегда, кстати, имея на то высшую монаршую санкцию.

С началом в Испании классического периода в развитии политических идеологий (1868–1936), политико-идеологические балансы в рядах карлистов начинают существенно меняться, поскольку, как пишет Клементе, «идеология (карлизма – Ю.В.) по прошествии лет становилась каждый раз более *актуальной*» (курсив – Ю.В.) [Clemente 2001: 17]. Соответственно, и личные претензии на испанский престол потомков Карлоса V могли уже не только отходить на второй план, но в определенных обстоятельствах вообще не приниматься во внимание. Данный подход был особенно характерен для представителей нового поколения политических идеологов, занимавшихся, по их мнению, решением более серьезных проблем культурно-цивилизационного и политико-институционального характера, нежели традиционно присущих верноподданым свите короля. В результате во главе карлизма все чаще начинают оказываться не претенденты королевской крови, а всего лишь традиционалистски ориентированные политики: политические идеологи и политические практики, которые фактически были лидерами, как правило, не всего карлистского движения, а всего лишь одной из множества его разновидностей.

К концу XIX в. кризис «старого карлизма», разрывавшегося между традиционализмом и потенциально праворадикальным консерватизмом, становится тем более очевиден. Как утверждает Клементе, в это социально-политическое движение в том или ином формате начинают входить «старые республиканцы, консерваторы, сторонники Папы Римского, прогрессисты-демократы, не связанные с карлистской династией традиционалисты, либертариисты, интегралы и утопические социалисты» [Clemente 2001: 17]. Соединить их в рамках более или менее единой политико-идеологической парадигмы было невозможно в принципе. Между тем благодаря крайне

успешной деятельности прежде всего таких выдающихся испанских традиционалистов конца XIX – начала XX в. как Васкес де Мелья-и-Фанхул и Х.В. Прадера Ларумбе уже с 1870-х гг. карлисты из вооруженных «бандитских формирований» окончательно превращаются в классическую политическую партию и постепенно начинают заседать в Кортесах. Несмотря на то, что во времена гражданской войны 1936–1939 гг. бывшая правая «фракция» карлистов вновь сумела организовать, предельно активизироваться и возглавить движение, постаравшись решить старые проблемы старыми методами, уже к концу войны стало понятно, что франкисты едва ли допустят усиления близких себе в идейно-ценностном плане, но постоянно склонных к региональному сепаратизму политических сил. В результате верх в карлизме вновь взяли традиционалисты, которые были вынуждены согласиться развивать политическую идеологию своего движения в новых социально-политических условиях исключительно под пристальным взглядом франкистов.

«Мэйнстрим» современного карлизма вообще имеет уже не традиционалистскую, а более левую либерально-консервативную политико-идеологическую идентичность. Она, как пишет Мария Тереза, связана с явной «трансформацией на алтаре будущего», то есть с переходом от политики «против современности» (генетический этап в развитии политических идеологий) к политике «с современностью» (классический этап), а затем и со стремлением «согласиться с ней» (современный этап) [S.A.R. D. María Teresa de Borbón Parma 2001: 14-15]. Отсюда и оценки прошлого: «язык (первых лидеров карлизма – Ю.В.), их желания, даже их стратегия были *утопическими*» (курсив – Ю.В.) [Clemente 2001: 15].

Таким образом, идейно-ценностный кризис карлизма как реакционного социально-политического движения, уходящий своими корнями в последние годы «правления» Карлоса VII, признавшего не только свое поражение в третьей карлистской войне, но и «нелегитимистскую» ветвь Бурбонов на испанском престоле, делает генетический этап в его развитии наиболее эвристически интересным с точки зрения типологии испанского консерватизма. При этом посредством карлистского «кейса» как частного случая мы можем не только проследить генезис политической идеологии потенциально праворадикального консерватизма как специфического типа в рамках испанского консерватизма, но и вполне аргументировано представлять его как идеально-типический случай для всех «неклассических консерватизмов» еврохристианской цивилизации.

Материал поступил в редколлегию 1.12.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Галкин А.А., Рахшмир П.Ю. 1987. Консерватизм в прошлом и настоящем [Электронный ресурс]. Л. : Наука. URL: http://propagandahistory.ru/books/Galkin-A--A---Rakhshmir-P--YU_Konservativizm-v-proshlom-i-nastoyashchem/ (дата обращения: 25.11.2015).

- Рахшмир П.Ю. 1990. Эволюция консерватизма в новое и новейшее время // Новая и новейшая история. № 1. С. 48-62.
- Balmes J. 1926a. *Escritos políticos*. T. 3. *Campaña de Gobierno (7 de febrero – 3 de mayo de 1844)*. Barcelona : Biblioteca Balmes. 455 p.
- Balmes J. 1926b. *Escritos políticos*. T. 4. *Constitución del primer ministerio de Narváez (mayo – septiembre de 1844)*. Barcelona : Biblioteca Balmes. 440 p.
- Burdiel I. 2010. *Isabel II. Una biografía (1830-1904)*. Madrid : Taurus. 943 p.
- Clemente J.C. 1999. *El Carlismo en el Novecientos español (1876-1936)*. Madrid : Huerga y Fierro. 183 p.
- Clemente J.C. 2001. *Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles*. Barcelona : Martínez Roca. 254 p.
- Clemente J.C. *La casa de Borbón: Una multinacional de las cabezas coronada* [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.ru/books?id=8EX1AgAAQBAJ&pg=PT42&lp_g=PT42&dq=carlista+La+Hoz&source=bl&ots=Q80uFBhd38&sig=sEqhYJiv0EJ8WwHG-_OhQZNEE-k&hl=es&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=carlista%20La%20Hoz&f=false (дата обращения: 25.11.2015).
- El tradicionalismo español del siglo XIX*. 1955. Madrid : Prensa Gráfica. 413 p.
- Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. 1941. *Historia del tradicionalismo español*. Vol. 2. *El Precarlismo. Desde el pronunciamiento de Riego hasta la muerte de Fernando VII*. Sevilla : Trajano. 324 p.
- González Cuevas P.C. 2000. *Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días*. Madrid : Biblioteca Nueva. 528 p.
- Rodezno C. de. 1929. *Carlos VII. Duque de Madrid*. Madrid ; Barcelona ; Bilbao : Espasa-Calpe. 268 p.
- Rodezno C. de. 1938. *La princesa de Beira y los Hijos de Don Carlos*. Santander : Cultura española. 144 p.
- S.A.R. D. María Teresa de Borbón Parma. 2001. *Prólogo* // Clemente J.C. *Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles*. Barcelona : Ediciones Martínez Roca. P. 13-18.
- Sans Puig J.M. 1976. *Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil*. Barcelona : Bruguera. 188 p.
- Seco Serrano C. 1973. *Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo*. Barcelona : Ariel. 157 p.
- Suárez Verdeguer F. 1947. *Génesis del liberalismo político español* // *Arbor*. № 21. P. 349-395.
- Suárez Verdeguer F. 1955. *Conservadores, innovadores y renovadores en las postrimerías del Antiguo Régimen*. Pamplona : Gómez. 49 p.
- Suárez Verdeguer F. 1988. *La crisis política del Antiguo Régimen en España (1800-1840)*. Madrid : Rialp. 287 p.
- Wilhelmsen F.D. 1963. *Hacia una filosofía del carlismo*. Pamplona : Príncipe. 19 p.

References

Balmes J. *Escritos políticos*. T. 3. *Campaña de Gobierno (7 de febrero – 3 de mayo de 1844)* [Political writings. T. 3. Government Campaign (February 7 – May 3, 1844)], Barcelona, Biblioteca Balmes, 1926, 455 p. (in Spanish).

Balmes J. *Escritos políticos*. T. 4. *Constitución del primer ministerio de Narváez (mayo – septiembre de 1844)* [Political writings. T. 4. Constitution of the first ministry of Narvaez (May – September 1844)], Barcelona, Biblioteca Balmes, 1926, 440 p. (in Spanish).

Burdiel I. *Isabel II. Una biografía (1830–1904)* [Isabel II. A biography (1830–1904)], Madrid, Taurus, 2010, 943 p. (in Spanish).

Clemente J.C. *Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles* [Chronicle of the Carlists. The cause of the Spanish Legitimists], Barcelona, Martínez Roca, 2001, 254 p. (in Spanish).

Clemente J.C. *El Carlismo en el Novecientos español (1876–1936)* [Carlism in Spanish twentieth century (1876–1936)], Madrid, Huerga y Fierro, 1999, 183 p. (in Spanish).

Clemente J.C. *La casa de Borbón: Una multinacional de las cabezas coronada* [The House of Bourbon: A multinational crowned heads], available at: https://books.google.ru/books?id=8EX1AgAAQBAJ&pg=PT42&lpg=PT42&dq=carlista+La+Hoz&source=bl&ots=Q80uFBhd38&sig=sEqhYJiv0EJ8WwHG-_OhQZNEE-k&hl=es&sa=X&redir_esc=y#v=onepage&q=carlista%20La%20Hoz&f=false (accessed 25 November 2015). (in Spanish).

El tradicionalismo español del siglo XIX [The Spanish traditionalism of the nineteenth century], Madrid, Prensa Gráfica, 1955, 413 p. (in Spanish).

Ferrer M., Tejera D., Acedo J.F. *Historia del tradicionalismo español. Vol. 2. El Precarlismo. Desde el pronunciamiento de Riego hasta la muerte de Fernando VII* [History of Spanish traditionalism, vol. 2], Sevilla, Trajano, 1941, 324 p. (in Spanish).

Galkin A.A., Rakhshmir P.Yu. *Konservativizm v proshlom i nastoyashchem* [Conservatism in the past and present], Leningrad, Nauka, 1987, available at: http://propagandahistory.ru/books/Galkin-A--A---Rakhshmir-P--YU_Konservativizm-v-proshlom-i-nastoyashchem/ (accessed 25 November 2015). (in Russ.).

González Cuevas P.C. *Historia de las derechas españolas. De la Ilustración a nuestros días* [History of the Spanish Rights. From Enlightenment to the present day], Madrid, Biblioteca Nueva, 2000, 528 p. (in Spanish).

Rakhshmir P.Yu. *Evolyutsiya konservativizma v novoe i noveyshee vremya* [The evolution of conservatism in modern and contemporary times], *Novaya i noveyshaya istoriya*, 1990, no. 1, pp. 48–62. (in Russ.).

Rodezno C. de. *Carlos VII. Duque de Madrid* [Carlos VII. Duke of Madrid], Madrid, Barcelona, Bilbao, Espasa-Calpe, 1929, 268 p. (in Spanish).

Rodezno C. de. *La princesa de Beira y los Hijos de Don Carlos* [Princess of Beira and the Sons of Don Carlos], Santander, Cultura española, 1938, 144 p. (in Spanish).

S.A.R. D. María Teresa de Borbón Parma. *Prólogo* [Prologue], *Clemente J.C. Crónica de los carlistas. La causa de los legitimistas españoles*, Barcelona, Ediciones Martínez Roca, 2001, pp. 13–18. (in Spanish).

Sans Puig J.M. *Liberales y carlistas. Cien años de la guerra civil* [Liberals and Carlists. One Hundred Years of Civil War], Barcelona, Bruguera, 1976, 188 p. (in Spanish).

Seco Serrano C. *Tríptico carlista. Estudios sobre historia del carlismo* [Carlist triptych. Studies in history of Carlism], Barcelona, Ariel, 1973, 157 p. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *Conservadores, innovadores y renovadores en las postrimerías del Antiguo Régimen* [Conservative, innovatives and renovators in the last years of the Old Regime], Pamplona, Gómez, 1955, 49 p. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *Génesis del liberalismo político español* [Genesis of Spanish political liberalism], *Arbor*, 1947, no. 21, pp. 349–395. (in Spanish).

Suárez Verdeguer F. *La crisis política del Antiguo Régimen en España (1800–1840)* [The political crisis of the Old Regime in Spain (1800–1840)], Madrid, Rialp, 1988, 287 p. (in Spanish).

Wilhelmsen F.D. *Hacia una filosofía del carlismo* [Towards a philosophy of Carlism], Pamplona, Príncipe, 1963, 19 p. (in Spanish).

Yuri V. Vasilenko, Candidate of Philosophy, Doctorate of Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: yuvasil@yandex.ru

GENESIS OF CARLISM AND PROBLEMS OF TYPOLOGY OF SPANISH CONSERVATISM

Abstract: The article analyzes classical typologies of Carlism in the genetic stage of its development (1833-1876) as a special case of the Spanish conservatism as well as related conceptual and methodological problems. Based on the Russian classical typology of conservatism, which was proposed by A.A. Galkin and P.Yu. Rakhshmir, the author compares the typology of «political tendencies» of F. Suarez Verdeguer, the fractional classification of Carlism of C. Seco Serrano, and «three trends of Carlism» of J.C. Clemente Muñoz. For detailed conceptual and methodological draw, all analyzed typologies are tabulated in the summary with political-ideological and political-party spectrum of the emerging Spanish conservatism. Finally, the author concludes that the political-ideological «mainstream» of the emerging Carlism belonged to its right «fraction», namely, potentially right-wing conservatives, who had defined the essence of the whole Carlism for the next half-century. On this basis, the author argues that the genesis of Carlism in Spain could be presented as an ideal type for the study of the right-radical conservatism genesis within such «peripheral conservatisms» as German, Italian, Eastern European, and Russian ones.

Keywords: Carlism; political ideology; typology of conservatism; traditionalism; extreme-right conservatism; Spain of the XIX century.

ПОЛИТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИММИГРАЦИИ В ИТАЛИИ

УДК 325.14

Василь Тимерьянович Сакаев

кандидат исторических наук, доцент,
докторант кафедры политологии
Казанского (Приволжского)
федерального университета, г. Казань.
E-mail: sakaev2003@mail.ru

В статье исследован феномен иммиграции в Италии. Автор стремится дать комплексное объяснение его политико-демографическим аспектам, рассматривает демографическую ситуацию в Итальянской республике и определяет ее характерные особенности, факторы и тренды (низкая рождаемость, увеличение продолжительности жизни, старение населения). Особо подчеркнута взаимосвязь между демографической ситуацией и иммиграционными процессами в прошлом, настоящем и перспективе на будущее. Определена необходимость иммиграции для успешного социально-экономического развития Италии. Выявлена динамика, направления и этапы развития иммиграционных процессов в этой стране начиная с 1980-х гг. по настоящее время. Рассмотрена этническая, конфессиональная структура иммиграции, этнические особенности иммигрантов для определения эффективности их занятости в экономике страны. Важное место в статье отведено анализу трансформации иммиграционной политики, в том числе выявлению ее этапов и закономерностей, причинам появления и особенностям отдельных законодательных актов, регулирующих иммиграционные процессы. Отдельное внимание уделено новым вызовам, связанным с проблемой беженцев и нелегальным трафиком людей в Средиземноморском регионе после 2011 г. В заключение автор определяет значение проблемы иммиграции для внутренней политики Италии, специфику интеграции разных поколений мигрантов, а также освещает проблему участия иммигрантов в политической жизни страны.

Ключевые слова: Италия, демография, иммиграция, иммиграционная политика, политико-демографические аспекты.

Иммиграционные вызовы, с которыми Италия столкнулась в последние тридцать лет, представляют собой серьезную угрозу для ее внутривнутриполитической стабильности и устойчивого развития. Иммиграция принесла экономические выгоды, но одновременно вызвала значительную социокультурную трансформацию. Комплексное исследование феномена мас-

совой иммиграции в Италии необходимо, так как в подобной ситуации в ближайшее время может оказаться и наша страна. Новизна данного исследования заключается также в попытке провести политико-демографический анализ феномена иммиграции в Италии.

Различные аспекты миграционной политики Италии были исследованы в диссертациях А.Е. Шапарова, А.С. Чеснокова, Э.Г. Поповой, Г.П. Сапего [Шапаров 2010; Чесноков 2010; Попова 2010; Сапего 2010]. Объектом их исследования выступал период до «арабской весны» 2011 г. Влияние «арабской весны» на миграционную политику было затронуто в работах И.В. Гребенкиной, Т.В. Зоновой, Е.Ю. Царевой [Гребенкина 2012; Зонова 2015; Царева 2015].

Демографические тренды и значение иммиграции. Италии присущи типичные демографические проблемы ведущих стран ЕС: депопуляция и старение коренного населения. Медианный возраст населения Италии в 2013 г. составлял 44,4 года, что стало самым высоким показателем в ЕС (в среднем по ЕС – 41,9 года), доля несовершеннолетних (0-14 лет) – 14% (в ЕС – 15%), доля населения старше 65 лет – 21,2% (в ЕС – 17,7%) [Eurostat]. При этом средняя продолжительность жизни в Италии (85 лет для женщин и 80 лет для мужчин) одна из самых высоких в Евросоюзе. Имидж «стареющей нации» Италия приобрела не только благодаря увеличению продолжительности жизни, но и вследствие снижения рождаемости. В 1975–1976 гг. суммарный коэффициент рождаемости находился на уровне простого воспроизводства (2,1) и далее продолжал снижаться [Italy health... 2014: 3-4]. Это устойчивая тенденция, поскольку самой многочисленной группой теперь являются итальянцы, родившиеся в годы послевоенного «бэби-бума». Информация об основных демографических трендах Италии представлена в таблице 1.

Большая семья, характерная для католической Италии, стала достоянием прошлого: уже в 1981 г. среднестатистическая итальянская семья состояла из трех человек [Ginsborg 1990: 430]. Многие современные итальянки либо отказываются иметь детей, либо заводят одного ребенка, на что влияет и укрепившаяся тенденция позднего вступления в брак (в 35-40 лет).

Старение населения вызвано тем, что поколение послевоенного «бэби-бума» сейчас достигло пенсионного возраста. Прогнозы указывают, что до 2020 г. численность населения в стране в возрасте 18-44 лет сократится как минимум на 4,5 млн чел. [Migration in Italy... 2011: 39]. В результате при сохранении основных демографических показателей коэффициент «демографической нагрузки» пожилыми (65 лет и старше) возрастет с 31,3 в 2010 г. до 45,2 в 2030 г. и 66 – в 2050 г. [Social situation... 2006: 125-126]. Это вызовет «перегрузку» пенсионной системы, Италия уже сейчас тратит на пенсии больше других стран ЕС. При этом доля пожилых людей неодинакова по стране: на юге этот показатель равен 19,5%, в центральной части и на севере – 22,4% [Italy health... 2014], то есть экономически развитые регионы испытывают максимальную нагрузку.

Старение населения замедляет экономический рост, что, в свою очередь, снижает спрос на рынке труда. Получается «замкнутый круг»: для

Тренды демографического развития Италии в 1980–2014 гг.

	Г о д ы						
	1980	1990	1995	2000	2005	2012	2014
Численность населения, млн чел.	56,4	56,7	56,8	56,9	58,6	60,9	61,3
Население в возрасте 0-14 лет	22,2	16,5	14,9	14,3	14,1	14,0	14,0
Население в возрасте 65 лет и старше	13,4	14,9	16,7	18,3	19,6	20,8	22,0
Прирост населения, %	0,2	0,1	0,0	0,0	0,7	0,3	1,8
Суммарный коэффициент рождаемости	1,6	1,3	1,2	1,3	1,3	1,4	1,4(а)
Демографическая нагрузка, % от населения в трудоспособном возрасте	55,3	45,8	46,2	48,3	50,9	53,5	55,0
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	73,9	76,9	78,0	79,4	80,6	82,1	82,1
Источник: Всемирный банк, 2015 (Примечание: а – данные за 2013 г.).							

улучшения демографии необходим приток молодых мигрантов, а с точки зрения экономики – приток молодых, с низкой квалификацией и без опыта работы отягощает ситуацию с безработицей. Ускоренное старение населения кроме прочего усиливает зависимость от труда иммигрантов в секторе услуг семьям (присмотр за престарелыми).

Так, рынок «баданте» (помощник престарелого человека) занят практически только иммигрантами. Доля итальянских работников здесь составляет всего 6% и не может быть увеличена (причина заключается в низком уровне оплаты труда и в том, что 3/4 трудовых договоров с «баданте» предполагают их обязательное проживание в доме хозяина, на что итальянцы не готовы). К тому же потомки мигрантов первого поколения, как правило, уже не желает выполнять тяжелую работу за небольшую плату. Это видно на примере филиппинцев, которые фактически являются старейшей мигрантской диаспорой в Италии (первые филиппинцы стали прибывать еще в 1960-х гг.). Если первое поколение филиппинцев было занято как домашняя прислуга, их дети обычно выбирали этот же вид труда, но получали за него более высокую оплату, то третье поколение предпочитает работать в сфере обслуживания уже не в частном секторе, а в учреждениях и организациях (клининговые компании, отели, рестораны).

Хотя Италия длительное время демонстрирует отрицательный естественный прирост, численность ее населения продолжает увеличиваться. Прирост населения обеспечивает положительный миграционный баланс и демографические характеристики иммигрантов. В 2013 г. естественная убыль населения имела показатель 1,4%, а миграционный

прирост составил 181,7 тыс. чел. [Щербакова 2014]. Таблица 2 демонстрирует увеличение в 1,5 раза доли иностранных граждан в населении страны в 2006–2012 гг. При этом доля иностранных граждан в Италии выше показателя в целом по ЕС, но заметно уступает таким странам как Великобритания, Франция и Германия (табл. 2).

Иностранное население в Италии молодое и является источником демографического роста. В 2010 г. в Италии более половины иммигрантов находились в трудоспособном возрасте от 18 до 44 лет, 22% составляли несовершеннолетние и только 2,4% – в возрасте старше 65 лет [Caritas-Migrantes 2011: 111]. Согласно переписи 2011 г., средний возраст иностранного населения всего 31,1 года [Dossier... 2014: 216]. Суммарный коэффициент рождаемости у иммигранток выше, чем у коренных итальянок (2,61 вместо 1,3), а средний возраст вступления в брак ниже (31 год вместо 43 лет) [Хижный 2010]. Рождаемость среди иммигрантов серьезно влияет на уровень фертильности: в 2010 г. 14% всех новорожденных имели иностранных родителей, а доля иностранцев тогда составляла всего 7,5% [Caritas-Migrantes 2011: 111].

Таким образом, демографическая сфера Италии претерпевает серьезную трансформацию (в воспроизводстве и возрастной структуре), имеющую серьезные социально-экономические последствия. «Оздоровить» демографическую ситуацию способен массовый приток иммигрантов.

Тренды иммиграции и развитие иммиграционной политики. Италия традиционно была страной эмиграции: в 1876–1988 гг. ее покинули почти 27 млн чел. [Попова 2010: 11]. В 1970-х гг. ситуация начала меняться, и страна стала привлекать потоки иммигрантов из развивающихся государств. Это было вызвано экономическим ростом в Италии и сокращением приема в Германии, Великобритании и Франции. До конца 1980-х гг. Италия фактически проводила политику «открытых дверей», что привело к росту числа иммигрантов, в частности нелегальных.

Таблица 2

Численность иностранцев в постоянном населении Италии, 2006–2013 гг.

	Годы							
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Численность населения, млн чел.	59,1	59,6	60,0	60,3	60,6	59,6	60,0	60,8
Из них иностранные граждане, млн чел.	2,9	3,4	3,9	4,2	4,6	3,9	4,2	4,9
Доля иностранцев, %	5,0	5,8	6,5	7,0	7,5	6,5	7,0	8,1
Составлено автором по данным: Dossier Statistico Immigrazione (2014). <i>Dalle discriminazioni ai diritti</i> . Roma: P. 13; Caritas-Migrantes (2012). <i>XXII Rapporto sull'immigrazione</i> . Roma. P. 12; Caritas-Migrantes (2011). <i>XXI Rapporto sull'immigrazione</i> . Roma. P. 12; Caritas-Migrantes (2009). <i>XIX Rapporto sull'immigrazione</i> . Roma. P. 13.								

Присутствие нелегалов потребовало усовершенствования законодательства в виде так называемого «Закона Мартелли» (1990 г.). Он расширил применение права на убежище, провозгласил начало программы амнистии, распространяемой на любого иммигранта независимо от наличия у него работы. Но одновременно этот закон вводил ряд ограничительных мер (установление ежегодного крайнего предела численности новых иммигрантов, введение виз для многих стран, создание системы высылки из страны). «Закон Мартелли» был адекватным до того момента, когда страна столкнулась с массовым притоком мигрантов из Албании в 1990-е гг.

Следующий этап связан с появлением «Закона Турко-Наполитано» (1998 г.), который базировался на идеях обеспечения достойной жизни уже находящимся в стране иммигрантам и создание барьеров на пути прибытия новых, прежде всего нелегальных. Он включал целый ряд мер в рамках «модели рациональной интеграции»: меры, препятствующие незаконному въезду и обеспечивающие депортацию нелегалов; соблюдение основополагающих прав человека в отношении нелегалов; обеспечение легальным иммигрантам возможности для полной интеграции; организацию взаимодействия между обществом и иммигрантами на основе уважения культурного и религиозного своеобразия. Закон предусматривал создание институтов для обеспечения интеграции (межкультурные медиаторы, территориальные советы по вопросам иммиграции, фонд финансирования миграционной политики, систему курсов для взрослых мигрантов по изучению языка, культуры и социально-политической системы), вводил годовые квоты для иностранной рабочей силы, создавал механизм выдворения из страны и формулировал меры против пособников нелегальной иммиграции.

Приход к власти правых вызвал очередную трансформацию иммиграционной политики в виде «закона Босси-Фини» (2002 г.). Он был ориентирован на «немецкую модель» и предполагал получение вида на жительство только при наличии трудового контракта и контракта на найм жилья (вид на жительство выдавался на срок трудового контракта). Получить вид на жительство можно было исключительно в консульских учреждениях Италии. При потере рабочего места, иммигрант получал несколько месяцев на поиск новой работы, а если не находил ее, то подлежал выдворению из страны.

В связи с экономическим кризисом, правительство С. Берлускони в 2009 г. приняло «Пакет мер по обеспечению безопасности», который ужесточил финансовую ответственность и предусматривал уголовное наказание за нелегальное пребывание в стране. Иммигрант, получающий вид на жительство, теперь обязан был подписать «Договор об интеграции» и в течение двух лет набрать определенное количество баллов для оценки знания им итальянского языка, истории, права, навыков для жизни в стране.

В целом динамика иммиграционных процессов в 2000-х гг. характеризовалась ростом в первой половине десятилетия, за которым последовал некоторый спад. Затем в 2011–2015 гг. имел место почти трехкратный рост показателей иммиграции по сравнению с уровнем 2006–2007 гг. Он был вызван событиями «арабской весны» 2011 г., гражданскими войнами и

дестабилизацией политической ситуации в ряде стран Африки и Ближнего Востока. В 1990–2000-е гг. главной проблемой был наплыв легальных и нелегальных трудовых мигрантов, а основным документом для их прибытия были туристические визы. Экономический кризис 2008 г. и революции 2011 г. изменили эти тренды. Сейчас основной поток составляют беженцы из африканских и азиатских стран, прибывающие нелегально морским путем.

Как отмечает Т.П. Нестерова, модель «рациональной интеграции» обеспечила эффективное регулирование миграционных потоков лишь из балканских и восточно-европейских стран. В отношении миграции из Африки она оказалась бессильна [Нестерова 2013: 173].

Отметим, что опыт иммиграционной политики в Италии показывает ее непоследовательный характер и даже «авральный подход» к управлению иммиграцией» [Сапего 2010: 3–4]. Корректировки иммиграционного законодательства нередко нивелируют предыдущие нормы, направленность принимаемых решений зачастую детерминирована не национальными интересами, а политической конъюнктурой. Иммиграционный режим в Италии до сих пор не сформирован, а итальянское общество еще не свыклось со статусом страны-реципиента миграции.

Специфика иммиграционных процессов в 2000-е гг. Одной из специфических черт иммиграционных процессов в 2000-х гг. стал существенный рост румынской, марокканской, албанской, китайской и украинской диаспор (табл. 3).

Быстрыми темпами увеличивалась численность второго поколения иностранных граждан, проживающих в стране: в 2008 г. – 518,7 тыс., в 2009 г. – 572,7 тыс., в 2010 г. – 650,8 тыс. чел. [Caritas-Migrantes 2011: 12].

Происходили процессы территориальной концентрации иммигрантов. Наибольшая доля их отмечена на северо-западе (35,8%), северо-востоке (27,6%) и в центре (23,8%). На юге Италии этот показатель равен 9%, а на островах – 3,8% [Caritas-Migrantes 2012: 12]. В Милане и Риме доля иммигрантов в

Таблица 3

Крупнейшие этнические диаспоры в Италии в 2006–2011 гг. (тыс. чел.)

	Годы					
	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Румыны	342,2	624,7	796,5	887,8	968,6	997,0
Албанцы	375,9	401,9	441,4	466,9	482,6	491,5
Марокканцы	343,2	365,9	403,6	431,5	452,4	506,4
Китайцы	144,9	156,6	170,3	188,3	209,9	277,6
Украинцы	120,1	132,6	154,0	174,1	200,7	223,8

Caritas-Migrantes (2012). *XXII Rapporto sull'immigrazione*. Roma. P. 12; Caritas-Migrantes (2011). *XXI Rapporto sull'immigrazione*. Roma. P. 12; Caritas-Migrantes (2009). *XIX Rapporto sull'immigrazione*. Roma. P. 13.

населении составляет соответственно 13% и 15% (эти данные не учитывают вновь прибывших контингентов беженцев).

Основная масса иностранной рабочей силы задействована в сфере услуг. В последние годы отмечено систематическое увеличение занятых также в сельском хозяйстве и сокращение – в промышленном секторе, прежде всего на металлургических предприятиях. При этом в секторе услуг менялась структура занятости: наблюдалось сокращение в ресторанном бизнесе, а в сфере бизнес-услуг сопровождалось ростом занятости в системе услуг семьям («баданте», «бэбиситер», «ассистенто фамилиаре» и т.д.). В Италии сложилась заметная этническая дифференциация труда иммигрантов (практика, характерная для многих стран-реципиентов). В строительстве доминируют иммигранты из стран Магриба и Восточной Европы, в сельском хозяйстве – выходцы из Северной Африки, Латинской Америки, Индии, в мелкой вещевой торговле – Марокко, Сенегала и Китая, в розничной торговле продуктами и фруктами – Пакистана, в сфере бытовых услуг – из Филиппин, Польши и Украины.

Экономический кризис привел к стагнации и снизил потребности экономики в рабочей силе, что отразилось в снижении объемов трудовой иммиграции. В ноябре 2014 г. по данным Istat количество безработных составило 13,4%, а безработица в группе 15-24 лет достигла показателя в 43,9% (729 тыс. чел.) [Уровень безработицы... 2015].

Трудовая иммиграция в Италии приобрела этнодемографическую, экономическую и территориальную специфику. В связи с проблемой беженцев сейчас вопросы регулирования трудовой иммиграции временно отошли на второй план. Но они не утратили своей актуальности, поскольку связаны с проблемой интеграции второго поколения иммигрантов. Опыт других стран показывает, что практика воссоединения семей также становится драйвером притока новых экономических мигрантов. Италия пытается ограничить круг лиц, имеющих право на иммиграцию в рамках воссоединения супругов, несовершеннолетних детей и престарелых родителей, нуждающиеся в уходе. Как демократическое государство страна не может это запретить.

Нелегальная иммиграция и проблема беженцев. Как указывалось выше, до 2011 г. иммигранты в основном прибывали из стран Восточной Европы. Здесь присутствовали два потока: легальный из стран, недавно вступивших в ЕС (Румынии, Болгария, Польша и др.) и нелегальный из бывших республик СССР (Украина, Молдова), бывшей Югославии и Албании. Они носили экономический характер, за исключением иммигрантов из бывшей Югославии. Эти потоки хотя и вели к росту «теневой» экономики и преступности, но не представляли серьезной угрозы для национальной безопасности. Экономические мигранты были близки итальянцам в языковом (румыны), религиозном (поляки, часть украинцев) отношении или имели с ними общее историческое прошлое (албанцы). Культурный уровень их был близок к уровню итальянского общества и базировался на христианских ценностях (за исключением боснийских и албанских мусульман), а разница в уровне социально-экономического развития была не очень велика.

Иммигранты представляли собой людей с достаточным уровнем образования и квалификации, кроме, возможно, румынских цыган.

Сейчас главный миграционный поток – беженцы из Африки и Ближнего Востока. Они хотят иметь доступ к благам социальной системы Италии либо использовать ее для транзита в другие страны ЕС.

Проблема беженцев тесно связана с нелегальным трафиком людей. Его характер и интенсивность обусловили ряд причин, в том числе геополитические (войны и гражданские конфликты на Ближнем Востоке и в странах Магриба) и экономические (огромный разрыв в уровне жизни стран ЕС и стран исхода мигрантов). Важным фактором стало ужесточение итальянского законодательства, которое ограничило для беженцев возможность получения въездных виз в третьих странах и подтолкнуло к нелегальным способам. Беженцы сажают на мель свои суда в прибрежных водах и вынуждают береговую охрану прийти им на помощь. В результате к ним уже нельзя применить процедуру отказа в пересечении границы, используется процедура выдворения из страны. Этот порядок предполагает предоставление нескольких дней и запрет на задержание мигранта, что дает ему возможность скрыться. Такая практика впервые появилась еще в 1990-е гг., но характер бедствия она приобрела после «арабской весны» 2011 г.

Италия уже сталкивалась с массовым наплывом беженцев, например во время албанских событий 1991 г. и 1997 г. (тогда прибыли 63,5 тыс. чел.), не менее 50 тыс. беженцев добавила война в Косово в 1999 г. [King, Mai 2009]. Однако нынешний поток несопоставим ни по масштабам, ни по продолжительности, ни по объемам потенциальной миграции. Уже в 2011 г. на остров Лампедуза (население 5 тыс. чел.) прибыло более 17 тыс. беженцев. В 2014 г. страна ежедневно принимала до 20 различных судов с беженцами, аналогичная ситуация повторилась и в 2015 г. Число потенциальных мигрантов, готовых к «броску» через Средиземное море, сложно определить. По-видимому речь может идти о нескольких миллионах человек. Этот поток сопровождается многочисленными случаями гибели людей. По данным ООН, в 2014 г. из 218 тыс. мигрантов, которые отправились на лодках через море, 3,5 тыс. утонули. Всего за последние 15 лет у берегов Италии погибли более 23 тыс. чел.

Сейчас риск гибели людей еще более возрос, так как организаторы нелегального трафика начали использовать тактику отправки судов без экипажей (командиры моряков покидают суда после выхода в море). В настоящее время поток нелегальных мигрантов идет по двум направлениям: «центрально-средиземноморский коридор», когда мигранты следуют от берегов Ливии и Туниса в сторону Сицилии, и путь с территории Греции, когда нелегалы отправляются в сторону Калабрии и Апулии. Первый коридор имеет наибольшие масштабы: по нему за период с января по август 2015 г. в страну прибыли больше 106 тыс. беженцев (в том числе 26,5 тыс. эритрейцев, 13 тыс. нигерийцев, 10 тыс. представителей народностей Сахары).

Контролировать потоки беженцев в Италии пока не удастся. Правительство пытается сконцентрировать их в пунктах приема (на юге и на островах) и найти пути возвращения на родину. Но прибывшие требуют

принять их в ЕС, что приводит к конфликтам с силами правопорядка. Первое столкновение произошло на острове Лампедуза в марте 2011 г., когда беженцы подняли бунт и сожгли миграционный центр.

Официально численность беженцев в Италии пока невелика (табл. 4), но эти данные включают в себя только лиц, официально получивших статус беженца и не учитывают тех, кто подал прошение, но не получил окончательного решения (эта процедура может занимать до 6 месяцев).

Известно, что за первое полугодие 2015 г. в Европу прибыли более 230 тыс. беженцев (столько же было за весь 2014 г.). По прогнозам до 7% из них останутся в Италии. Еще порядка 600 тыс. заявлений о предоставлении убежища находятся на рассмотрении, в том числе более 30 тыс. заявлений в первом полугодии 2015 г. было подано в Италии [Eurostat].

В связи с отсутствием позитивных изменений в геополитической и экономической ситуациях в странах Ближнего Востока и Северной Африки в ближайшее время следует ожидать интенсификации потока беженцев. Подобное развитие событий создает чрезвычайные риски для страны как в сфере национальной и социально-экономической безопасности, так и для сохранения национально-культурной идентичности общества.

Иммиграция и преступность. В итальянском обществе сложилось мнение о значительном влиянии иммиграции на уровень преступности. Статистика МВД за 2012 г. свидетельствует, что иностранные граждане совершили 23,9% всех преступлений (учитывались только преступления с известной гражданской принадлежностью преступника). Это высокий показатель: фактически число преступлений равно 6,7% от численности иностранцев, а среди итальянских граждан он равен 1,2%. Число преступлений, совершенных мигрантами, ежегодно возрастает. При этом темпы прироста данного типа существенно ниже роста общей преступности. Так, число преступлений, совершенных гражданами Италии, увеличилось с 467,4 тыс. в 2004 г. до 643,0 тыс. в 2012 г. (+37%). Число преступлений, совершенных иностранцами, увеличилось с 224,5 тыс. до 290,9 тыс. (или +29,6%), а контингент иностранцев за это время удвоился (с 2,2 млн до 4,4 млн чел.) [Dossier... 2014: 183].

В то же время выше среднего показателя (31,1%) среди мигрантов такие тяжкие преступления как кражи (47,8%), скупка и хранение краденого (47,2%), похищения человека (44,3%), насильственные действия сексуального характера (40,3%), контрабанда (45,5%), наркоторговля (37,2%), изготовление контрафактной продукции (68,2%). Согласно статистике, наибольшей

Таблица 4

Численность беженцев в Италии в 2011–2014 гг., тыс. чел.

	Годы			
	2011	2012	2013	2014
Численность беженцев	58,1	64,8	78,1	93,7
Источник: Всемирный банк, 2015.				

криминогенностью отличаются выходцы из Туниса, Нигерии, Сенегала и Марокко, а наименее – украинцы, китайцы и молдаване. При этом если среди молдаван, албанцев, украинцев и румын наибольшую долю видов преступлений занимают кражи, то у марокканцев и тунисцев – наркоторговля, а у китайцев и сенегальцев – подделка торговых марок. Статистика МВД Италии подчеркивает, что уровень преступности среди легальных иммигрантов и коренных итальянцев почти не отличается, а большая часть преступлений совершенных иностранными гражданами, приходится на нелегальных иммигрантов.

Рост преступности создает дополнительное общественное напряжение, а резонансные преступления вызывают острую дискуссию об иммиграции. С учетом роста числа «нелегалов» в результате притока беженцев, следует ожидать и увеличения числа преступлений, совершенных иммигрантами.

Иммиграция как фактор культурной трансформации общества. Необходимо признать, что массовая иммиграция привела к этнической и религиозной диверсификации населения Италии. За последние 25 лет этнорелигиозная карта страны серьезно изменилась, а итальянское общество стало многонациональным и мультирелигиозным. Согласно отчетам Caritas, в Италии присутствуют уже не менее 195 этнических групп, а в религиозной сфере – крупные сообщества мусульман, евангелистов, православных, сикхов, индуистов и т.д. [Caritas-Migrantes 2012].

Отметим, что конфессиональная структура населения плохо поддается изучению. Например, доля католиков оценивается от 60% до 90% от постоянного населения, а доля мусульман от 0,19% до 2,02% [Scuderi 2015: 173–174]. Вместе с тем имеются более точные данные о религиозной принадлежности иностранных граждан. По данным Caritas, в 2012 г. среди них 29,6% были православные, 19,2% – католики, 4,4% – протестанты, 32,9% – мусульмане (из них 54,5% составляли выходцы из африканских стран, 31,7% – из европейских и 13,7% – из азиатских), 2,6% – индуисты, 1,9% – буддисты, 4,3% – атеисты, агностики и т.д. [Caritas-Migrantes 2012].

Исследователи отмечают более высокий уровень религиозности этнических меньшинств (73%) по сравнению с коренным населением (50%) [Garelli 2011]. Как правило, религиозность мигрантов снижается от первого поколения ко второму, особенно при успешной интеграции в обществе. Но в случае неудачной адаптации и дискриминации у них может возникнуть защитная реакция в виде радикальной религиозности [Portes, Rumbaut 2001].

Иммиграция активно воздействует на институт семьи: в стране растет число смешанных браков. Так, в 2013 г. всего зафиксировано 207,1 тыс. браков, в том числе 20,8 тыс. смешанных, то есть один из супругов был иностранным гражданином (в 2010 г. таких браков зарегистрировано 17,2 тыс.) [Dossier... 2014: 211]. В $\frac{3}{4}$ брачных союзов муж являлся гражданином Италии, а жена – иностранкой. В свою очередь, это ведет к появлению новых граждан, так как каждый третий случай натурализации связан с вступлением в брак [Dossier... 2014: 14]. Выросло в последние годы и число браков, заключенных между постоянно проживающими иностранными гражданами:

в 2010 г. таких браков было зарегистрировано 7,9 тыс., а в 2013 г. – 9,9 тыс. [Dossier... 2014: 216].

Иммиграция нередко выступает фактором конфликта городской и сельской культуры. Многие иммигранты являются выходцами из сельской местности, но концентрируются преимущественно в городских поселениях.

Важным фактором социокультурного развития становятся новые иностранные языки, привнесенные иммигрантами. В стране сегодня представлено более 130 иностранных языков («лингвистическая революция»). Они обогащают итальянскую культуру, но одновременно служат вызовом для принимающего общества, поскольку на протяжении многих веков страна использовала только итальянский язык в разных его диалектах.

Это особенно важно при наличии этнической концентрации иммигрантов. Например, 17% мигрантов в провинции Тоскана составляют китайцы, 18,5% в провинции Кампания – украинцы, во многих городах появились африканские и мусульманские кварталы [Dossier... 2014: 13]. В таких условиях иностранный язык способен конкурировать с итальянским как средством социальной коммуникации, а также выступать дополнительным барьером для интеграции членов данной диаспоры. Эти риски усиливаются в связи с достаточно слабым знанием итальянского языка мигрантами первого поколения (особенно теми, кто вовлечен в мелкое производство и сельское хозяйство и трудится преимущественно в кругу своих соотечественников и не включен в сферу домашнего сервиса). Язык в этом смысле выступает дополнительным фактором сохранения этнической и религиозной идентичности иммигрантов. Современная ситуация коренным образом отличается от ситуации двадцати-тридцати лет назад, когда иммигранты были достаточно редким явлением в итальянских городах.

Подобные факторы, на наш взгляд, сдерживают интеграционные усилия принимающего общества, особенно в отношении китайской диаспоры и общин из ряда мусульманских стран (пакистанцы, марокканцы и др.). Это усиливает культурную фрагментацию итальянского общества и может способствовать возникновению параллельных социальных институтов и норм. Некоторые исследователи считают такую перспективу маловероятной, ссылаясь на разнородность иммигрантов в этническом и культурном отношении [Сапего 2010: 13-14]. Действительно, состав мигрантов гетерогенен (195 этнических групп). Больше половины их составляют выходцы только из пяти стран (Румыния, Албания, Марокко, Китай и Украина), а 2/3 приходится на 10 стран, то есть предпосылки для возникновения анклавов и «параллельных обществ» имеются.

По прогнозам демографов, уже к середине XXI в. численность иностранных граждан в Италии (без учета натурализовавшихся мигрантов) приблизится к 9-12,4 млн чел., что составит от 16,2% до 18,4% населения [Migration in Italy... 2011: 39]. Если рост иностранного населения будет сопровождаться возникновением этнических анклавов, это станет серьезной угрозой культурной целостности общества. Следует констатировать, что в результате иммиграции Италия превратилась в мультикультурную и

мультиэтничную страну (хотя многие политики правого толка отказываются это признавать). Сейчас наступил момент, когда значительная часть итальянского общества стала осознавать значения иммиграции как драйвера социокультурной трансформации и выступает за учет культурных, языковых и религиозных различий в реализации иммиграционной политики.

Иммиграция как фактор внутренней политики. Уже с конца 1980-х гг. в Италии идет поляризация общественного мнения по вопросу иммиграции. Он стал одним из самых обсуждаемых в политической повестке.

По мере роста иммиграции и усиления антимигрантских настроений в стране активизировали деятельность правые и националистические организации («Лига Севера», «Национальный альянс», «Вперед, Италия!», «Народ Свободы»), которые в прошлом не раз формировали правительство. Эти силы призывают к ограничению иммиграции и даже закрытию страны для въезда иммигрантов. «Лига Севера» в последнее время укрепила свои позиции не только в своем традиционном регионе (Ломбардия), но и в регионах, прежде голосовавших за левых (Реджио-Эмилия) [Животовская 2012]. Ранее она выступала против присутствия в стране цыган, но, после прихода в правительство в 2000-х гг. объектом ее внимания стали иностранцы в целом, и мусульмане в частности. Партия апеллирует к католической церкви и консервативным кругам общества, обращается к теме сохранения традиций и христианских ценностей (например выступает за сохранение изображения распятия Христа в образовательных учреждениях).

С антимигрантской риторикой стало выступать и популистское «Движение пяти звезд», которое также требует закрыть границы. Хотя политические требования этого движения носят ситуативный и конъюнктурный характер, но они отражают рост подобных настроений.

Правящая Демократическая партия выступает с идеями поддержки иммигрантов и создания условий для их интеграции. Так, экс-лидер партии Р. Проди в 2011 г. заявлял: «В лице иммигрантов мы получаем огромный потенциальный ресурс. Надо идти по пути интеграции» [Зонова 2015: 137].

В политическом дискурсе об иммиграции присутствует целый ряд аспектов, к которым общественное мнение обращено особо. Одна из самых обсуждаемых тем связана с масштабами нелегальной миграции. По мнению Т.В. Зоновой, партии, борющиеся за голоса избирателей, и СМИ, нуждающиеся в сенсациях, намеренно «криминализируют» эту тему. В результате почти 2/3 респондентов уверены, что нелегальная иммиграция в разы превышает уровень легальной [Зонова 2015: 137]. В действительности уровень нелегальной миграции оценивается по разным данным от 0,5 до 1,5 млн чел. (10-30% от уровня легальной миграции) [Алешковский 2014: 134-135; Гребенкина 2012: 73].

Другой важной темой стал вопрос о влиянии иммиграции на трудовую занятость. Опросы показывают, что большинство итальянцев (76%) уверены, что труд иммигрантов приносит существенную выгоду и компенсирует нехватку рабочих рук, но почти треть респондентов (29%) указали на серьезную конкуренцию [Зонова 2015: 133].

Проблемой становится и вопрос о пенсионном обеспечении первого поколения иммигрантов. Часть их уже приблизилась к рубежу пенсионного возраста или даже перешагнула его. Согласно законодательству, в случае легального пребывания, наличия пяти лет трудового стажа и достижения 65-летнего возраста можно претендовать на минимальное пенсионное обеспечение. Сейчас только 2,6% от численности иммигрантов имеют пенсионный возраст, но к 2020 г. их уже будет 4,3%, а к 2025 г. – более 6% [Dossier... 2014: 14]. Это усилит нагрузку на пенсионную систему, которая и сейчас одна из самых высоких в ЕС, и вызовет дискуссию о негативном влиянии иммиграции на итальянскую модель социального государства.

Массовая иммиграция из мусульманских стран привела к включению проблемы ислама в политическую повестку. Она связана с вопросами их интеграции, открытия мест для проведения религиозных ритуалов, появления очагов исламского фундаментализма. Ислам стал фактором политической жизни, поскольку мусульмане составляют 32,9% иммигрантов (1,65 млн чел. в 2011 г.). Некоторые исследователи даже считают ислам второй по важности религией в стране. Ислам не признан в Италии в качестве официальной конфессии (отсутствует специальное соглашение между правительством и религиозной организацией), а диалог с правительством затрудняют разнородность мусульманского населения и наличие нескольких организаций, претендующих на представительство в публичной сфере [Сапего 2010: 21].

Сильны среди итальянцев и разные стереотипы характеристики национальной сущности иммигрантов, также отчасти внедряемые СМИ. Например, румын часто обвиняют в склонности к криминалу, проституции и попрошайничеству, украинским домработницам приписывают стремление разбить итальянские семьи. Периодически после информации о терактах исламистов за рубежом в стране усиливаются исламофобия и «поиски» исламских экстремистов.

Следует констатировать, что иммиграция становится все более значимой для внутривнутриполитической ситуации в стране. Дискуссии об иммиграции фактически приняли характер идеологического спора между «левыми», которые говорят о солидарности и ответственности итальянского общества, и «правыми», выдвигающими на первое место аспекты секьюритизации иммиграции (криминогенные и экстремистские угрозы). Массовая иммиграция из Африки и Азии спровоцировала появление в итальянском обществе такой проблемы как расизм. Прибытие беженцев усложняет внутривнутриполитическую ситуацию, усиливает конфликтогенный характер иммиграционных процессов. Общественное мнение в этом вопросе разобщено и проявляет как сочувствие, так и ксенофобию.

Проблема расизма и ксенофобии в итальянском обществе. Объективные трудности, вызываемые массовой иммиграцией, а также воздействие СМИ и влияние правых и популистских партий, провоцируют рост ксенофобии, расизма и дискриминации по этническому и религиозному признакам. В 2013 г. UNAR (Национальный офис по борьбе с расовой дискриминацией) зафиксировал 1142 случая проявления ксенофобии и

дискриминации, из них 68,7% составила дискриминация по этническому или расовому признаку. Статистика случаев этнической и расовой дискриминации демонстрирует тенденцию возрастания частоты таких эпизодов, опубликованных в СМИ (с 2,5% в 2005 г. до 34,2% в 2013 г.), обсуждаемых в публичном пространстве (с 5,3% до 20,4%), в местах отдыха (с 1,1% до 11,4%) [Dossier... 2014: 171-175].

Одновременно сократилась доля проявлений дискриминации по указанным признакам в сфере труда, образования и в местах проживания, то есть проблема расизма и ксенофобии из сферы частной жизни переходит в публичную сферу. При этом в публичной сфере она характеризуется такими опасными проявлениями как уличная агрессия, распространение расистских и ксенофобских идей (в том числе в виде общественных прокламаций), призывы к электоральной поддержке ксенофобских лозунгов, а также проявления ксенофобии в сфере спорта. В 2013 г. в 988 случаях дискриминации по этническому или расовому признаку было возбуждено уголовное преследование, в 25,3% эти факты были связаны с физическим насилием. К сожалению, ксенофобия стала частым явлением в спорте: по данным «Центра по мониторингу расизма и борьбе с расизмом в футболе», во время сезона 2013/2014 г. было зарегистрировано 118 эпизодов расизма во время матчей [Dossier... 2014: 223].

Важно подчеркнуть, что проблема ксенофобии носит двусторонний характер, она присутствует как со стороны самих итальянцев, так и со стороны мигрантов. Согласно отчетам UNAR, дискриминации по расовому и этническому признакам в 2013 г. подверглись представители 38 национальностей. Наибольшая доля принадлежит итальянцам (29,2%), марокканцам (8,5%) и румынам (8,5%) [Dossier... 2014: 174-176].

Таким образом, массовая иммиграция вызвала рост ксенофобии и появление расизма, который прежде не был присущ итальянцам. Население страны относится к иммиграции неоднозначно: осознавая зависимость от иммиграции, итальянцы в то же время допускают проявления ксенофобии и расизма на бытовом уровне. Причины этого явления отчасти видятся в историческом прошлом Италии, которая долгое время представляла собой конгломерат государств и фактически не имела заморских колоний.

Интеграция мигрантов: проблемы и перспективы. Преодоление большинства издержек иммиграции возможно через реализацию адекватной интеграционной политики, и здесь очень важен вопрос об интеграции второго поколения иммигрантов. Как правило, иммигранты первой поколения мобильны и согласны на любую работу, а у второго поколения снижается мобильность и возрастают требования к условиям и оплате труда. Ко второму поколению мигрантов в Италии причисляют детей, рожденных от иностранных родителей, прибывших в порядке воссоединения семей и самостоятельно, детей беженцев, детей усыновленных и рожденных в Италии, когда один из родителей является иностранным гражданином [Zannoni 2015: 134].

Следует констатировать, что категория «второе поколение мигрантов» включает в себя разные группы с разным социальным капиталом. Дети,

усыновленные итальянскими родителями (как правило, представителями среднего класса) и дети, рожденные в смешанных браках, обладают лучшими возможностями, имеют хорошие стартовые позиции, практически как у их итальянских сверстников. Но несмотря на различия социального, правового или экономического характера данная группа имеет нечто, объединяющее их с детьми иностранных граждан и беженцев. Это общность происхождения, языковая общность, родственные связи, общая идентичность, базирующаяся на этнической и религиозной основе и т.д. Поэтому выделение категории «второе поколение мигрантов» как особой социальной группы представляется обоснованным с учетом неоднородности ее состава как в социально-экономическом, правовом, так и в этническом и религиозном отношении.

Второе поколение мигрантов в дальнейшем способно стать серьезным фактором, оказывающим влияние на социально-политическую ситуацию в стране. На данный момент доля мигрантов второго поколения, достигших зрелого возраста, относительно невелика, но ситуация постоянно меняется в силу демографических характеристик мигрантов (табл. 5).

Большая часть детей мигрантов пока посещает начальную и среднюю школу. Их численность постоянно растет: 7559 тыс. учащихся с иностранным гражданством в 2011/2012 уч.г. – это около 9% от общей численности школьников 0,7% в 1996/1997 уч.г. [Zannoni 2015: 134]. В начальных школах отдельных муниципалитетов уже до 50% учеников составляют дети с иностранным гражданством. И этот тренд будет усиливаться. Мигранты воспринимают модель воспроизводства принимающего общества в течение 2-3 поколений, однако в ближайшие 10-20 лет среди них все еще будет иметь место рост рождаемости (например в крупном индустриальном центре Реджио в 2013 г. из 10 новорожденных шестеро были детьми мигрантов).

Мигранты второго поколения, как правило, не планируют возвращение в страну, откуда прибыли их родители. Но они не принимают и принудительной интеграции, претендуют быть гражданами и требуют равных прав. Представители этой группы нередко имеют двойную идентичность – не забывают культуру исторической родины и воспринимают итальянскую культуру. Нередко это порождает конфликты в их повседневной жизни.

Таблица 5

Численность мигрантов второго поколения, проживающих в Италии, чел.

	Годы				
	2006	2007	2008	2009	2010
Численность второго поколения	486542	740277	518700	572720	650802
Caritas-Migrantes (2012). <i>XXII Rapporto sull'immigrazione</i> . Roma. P. 12; Caritas-Migrantes (2011). <i>XXI Rapporto sull'immigrazione</i> . Roma. P. 12; Caritas-Migrantes (2009). <i>XIX Rapporto sull'immigrazione</i> . Roma. P. 13.					

Двойственность определяется значением этнокультурного фактора (язык, образ жизни, семейное окружение) и воздействием социальных институтов принимающей страны, а также зачастую усиливается низким социальным статусом. В условиях, когда национально-государственная идентичность базируется на итальянской этничности и католицизме, наличие иной этнической и религиозной принадлежности становится фактором серьезного внутреннего конфликта.

В более долгосрочной перспективе неизбежно возникнет вопрос об интеграции третьего поколения, то есть внуков мигрантов первого поколения. Оно пока малочисленно, поскольку основной поток иностранцев начался в 1980-е гг. (согласно переписи 1981 г., иностранные граждане в Италии составляли 0,4% от общей численности населения) [Dossier... 2014: 13]. Поэтому вопрос о третьем поколении мигрантов до сих пор в Италии не рассматривался. Однако опыт Великобритании, ФРГ и Франции показывает, что именно третье поколение мигрантов имеет повышенные требования, недостаточно интегрировано и при этом социально активно [Харитонов 2011: 374]. Законодательство Италии признает за каждым право сохранять приверженность собственным культурным, языковым и религиозным традициям, а государство, при помощи общественных организаций и ассоциаций иммигрантов, стремится ликвидировать их культурные и религиозные барьеры, содействовать интеграции [Зонова 2015: 135].

Иммигранты как субъект политического процесса. Основной формой самоорганизации иммигрантов в Италии выступают различные ассоциации, созданные по этническому или религиозному признаку (наиболее активными являются филиппинская, китайская и мусульманская). Они же становятся главным механизмом политического участия иммигрантов. Пока ассоциации относительно слабо представлены в политической сфере, но в скором времени эта ситуация может измениться. Уже сейчас они поддерживают связи с политическими силами, в первую очередь с Демократической партией. Активно вовлекаются в политическую деятельность и профессиональные объединения мигрантов. Например Ассоциация, представляющая интересы домашней прислуги в Эмилье-Романьи, активно взаимодействует с Демократической партией и поддерживает ее на выборах (посредством агитации среди работодателей).

Можно отметить политическую активность молодежных организаций. Известная ассоциация «Молодые мусульмане в Италии» была основана в сентябре 2001 г. и объединила молодых мусульман (14-30 лет) из стран Африки, Среднего Востока, Азии. Целью Ассоциации провозглашается распространение исламской культуры, содействие развитию ответственного гражданства, поддержка молодых мусульман в стремлении к образованию. Демократическая партия уже проявляет интерес и пытается использовать потенциал этой организации. Так, Халид Чауки (один из основателей, а затем президент ассоциации «Молодые мусульмане в Италии») в 2013 г. стал депутатом итальянского парламента от Демократической партии. Примечательно, что одновременно с 2008 г. он был лидером организации «Второе поколение молодых демократов» – молодежного крыла Демократической

партии. Это, несомненно, подчеркивает важность второго поколения мусульманских мигрантов для сферы публичной политики.

Другой пример политической активности мигрантов – организация «Сеть второго поколения» (The Rete G2 – Seconde Generazioni). Эта неправительственная организация создана в 2005 г. и действует на национальном уровне. Она объединяет тех детей мигрантов и беженцев из разных регионов мира (18-35 лет), кто родился или вырос в Италии. Организация занимается продвижением интересов второго поколения мигрантов, например добивается автоматического предоставления гражданства и равных прав детям мигрантов, рожденным в Италии, продвигает идею итальянской идентичности как результата взаимодействия множества культур, выступает за адаптацию системы школьного образования к нуждам мигрантов. Организация проводит встречи с политиками, журналистами и общественными деятелями и даже манифестации в поддержку различных политических идей [Network G2...]. В настоящее время организация действует во многих городах в центре и на севере Италии (Рим, Милан, Прато, Генуя, Болонья, Феррара и т.д.).

Активно функционирует «Ассоциация итальянцев китайского происхождения», которая стремится мобилизовать всех китайских мигрантов, родившихся или выросших в Италии. Эта организация была создана в 2005 г. и имеет филиалы в Риме, Милане, Генуе, Турине, Болонье, Флоренции и др. Президент «Ассоциации молодых итальянцев китайского происхождения» Марко Вонг стал депутатом регионального парламента во Флоренции, что усиливает политический потенциал этой организации. Ассоциация продвигает идею диалога между вторым поколением китайских мигрантов и политическими институтами, итальянскими и китайскими ассоциациями, знания о китайской культуре и политике мультикультурализма. Ассоциация стремится создать механизмы для отстаивания интересов итало-китайцев [Associna].

Таким образом, в настоящее время основным актором политического процесса в Италии, представляющим интересы иммигрантов, являются неполитические общественные организации, созданные по этническому или религиозному признакам. При этом они уже достаточно хорошо встроены в архитектуру политических отношений в стране. Следующим этапом, по всей видимости, станет появление полноценных политических партий, созданных по этноконфессиональному признаку (например исламской партии).

Специфика политического участия иммигрантов. Необходимо отметить, что в итальянском политическом истеблишменте стали появляться представители иммигрантских сообществ. Так, среди них уже имеются министры (как, например, экс-министр по делам интеграции и иммиграции Сесиль Куэнж), сенаторы (Луис Ореллана), депутаты национального парламента (Халид Чауки), депутаты регионального парламента (Марко Вонг), депутаты муниципалитетов и т.д. В перспективе следует ожидать возрастания политического участия представителей иммигрантов в жизни страны в качестве политиков национального, регионального или муниципального уровней.

В рамках проблемы политического участия иммигрантов важным является вопрос о предоставлении им избирательных прав. Маастрихтский договор 1993 г. ввел институт европейского гражданства, обладателем которого становится каждый гражданин всех государств-членов ЕС. Этот правовой институт наделил граждан ЕС, проживающих в разных государствах-членах, правом избирать и быть избранными на локальных выборах и на выборах в Европарламент, уравнив их в правах с гражданами страны проживания. Это решение напрямую касается некоторых иммигрантских сообществ, в частности почти миллионной общины румын.

В 1994 г. Италия ратифицировала Европейскую конвенцию об участии иностранцев в публичной жизни на местном уровне, которая гарантирует иностранным гражданам свободу слова, собраний и ассоциаций и возможность создания консультативных органов на местном уровне, но без третьей части, наделявшей каждого иностранного резидента пассивным и активным избирательным правом на местных выборах после пяти лет легального проживания в стране [Сапего 2010: 21]. Несмотря на рекомендации институтов ЕС против активно выступают правые партии Италии, и это пока невозможно [Шапаров 2011].

Основной формой политического участия иммигрантов на местном уровне пока остаются консультативные органы. При многих муниципальных советах созданы специальные палаты, включающие представителей локальных этнических ассоциаций (в основном занимающихся содействием своим соотечественникам в поиске жилья, работы и оформлении документов). Они не имеют формального статуса, но муниципальные власти привлекают их к обсуждению и принятию некоторых решений (в Модене, Форли, Новелларе такое сотрудничество реализуется очень успешно). Благодаря данной социально-политической практике взаимодействия органов власти принимающего общества и иммигрантов происходит согласование интересов в принятии решений и обеспечивается постепенное вовлечение иммигрантов в политический процесс. При этом «часть иммигрантов считает данную форму участия переходной мерой и шагом на пути к предоставлению им полных избирательных прав на местных выборах, другие убеждены, что правительство просто предлагает им своеобразную компенсацию, оправдывая свое нежелание предоставить полноценное право голоса» [Сапего 2010: 21].

Иммиграционные процессы скоро будут серьезно влиять на электро-ральное поле и на политический ландшафт в стране. Учитывая, что к середине XXI в. иностранные граждане составят по разным оценкам от 16,2% до 18,4% населения, предоставление им избирательных прав даже на местных выборах изменит расстановку политических сил [Migration in Italy... 2011: 39]. Придется учитывать и специфику политического поведения данной группы, которая будет обусловлена в том числе моделью политического участия, принятой в стране исхода [Чесноков 2010: 14].

Остро на политической повестке в будущем будет стоять вопрос о политических правах многочисленного второго поколения иммигрантов. Италия пока не готова следовать общему тренду европейских стран в на-

делении избирательными правами неграждан, но в Италии активно идет процесс их натурализации. В результате в корпусе полноправных избирателей появляется прослойка «некоренных итальянцев», которые могут иметь различия в политических взглядах с коренным населением. Известно, что натурализовавшиеся граждане из числа иммигрантов, как правило, оказывают поддержку социал-демократическим силам. Поэтому по мере увеличения этой группы избирателей можно прогнозировать рост поддержки Демократической партии Италии. За последние годы число натурализовавшихся иммигрантов в стране выросло с 285,8 тыс. в 2001 г. до 837,5 тыс. чел. в 2013 г. [Dossier... 2014: 14]. Фактически это часть этнических общин, уже обладающая политическими правами и имеющая возможность лоббировать интересы своей диаспоры. Сейчас это лишь 1-2% от электорального корпуса в Италии, но с ростом иммиграции значение этой группы будет возрастать. Она станет важным актором формирования публичной повестки в стране как минимум в сфере иммиграционной и интеграционной политики.

* * *

Подводя итог, следует отметить изменение иммиграционных трендов Италии в течение последних пяти лет. Прежде заинтересованность в иммиграции была обусловлена экономическими интересами (экономический рост), а сейчас в большей степени она детерминирована демографическими факторами (старение населения). Если раньше важнейшими направлениями иммиграции были европейское и азиатское, то теперь в первую очередь африканское. Несколько лет назад основным видом иммиграции было прибытие иностранной рабочей силы, а сегодня – беженцы. Как и в любой стране, иммиграционная политика Италии не свободна от противоречий и конъюнктурных изменений, связанных с расстановкой сил на политической арене. Сейчас она трансформируется в сторону ужесточения и делиберализации. Следует признать, что это не всегда адекватно ситуации.

Стремительный рост культурного разнообразия и числа иммигрантов провоцирует конфликты, порождает проблему ксенофобии и расизма в итальянском обществе. На повестку дня встают вопросы интеграции и социального включения иммигрантов. Столкнувшись с новыми иммиграционными вызовами Италия пытается найти надежные и эффективные способы их преодоления, но на сегодняшний день можно говорить о некотором кризисе иммиграционной и интеграционной политики. Очевидно, что в ближайшей перспективе Италию ждут серьезные перемены в иммиграционной сфере. Хотя *модели иммиграционной политики не могут быть скопированы*, тем не менее российскому государству следует внимательно изучать опыт Италии, чтобы не допустить повторения ее ошибок.

Материал поступил в редколлегию 3.11.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алешковский И.А. 2014. Нелегальная миграция как феномен глобального мира // Век глобализации. № 2. С. 129-136.
- Гребенкина И.В. 2012. Политика Италии в отношении нелегальных мигрантов после «арабской весны»: опыт для России // Вестн. МГИМО. № 1. С. 68-74.
- Животовская И.Г. 2012. Италия: опыт борьбы с нелегальной иммиграцией [Электронный ресурс] URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/italija_opyt_borby_s_nelegalnoj_immigracii_2012-01-13.htm (дата обращения: 11.10.2015).
- Зонова Т.В. 2015. Миграционный аспект глобализации: казус Италии // Науч. диалог. № 1(37). С. 130-138.
- Нестерова Т.П. 2013. Нормативно-правовое регулирование миграционных процессов в Италии в начале XXI века // Науч. диалог. №7 (19). С. 159-177.
- Попова Э.Г. 2010. Иммиграционная политика Италии и возможности ее применения в России : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.05. М. 30 с.
- Сапего Г.П. 2010. Национальное государство перед вызовом транснациональной иммиграции (Италия в общеевропейском контексте) : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. М. 22 с.
- Уровень безработицы в Италии обновил исторический рекорд, 2015 [Электронный ресурс] // РИА «Новости», 7 янв. URL: <http://ria.ru/world/20150107/1041717293.html> (дата обращения: 11.10.2015).
- Харитонов И.Н. 2011. Проблемы интеграции иммигрантов в странах Западной Европы // Социолог. альм. № 2. С. 370-375.
- Хижный Э.К. 2010. Политика поддержки семей с детьми и пожилыми домохозяйцами в Италии [Электронный ресурс] // Demoscope-Weekly. № 435-436, 20 сент. – 3 окт. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0435/analit03.php> (дата обращения: 11.10.2015).
- Царева Е.Ю. 2015. Особенности миграционной политики Италии на современном этапе : автореф. дис. ... канд. полит. наук : 23.00.04. М. 29 с.
- Чесноков А.С. 2010. Специфика политического регулирования иммиграционных процессов в современном мире : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. Екатеринбург. 46 с.
- Шапаров А.Е. 2010. Акторы и механизмы формирования государственной иммиграционной политики развитых стран : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. М. 53 с.
- Шапаров А.Е. 2011. Предоставление избирательных прав негражданам: тенденции и практика // ПОЛИС : Полит. исслед. № 1. С. 177-178.
- Щербакова Е. 2014. ЕС-28: первые демографические итоги 2013 года [Электронный ресурс] // Demoscope-Weekly. № 619-620, 17–30 нояб. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/barom05.php> (дата обращения: 11.10.2015).
- Associna [Электронный ресурс]. URL: <http://www.associna.com> (дата обращения: 11.10.2015).
- Caritas-Migrantes. 2009. Dossier Statistico Immigrazione 2009. XIX Rapporto sull'immigrazione. Roma. 512 p.
- Caritas-Migrantes. 2011. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione. Roma. 512 p.
- Caritas-Migrantes. 2012. Dossier Statistico Immigrazione 2012. XXII Rapporto sull'immigrazione. Roma. 512 p.
- Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti, 2014. Roma. 479 p.
- Eurostat [Электронный ресурс]. URL: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/population/data/database> (дата обращения: 11.10.2015).

Garelli F. 2011. *Religione all'italiana. L'anima del paese messa a nudo*. Bologna : il Mulino. 250 p.

Ginsborg P. 1990. *A History of Contemporary Italy: Society and Politics in 1943-1988*. London : Penguin books. 586 p.

Italy health system review, 2014 [Электронный ресурс] // *Health systems in transitions*. Vol. 16, № 4. URL: www.healthobservatory.eu (дата обращения: 11.10.2015).

King R., Mai N. 2009. *Italophilia meets Albanofobia: paradoxes of assymmetric assimilation and identity processes among Albanian immigrants in Italy* // *Ethnic and racial studies*. Vol. 32, № 1. P. 117-138.

Migration in Italy: Current situation and perspectives, 2011. Rome : International Organization for Migration. 49 p.

Network G2 – Second Generations [Электронный ресурс]. URL: <http://www.secondegenerazioni.it> (дата обращения: 11.10.2015).

Portes A., Rumbaut R.G. 2001. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. New York : Russel Sage Foundation. 430 p.

Scuderi M. 2015. *Interfaith dialogue in Italy: a school project suggestion* // *Ricerche di Pedagogia e Didattica : Journal of Theories and Research in Education* 10, 1. Spec. Iss.: *Religion, Conflict and Education*. P. 169-186.

Social situation in the European Union, 2006. Luxembourg : Eurostat. 169 p.

World Bank [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org> (дата обращения: 11.10.2015).

Zannoni F. 2015. *Young immigrants and religion in Italy: New identities, old stereotypes, an educational challenge* // *Ricerche di Pedagogia e Didattica : Journal of Theories and Research in Education* 10, 1. Spec. Iss. *Religion, Conflict and Education*. P. 131-149.

References

Aleshkovskiy I.A. *Nelegal'naya migratsiya kak fenomen global'nogo mira* [Irregular immigration as a phenomenon of global world], *Vek globalizatsii*, 2014, no. 2, pp. 129-136. (in Russ.).

Associna, available at: <http://www.associna.com> (accessed 11 October 2015).

Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2009. XIX Rapporto sull'immigrazione [Caritas-Migrantes. Statistical dossier on Immigration 2009. XIX Report on Immigration], Roma, 2009, 512 p. (in Italian).

Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2011. XXI Rapporto sull'immigrazione [Caritas-Migrantes. Statistical dossier on Immigration 2011. XXI Report on Immigration], Roma, 2011, 512 p. (in Italian).

Caritas-Migrantes. Dossier Statistico Immigrazione 2012. XXII Rapporto sull'immigrazione [Caritas-Migrantes. Statistical dossier on Immigration 2012. XXII Report on Immigration], Roma, 2012, 512 p. (in Italian).

Chesnokov A.S. *Spetsifika politicheskogo regulirovaniya immigratsionnykh protsessov v sovremennom mire : avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [The specifics of the political regulation of migration processes in the modern world: abstract], Ekaterinburg, 2010, 46 p. (in Russ.).

Dossier Statistico Immigrazione. Dalle discriminazioni ai diritti [Statistical dossier on Immigration. From the discrimination to the rights], Roma, 2014, 479 p. (in Italian).

Eurostat, available at: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/population/data/database> (accessed 11 October 2015).

Garelli F. *Religione all'italiana. Lanima del paese messa a nudo* [The Italian way to religion. Discovering the spiritual side of the country], Bologna, il Mulino, 2011, 250 p. (in Italian).

Ginsborg P. *A History of Contemporary Italy: Society and Politics in 1943-1988*, London, Penguin books, 1990, 586 p.

Grebenkina I.V. *Politika Italii v otnoshenii nelegal'nykh migrantov posle «arabskoy vesny»: opyt dlya Rossii* [Policy of Italy in regard of irregular migrants after the «Arab spring»: the experience for Russia], *Vestn. MGIMO*, 2012, no. 1, pp. 68-74. (in Russ.).

Italy health system review, *Health systems in transitions*, 2014, vol. 16, no. 4, available at: www.healthobservatory.eu (accessed 11 October 2015).

Kharitonov I.N. *Problemy integratsii immigrantov v stranakh Zapadnoy Evropy* [The problems of the Integration of Immigrants in the Western Europe, 2011], *Sotsiolog. al'm.*, 2011, no. 2, pp. 370-375. (in Russ.).

Khizhnyy E.K. 2010. *Politika podderzhki semey s det'mi i pozhilymi domochadtsami v Italii* [The policy of supporting of the families with children and older members in Italy], *Demoscope-Weekly*, 2010, no. 435-436, 20 September – 3 October, available at: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0435/analit03.php> (accessed 11 October 2015). (in Russ.).

King R., Mai N. Italophilia meets Albanofobia: paradoxes of assymmetric assimilation and identity processes among Albanian immigrants in Italy, *Ethnic and racial studies*, 2009, vol. 32, no. 1, pp. 117-138.

Migration in Italy: Current situation and perspectives, Rome, International Organization for Migration, 2011, 49 p.

Nesterova T.P. *Normativno-pravovoe regulirovanie migratsionnykh protsessov v Italii v nachale XXI veka* [Legal and Regulatory Framework for Migration Processes in Italy in Early XXI Century], *Nauch. dialog*, 2013, no. 7(19), pp. 159-177. (in Russ.).

Network G 2 – Second Generations, available at: <http://www.secondegenerazioni.it> (accessed 11 October 2015).

Popova E.G. *Immigratsionnaya politika Italii i vozmozhnosti ee primeneniya v Rossii : avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [The Immigration policy of Italy and possibility of its implementation in Russia: abstract], Moscow, 2010, 30 p. (in Russ.).

Portes A., Rumbaut, R.G. *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. New York, Russel Sage Foundation, 2001. 430 p.

Sapego G.P. *Natsional'noe gosudarstvo pered vyzovom transnatsional'noy immigratsii (Italiya v obshcheevropeyskom kontekste) : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [The national state before the call to Transnational Immigration (Italy in the European context) : abstract], Moscow, 2010, 22 p. (in Russ.).

Scuderi M. Interfaith dialogue in Italy: a school project suggestion, *Ricerche di Pedagogia e Didattica: Journal of Theories and Research in Education*, 2015, vol. 10, no.1, spec. iss., pp. 169-186.

Shaparov A.E. *Aktory i mekhanizmy formirovaniya gosudarstvennoy immigratsionnoy politiki razvitykh stran : avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk* [Actors and the mechanisms of formation of the state immigration policies of developed countries: abstract], Moscow, 2010, 53 p. (in Russ.).

Shaparov A.E. *Predostavlenie izbiratel'nykh prav negrazhdanam: tendentsii i praktika* [The submitting of the electoral rights for the residents without citizenship: the trends and practice], *POLIS : Polit. issled.*, 2011, no. 1, pp. 177-178. (in Russ.).

Shcherbakova E. *ES-28: pervye demograficheskie itogi 2013 goda* [EU-28: the first demographical results of 2013], *Demoscope-Weekly*, 2014, no. 619-620, 17–30 Nov., available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0619/barom05.php> (accessed 11 October 2015). (in Russ.).

Social situation in the European Union, Luxembourg, Eurostat, 2006, 169 p.

Tsareva E. Yu. *Osobennosti migratsionnoy politiki Italii na sovremennoy etape : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [The features of the Italian migration policy at the modern stage: abstr. of diss.], Moscow, 2015, 29 p. (in Russ.).

Uroven' bezrabotitsy v Italii obnovil istoricheskiy rekord [The level of unemployment in Italy renews the historical record], *RIA «Novosti»*, 2015, 7 January, available at: <http://ria.ru/world/20150107/1041717293.html> (accessed 11 October 2015). (in Russ.).

World Bank, available at: <http://www.worldbank.org> (accessed 11 October 2015).

Zannoni F. Young immigrants and religion in Italy: New identities, old stereotypes, an educational challenge, *Ricerche di Pedagogia e Didattica: Journal of Theories and Research in Education*, 2015, vol. 10, no.1, spec. iss., pp. 131-149.

Zhivotovskaya I.G. *Italiya: opyt bor'by s nelegal'noy immigratsiyey* [Italy: the experience of fighting against illegal immigration], available at: http://www.perspektivy.info/rus/gos/italija_opyt_borby_s_nelegalnoj_immigraciyey_2012-01-13.htm (accessed 11 October 2015). (in Russ.).

Zonova T.V. *Migratsionnyy aspekt globalizatsii: kazus Italii* [The migration dimension of globalization: the case of Italy], *Nauch. dialog*, 2015, no. 1(37), pp. 130-138. (in Russ.).

Vasil T. Sakaev, Candidate of History, Associate Professor, Doctorate of the Department of Political Science, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan.
E-mail: sakaev2003@mail.ru

IMMIGRATION IN ITALY: ASPECTS OF POLITICAL DEMOGRAPHY

Abstract: The article investigates the phenomenon of immigration in Italy, seeking a comprehensive explanation of the political and demographic aspects. It examines the demographic situation in the Italian Republic and explains the specific characteristics, factors and trends (low fertility, increasing life expectancy, and an aging population). It asserts that the relationship between demographics and migration processes in the past, present and future is determined by the need for immigration as a mechanism for social and economic development in Italy. The article reveals the dynamics, trends and development stages of the immigration processes in Italy from the 1980s to the present day taking into consideration ethnic and confessional structure of immigration, as well as ethnic characteristics of immigrant employment in the economy. The article emphasizes the study and analysis of the transformation of immigration policy, including the identification of its stages and patterns, reasons and characteristics of legislation. Special attention is given to the new challenges posed by the problem of refugees and illegal trafficking of people in the Mediterranean region after 2011. In conclusion, the author defines the importance of immigration issue for internal politics in Italy, describing the specifics of the integration of different migrant generations and highlighting the problems faced in relation to the political participation of immigrants in present time and in the future.

Keywords: Italy, demography, immigration, immigration policy, political demography.

Научный ежегодник Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
2016. Том 16. Вып. 1, с. 135–149
<http://yearbook.uran.ru>

САМОУПРАВЛЕНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В КАНАДЕ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ДИНАМИКА ПРАВОВОЙ БАЗЫ

УДК 342.25

Александр Алексеевич Ларичев

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой конституционного и муниципального права
Карельского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Петрозаводск.
E-mail: alexander.larichev@gmail.com

В статье рассмотрены особенности развития института самоуправления коренных народов Канады. Автором проведен анализ историко-правовых основ самоуправления коренных народов, а также система самоуправления индейцев, созданная в соответствии с действующим законодательством. Также отслежена динамика конституционно-правовых основ самоуправления коренных народов на современном этапе, выявлены модели развития института самоуправления в соответствии с господствующими политико-правовыми подходами к решению данного вопроса. Автор отмечает, что несмотря на значительные положительные изменения в отношении объема и содержания прав на самоуправление коренных народов Канады, в том числе расширение их на другие конституционно признаваемые этнические группы (метисов и инуитов), на сегодняшний день сохраняется ряд нерешенных проблем как правового, так и теоретического характера. Формы самоуправления коренных народов нуждаются в оптимизации с учетом мирового опыта в рассматриваемой сфере.

Ключевые слова: самоуправление коренных народов, опыт Канады, правовая база, концептуальные подходы.

Рассматривая формы самоуправления в Канаде, включая местное самоуправление, нельзя не остановиться на анализе самоуправления коренных народов Северной Америки, проживающих на территории страны. С правовой и политической точек зрения, автономия на решение местных вопросов данной группой населения отличается от юридической конструкции и источника муниципальной власти.

Конституционный Акт Канады 1982 г. [Constitution Act 1982] относит к коренным народам индейцев, эскимосов («инуитов») и метисов (ч. 2 ст. 35). В настоящее время в отношении индейцев более употребительным является словосочетание «Первые народы» («Первые нации», «First Nations»), что отражает многообразие индейских племен, а также нивелирует расовую окраску и известную ошибочность применяемого изначально термина. То же касается и эскимосов, которые в настоящее время во всех официальных юридических источниках именуется исходя из самоназвания этнической группы – «инуитами».

После колонизации земель Северной Америки существовавшие ранее у коренных народов институты политической организации и власти европейские государства долгое время игнорировали и подавляли [Wherrett 1999]. Вместе с тем уже в 1763 г. в Королевской прокламации Георга III была осуществлена попытка определения прав индейцев. В качестве одной из мер прокламацией устанавливалась линия, за которой колонистам запрещалось строительство новых поселений. В настоящее время продолжается дискуссия о том, являлся ли указанный документ временной уловкой Британского правительства, которая помогла снять напряжение между колонистами и индейцами, либо это было четким юридическим признанием за индейцами права на самоуправление на территориях их традиционного проживания [Calloway 2006: 93].

Так или иначе данный документ часто цитируют для обоснования права на самоуправление коренных народов в части формального признания его со стороны государства. Ссылка на Прокламацию дана в ст. 25 Хартии прав и свобод, которая является частью Конституции Канады.

Конституционный Акт Канады 1867 г. отнес статус индейцев и их земель к предмету ведения федерации (п. 24 ст. 91). Таким образом, в отличие от института местного самоуправления, который находится в исключительном ведении провинций и территорий (п.8 ст.92), вопросы автономии индейцев, в том числе территориальной, регулирует федеральный центр. Что касается метисов и инуитов, то их статус до недавнего времени фактически находился вне рамок конституционного и законодательного регулирования. На современном этапе их правовое положение также вызывает ряд вопросов.

В период после принятия Конституционного акта в 1871–1927 гг. федеральное правительство проводило активную работу по заключению с индейскими племенами договоров о цессии земель («The Numbered Treaties») [The Numbered Treaty... 2015]. Целью этих договоров было расширение территории Канадского доминиона и заселение новых земель колонистами. В обмен на уступку земель индейские племена получали материальную и ин-

фраструктурную помощь. Большинство договоров для коренного населения предусматривались различные льготы, включая освобождение от налогов. Однако на практике многие положения этих документов правительство нарушало. Наиболее ярким примером стало внедрение школ-интернатов вместо автономной системы образования для обучения детей индейцев, имевшее катастрофические последствия для многих племен [Carr-Steward 2001: 138].

Положения договоров с разными племенами также существенно различались по содержанию и не решали ряд важных вопросов, касающихся организации жизни индейских общин. В качестве попытки установить четкие «правила игры» в отношении коренного индейского населения в 1876 г. был принят федеральный закон – Акт об индейцах [Indian Act 1985], заменивший фрагментированное законодательство провинций (колоний до образования Конфедерации в 1867 г.). Этот Акт об индейцах, хотя и со значительными изменениями, действует до сих пор.

Актом прежде всего было введено понятие регистра индейцев (ст. 5), внесение в который распространяло на них права и обязанности, устанавливаемые законодательно. В отличие от США, где признание прав индейских племен может определять в том числе и правительство штата [Koenig, Stein 2008], введение регистра в Канаде является исключительной прерогативой федерального центра.

Актом также было дано определение «группы» (band) и «резервации» (reserve). Под «группой» понимается сообщество этнических индейцев. Следует отметить, что в отличие от законодательства ряда стран (включая Российскую Федерацию), где община коренных малочисленных народов отнесена к одному из видов некоммерческих организаций [Федеральный закон № 7-ФЗ 1996: ч. 3 ст. 2], в Канаде «группа» не является формой юридического лица. Она – особая самоуправленческая единица, признанная в качестве таковой правительством.

При этом «группой» может быть как отдельная, компактно проживающая община, так и совокупность граждан, рассредоточенных по территории, но имеющих принадлежность к «группе».

Несколько «групп» могут объединяться в так называемые «советы племен» (tribal councils). Однако подобные организации Актом об индейцах не регулируются. Их состав и функции определяются исключительно соглашениями групп, желающих образовать соответствующие союзы. Вместе с тем известна практика передачи некоторых функций органов управления группами советам племен [Joseph R., Joseph C.F. 2005].

В соответствии с законодательством и заключенными договорами, «группе» предоставляются участки земли – «резервации» и для расселения, и для иных нужд – охоты, рыболовства, земледелия. Многие «группы» осуществляют контроль над несколькими резервациями.

По смыслу положений Акта, земли резерваций принадлежат Короне (государству) и предоставляются сообществам индейцев (либо отдельные участки в их пределах – индивидуальным лицам) не в собственность, а в пользование. Министр профильного государственного органа – Департамента по

вопросам коренных народов и Севера (далее – Департамент) [Indigenous... 2016] , может выдавать сертификаты временного (occuration) либо постоянного (possession) пользования землями в резервациях, определять содержание предоставляемых ими прав, продлевать и аннулировать их (ст. 20). Право пользования землей должно быть подтверждено решением совета группы.

Наследники пользователя имеют возможность претендовать на продление соответствующего права, однако оно по смыслу закона не происходит автоматически (ч. 5 ст. 20).

Пользователь, либо группа лиц, не имеют права сдавать земли резервации в аренду, заключать иные договоры, касающиеся их использования лицами, не являющимися членами группы (ч. 1 ст. 28). Соответствующее разрешение может выдавать Министр на срок до одного года, или с разрешения совета группы на более длительный период (ч. 2 ст. 28). Согласно ст. 29 Акта, земли в резервациях не подлежат аресту или отчуждению по решению суда.

Индеец, теряющий право проживания на территории резервации, теряет и право пользования предоставленными ему землями. При этом ему предоставляется право в течение шести месяцев определить члена группы, которому переходят права пользования, либо передать данное право группе в целом (ч. 1 ст. 25). При отчуждении земель, на которых индейцем были произведены улучшения, соответствующему пользователю может выплачиваться компенсация (по решению Министра, либо из бюджета группы, либо новым пользователем) (ч. 2 ст. 25).

Группа индейцев имеет собственные органы управления, включая совет группы (band council), возглавляемый выборным вождем (chief) (ст. 74). Хотя Актом подробно расписана процедура формирования органов управления группой, положение в ч. 1 ст. 2 Акта делает данные процедуры «модельными», рекомендательными, поскольку в указанной статье определяется возможность формирования органов на основе «традиций» группы.

По мнению Дж. Грехема, предусматриваемая вариативность приводит к различным злоупотреблениям, когда должности вожди получают исключительно по наследству, а количество членов совета, занимающих оплачиваемые должности, и их процентное соотношение к представляемому населению превышает все мыслимые ограничения, устанавливаемые в Канаде для традиционных органов местного самоуправления [Graham 2010: 2]. В отличие от муниципальных органов деятельность органов индейских групп не подлежит контролю либо надзору со стороны комиссий по этике и специализированных судебных органов [Graham 2010: 2]. Субъектами контроля за деятельностью групп являются профильные федеральные органы государственной власти, однако в основном этот контроль сводится к наблюдению за расходованием бюджетных средств, выделяемых группам на различные нужды.

Недостаток контроля за внутренними управленческими процедурами компенсируется слабой автономией групп в отношении решения местных вопросов. Несмотря на то, что перечень вопросов, решаемых группами в

пределах резерваций, намного шире чем перечень, закрепляемый за органами местного самоуправления в большинстве провинций и территорий, фактическая их реализация ограничена необходимостью соблюдения предписаний правительства или Департамента (ст. 73, ч. 1 ст. 81, ч. 5 ст. 83 Акта об индейцах), либо согласования решений с соответствующими федеральными органами власти (ч. 4 ст. 83).

Автономия групп в решении местных вопросов также подрывается в реальности тем фактом, что у групп отсутствуют либо присутствуют в незначительном количестве собственные доходы. В соответствии с Актом об индейцах (ст. 87), «статусные» индейцы освобождаются от устанавливаемых федерацией и ее субъектами налогов (в частности налогов на доходы, собственность, наследство и т.д.). В то же время сами группы редко используют право на установление собственной системы налогообложения (ч. 1 ст. 83) на территории резерваций.

Освобождение от налогов среди представителей Первых народов считается одним из немногих привилегий, которых они добились в борьбе за свои права с Канадским государством [Graham 2010: 4]. Таким образом, слабая экономическая и инфраструктурная база приводит за редкими исключениями к серьезной зависимости групп от федеральных трансфертов на решение местных вопросов. Так, например, по данным финансового аудита 2014 г. групп индейцев в провинции Онтарио, собственные доходы групп составляют 31 процент в общей структуре доходов, а федеральное финансирование по различным каналам – 69% [Richards, Krass 2014: 4]. При этом данное значение является медианным, и в ряде случаев федеральная составляющая намного выше.

Поддержку функционирования групп в резервациях осуществляет федеральное правительство по разным направлениям, включая целевые субсидии на реализацию программ образования и здравоохранения, жилищное строительство и т.д. [Milke 2013: 9, 15].

В целом Акт об индейцах, как и система самоуправления, определяемая им, подвержены значительной критике как со стороны представителей коренного населения, так и специалистов.

Наибольшее раздражение коренных этнических групп вызывает деление индейцев на категории «статусных» и «нестатусных». «Нестатусные» индейцы, то есть не занесенные в регистр, не получают специальных прав (резервации земель, освобождения от налогообложения). При этом внесение той или иной группы в регистр отдано на усмотрение правительства Канады.

Кроме того, под действие Акта не подпадают другие конституционно определенные коренные этнические группы – метисы и инуиты. Суды Канады неоднократно признавали [Re Eskimos 1939]; [Daniels v. Canada 2013], что регулирование статуса данных групп населения подразумевается в контексте п. 24 ст. 91 Конституционного акта 1867 г. Однако их взаимоотношения с федеральным правительством продолжают находиться вне рамок, определяемых Актом об индейцах.

Критику также вызывает тот факт, что система резерваций изначально создавалась для скорейшей ассимиляции индейцев в основное население,

чего официальные власти и не скрывали [The Indian Act... 2015]. Многочисленные правовые ограничения, накладываемые на резидентов резерваций (включая рассмотренную выше невозможность полноценного владения землей в пределах резервации), делают жизнь там непривлекательной и подрывают инфраструктурную и экономическую базу самоуправления индейцев.

Попытки реформировать сложившуюся в соответствии с Актом об индейцах систему самоуправления предпринимались неоднократно, особенно активно обсуждение возможных вариантов шло во второй половине XX в. В 1969 г. премьер-министр Канады П. Трюдо выступил с инициативой об отмене самоуправления групп и передаче органам государственной власти провинций функций по жизнеобеспечению населения в резервациях.

План Трюдо [Statement... 1969] содержал такие позитивные меры как отмена дискриминационного разделения индейцев на «статусных» и «нестатусных» и передача земель в резервациях в частную собственность. Эта попытка премьера отменить самоуправление и приравнять правовое положение индейцев к остальным гражданам Канады вызвала недовольство представителей коренного населения.

В ходе конституционной реформы начала 1980-х гг. в ст. 35 Конституционного акта 1982 г. было включено положение о признании «исконных и договорных прав коренного населения» (aboriginal and treaty rights), что привело к дискуссии об утверждении таким образом и права на самоуправление, причем в отношении не только индейцев, но и других конституционно определенных этнических групп.

Вместе с тем в статье не содержится разъяснение состава и содержания указанных прав. В Хартию прав и свобод, которая является составной частью Конституции Канады, в свою очередь, было включено положение о недопущении отмены или умаления соответствующих прав, без их конкретизации (ст. 25).

По мнению канадского конституционалиста П. Хогга, тот факт, что ст. 35 не включена в Хартию прав и свобод, не позволяет рассматривать расширительно соответствующие права, а возможности их защиты ограничены в отличие от индивидуальных прав, закрепленных Хартией [Hogg 2003: 631].

С этим подходом не согласны Т. Мортон и Р. Кнопфф, которые полагают, что ст. 35 следует рассматривать в совокупности с положениями и подходами Хартии к защите индивидуальных прав граждан [Morton, Knopff 2000: 42]. В свою очередь, по мнению К. Макнила, включение положений ст. 35 в основной текст Конституции предполагает наличие в нем права на самоуправление, которое не могло быть зафиксировано в Хартии [McNeil 1996: 67].

Внесение права на самоуправление коренных народов в текст Конституции обсуждалось в ходе переговоров по изменению Конституции в 1987 г. (Мич-лейкское соглашение) и в 1992 г. (Шарлоттаунское соглашение). Однако изменения так и не были реализованы [Wherrett 1999].

С 1995 г. правительство Канады, ссылаясь на ст. 35 Конституционного Акта 1982 г., руководствуется специально разработанной директивой «По-

ложение о неотъемлемом праве на самоуправление» [The Government of Canada... 1995]. Положение ограничивает реализацию данного права моделью, в соответствии с которой соответствующие полномочия делегируются общинам от Короны. Процедура предусматривает заключение специальных договоров с федеральным (в ряде случаев – региональным) правительством.

Положение распространяется в равной степени как на статусных, так и нестатусных индейцев, а также на метисов и инуитов. Что касается индейских групп, то соблюдение процедур и заключение договоров в соответствии с Положением позволяет им выйти из-под регулирования вопросов самоуправления, установленных Актом об индейцах.

По информации Департамента по вопросам коренных народов Севера на 2016 г. правительством было заключено 22 соглашения о самоуправлении, признающих широкий спектр прав этнических групп и распространяющихся на 36 общин коренных народов по всей Канаде.

18 из 22 соглашений являются частями так называемых «всеобъемлющих соглашений о разделе собственности на земли» [Fact Sheet... 2016]. С учетом этого следует отметить, что земельные вопросы во многих случаях являются основным драйвером договорного процесса, что влечет за собой восприятие института самоуправления в качестве прикладного (и подчас вторичного) инструмента для решения хозяйственных вопросов на «отстаиваемой» территории, а не самостоятельной формы выражения особого статуса коренных народов в целях сохранения их культуры и традиций.

Результатом соглашений тем не менее стало появление новых единиц самоуправления как общинного типа, так и более крупных, включая создание в 1999 г. новой территории в составе Канады – Нунавута (региона преимущественного проживания инуитов).

В Квебеке из-под действия Акта об индейцах выведено девять общин племени Кри. В настоящее время объединение общин в субрегиональное правительство регулирует договор 2008 г.

Еще одной формой самоуправления являются так называемые «секторальные соглашения», предусматривающие не полный, а частичный вывод регулирования местных вопросов из-под действия Акта об индейцах. Примером такого подхода может быть соглашение по вопросам образования с племенем Ми'кмак в провинции Новая Шотландия.

Разработанный правительством модельный Порядок землепользования позволяет присоединившимся к нему группам, находящимся под юрисдикцией Акта, использовать альтернативный механизм, считающийся «более эффективным» [Fact Sheet... 2016].

Несмотря на изменение политики федерального центра по отношению к коренным народам дискуссия вокруг возможных форм их автономии и самоуправления продолжается.

Очевидно, что политика федерального центра нацелена на оформление самоуправления индейцев и иных коренных этнических групп в виде *территориальных автономий* с различным статусом – от муниципального до субрегионального.

Примером такой автономии, помимо вышеуказанных, является округ самоуправления индейцев Сешелт, созданный на территории провинции Британская Колумбия в соответствии с федеральным законом [Sechelt Indian Band... 1986] еще до принятия «Положения о неотъемлемом праве на самоуправление». Несмотря на более высокий статус (наличие собственной «конституции», расширенные полномочия органов управления и возможность принимать собственные законодательные акты) Сешелт фактически смоделирован по типу муниципалитета с особым статусом.

В качестве примера двухуровневой модели самоуправления можно привести административный округ Кативик (Administration régionale Kativik) в провинции Квебек, являющийся территориальной формой субрегионального самоуправления инуитов. В состав округа помимо «неинкорпорированных» территорий (то есть не имеющих автономного местного самоуправления) входят и отдельные муниципалитеты, образованные по национальному принципу [Kativik... 2016].

Процесс формирования территориальных автономий коренных народов различных типов можно считать положительным, поскольку, во-первых, он с учетом динамики конституционного регулирования распространяется не только на индейцев, но и на иные в прошлом игнорируемые группы коренного населения: инуитов и метисов. Во-вторых, диверсификация территориальной организации, институциональных форм и функционального наполнения самоуправления коренных народов является положительным фактором потому, что позволяет внедрить оптимальные механизмы самоуправления с учетом конкретных условий жизнедеятельности тех или иных этнических групп.

Такой подход вместе с тем вызывает критику сторонников более «глубокой» автономии коренного населения. Причиной недовольства является фактическая подчиненность создаваемых автономий не только федеральному центру, но и провинциям, на территориях которых они создаются.

Как указывалось выше, с конституционной точки зрения, формы самоуправления коренных народов должен регулировать исключительно федеральный центр. При этом создание административно-управленческих единиц на территории провинций, не подпадающих под действие Акта об индейцах, влечет за собой распространение на них регионального законодательства (что, например, видно по формулировкам того же федерального закона о самоуправлении Сешелт) [Sechelt Indian Band... 1986: 38].

Тенденция к усилению роли провинций в решении вопросов коренного населения находит правовую поддержку. Так, изначально, согласно ст. 88 Акта об индейцах, только имевшее «общий характер» законодательство провинций могло затрагивать статус индейцев. Исходя из трактовки этой статьи, данной Верховным судом Канады в ряде решений [Kruger v. R 1978]; [Dick v. R 1985], региональные законы, регулирующие отдельные аспекты прав коренных народов, не противоречат Конституции в силу того, что «лишь малочисленная часть актов может носить действительно универсальный характер». Применительно к инуитам и метисам нет и этих законодательных ограничений [Hogg 2003: 598-599].

С другой стороны, участие провинций и территорий в формировании территориальных автономий коренных народов оправдано тем фактом, что их появление влечет за собой изменение правового статуса земельного фонда, динамику финансовой и материальной инфраструктуры регионов, планирования и управления их социально-экономическим развитием.

По мнению Т. Даст, серьезную роль в рассматриваемом процессе должны играть и муниципалитеты, интересы которых при создании новых административно-территориальных единиц самоуправления коренного населения затрагиваются в первую очередь. Муниципалитеты помимо согласования условий по решению местных вопросов на «отделяемых» территориях должны иметь право на получение компенсации выпадающих доходов от сбора налогов и перестройки механизма муниципального управления в новых условиях [Dust 1995: X].

Тенденция по встраиванию «самоуправления» в существующую систему государственного и муниципального управления Канады (пусть и с определенными оговорками), безусловно, не может радовать также ту часть представителей коренного населения, которую в принципе не устраивает их субординация Канадскому государству.

Как считает Дж. Уерретт, некоторые коренные народы указывают на самоуправление как на «врожденное» право, возникшее в результате долговременного владения и управления землями до прибытия европейских колонистов. Суверенитет и самоуправление является, по их мнению, обязанностями, налагаемыми на них Творцом и духовной связью с землей [Wherrett 1999].

По мнению К. Эткин, противоречие в подходах к самоуправлению обусловлено не только спором о его источнике, но и разным политическим, правовым и экономическим мировоззрением у представителей коренных народов и потомков британских и французских колонистов. К формам и системам самоуправления коренных народов неприменимы либо не всегда применимы стандарты «собственности на землю», «демократических выборов» и прочие атрибуты общественного и экономического строя, навязываемые Канадским государством [Etkin 1988: 75-76]. На схожую проблему указывают и специалисты, изучающие статус аборигенного населения в США [Wrone 1986].

Не удивительно, что в современной Канаде присутствуют группы коренного населения, не приемлющие договорные или законодательные формы получения автономии на условиях, согласуемых с правительством Канады.

Так, например, в 2014 г. индейское племя Нипписинг в провинции Онтарио приняло собственную конституцию [Nippising First Nation... 2014] в обход Акта об индейцах и федерального Положения о самоуправлении. Пока этот документ еще не обжалован в суде. Его конституционность и значимость для процесса развития института самоуправления коренных народов в Канаде предстоит оценить в будущем.

Таким образом, следует отметить, что становление и развитие института самоуправления коренных народов в Канаде имеет длительную историю. Отмечено это борьбой не только за осуществление связанных прав, но

и за признание представителей соответствующих народов в качестве полноправных участников договорных процессов в сфере государственного и общественного строительства в целом.

От ситуации, при которой в условиях неравности сторон договорного процесса Короной принимались односторонние решения относительно статуса коренных народов и пределов их автономии, эволюция политико-правовой среды Канады привела к становлению более зрелых форм самоуправления аборигенных народов и оформлению договорных отношений между ними и Канадским государством на новых, более справедливых условиях.

Вместе с тем отсутствие четкого представления о содержании категорий «самоуправление» и «право на самоуправление», концептуальных подходов к его фактическому воплощению приводит к «сползанию» внедряемых на практике форм к традиционным механизмам регионального, субрегионального и муниципального управления Канады. Это вызывает отторжение у части коренного населения, не желающего встраиваться в действующий государственно-управленческий механизм.

Канадское государство, как и ранее, продолжает определять «правила игры», выработывая и предлагая доступные коренным народам формы самоуправления. Налицо также попытка со стороны органов государственной власти федерации и провинций тщательно регулировать строение и функционирование создаваемых институтов, что не соответствует самому принципу «самоуправления».

Как верно отмечает профессор В.А. Кряжков, применительно к российскому опыту правового регулирования статуса общин коренных малочисленных народов «чрезмерная подробность и жесткость урегулирования порядка внутренней организации и деятельности общины... противоречит праву на общественное (общинное) самоуправление... Вопросы членства, условия пребывания в общине (в том числе ведения каждым ее членом традиционного образа жизни и осуществления традиционного хозяйствования), выхода из нее – внутренние вопросы самой общины как формы самоорганизации лиц, в нее входящих...» [Кряжков 2015: 49-58].

Еще одной проблемой для развития институтов самоуправления коренных народов в Канаде является отсутствие четкого закрепления права на самоуправление в Конституции, а соответственно и системы гарантий реализации этого права, определяемых конституционно. В свете этого представляется, что суды Канады, в частности и Верховный суд, обладающий широкими полномочиями по трактовке конституционных положений, должны взять на себя более активную роль по уточнению содержания «аборигенных прав», в том числе права на самоуправление.

Следует отметить, что в процессе поиска ответов на решение проблемы самоуправления коренных народов как в правовой и политической науке, так и в официальной аналитике Канады, принято опираться на внутренние источники без ссылки на международные акты и зарубежный опыт в соответствующей сфере.

Более того, Канада несмотря на положительную риторику в отношении разработки международных документов, касающихся статуса аборигенных

народов, отказалась внедрять положения большинства из них, включая Декларацию ООН о правах коренных народов 2007 г., ссылаясь на то, что стандарты обеспечения прав этих этнических групп, включая право на самоуправление, в соответствии с национальным законодательством являются более высокими [Lightfoot 2010: 96], а ряд принципиальных положений Декларации ООН противоречит Конституции Канады [Open Letter... 2008].

В частности, правительство Канады не устраивает необходимость проведения обязательных консультаций с коренными народами перед принятием решений по общеполитическим вопросам, которые могут затрагивать их статус (ст. 19), а также устанавливаемая Декларацией возможность для коренных народов требовать реституции прав на земли или получение компенсации за них (ст. 26, 28) [Factbox... 2015]. Это может привести к пересмотру итогов уже заключенных договоров и соглашений.

Проанализированный опыт развития института самоуправления коренных народов в Канаде показывает, что реальность далека от идеальной картины «высоких стандартов» реализации соответствующего права, видения которой придерживается правительство. Представляется в связи с этим, что работа по внедрению международных стандартов должна проводиться, поскольку ситуация с самоуправлением коренных народов в Канаде является пусть и своеобразной, но не уникальной, и имеет потенциал к разрешению на основе комплексного подхода, с учетом в том числе анализа мировых тенденций в указанной сфере.

Материал представлен в редколлегию 09.09.2015 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Кряжков В.А. 2015. Законодательство об общинах коренных малочисленных народов севера как развивающаяся система // Государство и право. № 11. С. 49-58.
- Calloway C. 2006. *The Scratch of a Pen: 1763 and the Transformation of North America*. New York : Oxford Univ. Press. 219 p.
- Carr-Steward S. 2001. A Treaty Right to Education // *Canadian Journal of Education*. Vol. 26, № 2. P. 125-143.
- Dust T. 1995. *The Impact of Aboriginal Land Claims and Self-government on Canadian Municipalities: The Local Government Perspective / Intergovernmental Committee on Urban and Regional Research Project*. September 1995. Toronto : ICURR PRESS. 82 p.
- Etkin C. 1988. *The Sechelt Indian Band: An Analysis of a New Form of Native Self-Government* // *The Canadian Journal of Native Studies*. Vol. 8, № 1. P. 73-105.
- Factbox: What is the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.canada.com/nationalpost/news/story.html?id=eec0b550-e95a-492b-8801-6ede20a2d35e> (дата обращения: 28.12.2015).
- Fact Sheet: Aboriginal Self-Government, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1100100016293/1100100016294> (дата обращения: 07.01.2016).
- Graham J. 2010. *The First Nation Governance System: A Brake on Closing the Community Well-being Gap / Institute on Governance*. Ottawa. 10 p.
- Hogg P. 2003. *Constitutional Law of Canada*. Scarborough, Ontario : Thomson Canada Limited. 1357 p.

Indigenous and Northern Affairs Canada, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1100100010002/1100100010021> (дата обращения: 06.01.2016).

Joseph R., Joseph C.F. 2005. *Indigenous Corporate Training: Working Effectively with Aboriginal People*. Port Coquitlam, BC : Indigenous Corporate Training. 182 p.

Kativik Regional Government, 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krg.ca> (дата обращения: 09.01.2016).

Koenig A., Stein J. 2008. *Federalism and the State Recognition of Native American Tribes: A Survey of State-Recognized Tribes and State Recognition Processes across the United States* // *Santa Clara Law Review*. Vol. 48, № 1. P. 77-153.

Lightfoot S. 2010. *Emerging International Indigenous Rights Norms and «Over-compliance» in New Zealand and Canada* // *Political Science*. Vol. 62, № 1. P. 84-104.

McNeil K. 1996. *Aboriginal Governments and the Canadian Charter of Rights and Freedoms* // *Osgoode Hall Law Journal*. Vol. 34, № 1. P. 61-99.

Milke M. 2013. *Ever Higher: Government Spending on Canada's Aboriginals Since 1947*. Vancouver : Fraser Institute. 46 p.

Morton F.L., Knopff R. 2000. *The Charter Revolution and the Court Party*. Toronto : Broadview Press. 227 p.

Nipissing First Nation Passes First Ontario Aboriginal Constitution, 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cbc.ca/news/canada/sudbury/nipissing-first-nation-passes-first-ontario-aboriginal-constitution-1.2505488> (дата обращения: 04.01.2016).

Open Letter–UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples Canada Needs to Implement This New Human Rights Instrument, 2008 [Электронный ресурс] // *NationTalk*. URL: <http://www.nationtalk.ca/modules/news/article.php?storyid=9167> (дата обращения: 07.01.2016).

Richards J., Krass M. 2014. *First Nations Own-Source Revenue: How is the Money Spent?* Toronto : C.D. Howe Institute. 18 p.

Statement of the Government of Canada on Indian policy (The White Paper), 1969 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1100100010189/1100100010191#chp9> (дата обращения: 29.12.2015).

The Government of Canada's Approach to Implementation of the Inherent Right and the Negotiation of Aboriginal Self-Government, 1995 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1100100031843/1100100031844> (дата обращения: 29.12.2015).

The Indian Act: an Indigenous Foundation's overview, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://indigenousfoundations.arts.ubc.ca/home/government-policy/the-indian-act.html#origins> (дата обращения: 28.12.2015).

The Numbered Treaty Overview, 2015 [Электронный ресурс] // *Canada in the making*. URL: http://www.canadiana.ca/citm/specifique/numtreatyoverview_e.html (дата обращения: 25.12.2015).

Wherrett J. 1999. *Aboriginal Self-Government* [Электронный ресурс] / *Library of Parliament*. URL: <http://www.parl.gc.ca/Content/LOP/ResearchPublications/962-e.htm> (дата обращения: 27.12.2015).

Wrone D. 1986. *Indian Treaties and the Democratic Idea* // *Wisconsin Magazine of History*. Vol. 70, № 2. P. 83-106.

Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // *Собрание законодательства Рос. Федерации*. 1996. № 3. Ст. 145.

Constitution Act 1982. *Consolidation of Constitution Acts, 1867 to 1982* [Электронный ресурс] // *Department of Justice of Canada*. URL: <http://laws.justice.gc.ca/eng/Const> (дата обращения: 09.01.2016).

Sechelt Indian Band Self-Government Act 1986, C. 27 [Электронный ресурс]. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/s-6.6/page-3.html> (дата обращения: 11.01.2016).

Indian Act 1985, C. I-5 [Электронный ресурс]. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/i-5/FullText.html> (дата обращения: 03.01.2016).

Daniels v. Canada [2013] FCR 6 [Электронный ресурс]. URL: http://www.blg.com/en/newsandpublications/publication_3794 (дата обращения: 03.01.2016).

Dick v. R [1985] 2 SCR 309 [Электронный ресурс]. URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/89/index.do> (дата обращения: 03.01.2016).

Kruger v. R [1978] 1 SCR 104 [Электронный ресурс]. URL: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/2569/index.do> (дата обращения: 03.01.2016).

Re Eskimos [1939] 2 DLR 417; [1939] SCR 104 [Электронный ресурс]. URL: <http://caid.ca/EskDec1939.pdf> (дата обращения: 03.01.2016).

References

Calloway C. *The Scratch of a Pen: 1763 and the Transformation of North America*, New York, Oxford Univ. Press, 2006, 219 p.

Carr-Steward S. A Treaty Right to Education, *Canadian Journal of Education*, 2001, vol. 26, no. 2, pp. 125-143.

Constitution Act 1982. Consolidation of Constitution Acts, 1867 to 1982, available at: <http://laws.justice.gc.ca/eng/Const> (accessed 9 January 2016).

Daniels v. Canada [2013] FCR 6, available at: http://www.blg.com/en/newsandpublications/publication_3794 (accessed 3 January 2016).

Dick v. R [1985] 2 SCR 309, available at: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/89/index.do> (accessed 3 January 2016).

Dust T. *The Impact of Aboriginal Land Claims and Self-government on Canadian Municipalities: The Local Government Perspective* / Intergovernmental Committee on Urban and Regional Research Project, September 1995, Toronto, ICURR PRESS, 1995, 82 p.

Etkin C. The Sechelt Indian Band: An Analysis of a New Form of Native Self-Government, *The Canadian Journal of Native Studies*, 1988, vol. 8, no. 1, pp. 73-105.

Factbox: What is the Declaration on the Rights of Indigenous Peoples?, available at: <http://www.canada.com/nationalpost/news/story.html?id=eec0b550-e95a-492b-8801-6ede20a2d35e> (accessed 28 December 2015).

Fact Sheet: Aboriginal Self-Government, available at: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1100100016293/1100100016294> (accessed 7 January 2016).

Federal'nyj zakon ot 12 janvarja 1996 goda № 7-FZ «O nekommercheskih organizacijah» [The Federal Law of January 12, 1996 No.7-FZ On Non-Profit Organizations], *Sobranie zakonodatel'stva Ros. Federacii*, 1996, no. 3, art. 145. (in Russ.).

Graham J. *The First Nation Governance System: A Brake on Closing the Community Well-being Gap*/Institute on Governance, Ottawa, 2010, 10 p.

Hogg P. *Constitutional Law of Canada*, Scarborough, Ontario, Thomson Canada Limited, 2003, 1357 p.

Indian Act, RSC 1985, C. I-5, available at: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/i-5/FullText.html> (accessed 3 January 2016).

Indigenous and Northern Affairs Canada, available at: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1100100010002/1100100010021> (accessed 6 January 2016).

Joseph R., Joseph C.F. *Indigenous Corporate Training: Working Effectively with Aboriginal People*, Port Coquitlam, BC, Indigenous Corporate Training, 2005, 182 p.

Kativik Regional Government, available at: <http://www.krg.ca> (accessed 9 January 2016).

Koenig A., Stein J. Federalism and the State Recognition of Native American Tribes: A Survey of State-Recognized Tribes and State Recognition Processes across the United States, *Santa Clara Law Review*, 2008, vol. 48, no. 1, pp. 77-153.

Krjzhkov V.A. *Zakonodatel' stvo ob obshhinah korenykh malochislennykh narodov severa kak razvivajushhajasja sistema* [Legislation on indigenous communities of the North as a developing system], *Gosudarstvo i pravo*, 2015, no.11, pp. 49-58. (in Russ.).

Kruger v. R [1978] 1 SCR 104, available at: <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/scc-csc/en/item/2569/index.do> (accessed 3 January 2016).

Lightfoot S. Emerging International Indigenous Rights Norms and «Over-compliance» in New Zealand and Canada, *Political Science*, 2010, vol. 62, no. 1, pp. 84-104.

McNeil K. Aboriginal Governments and the Canadian Charter of Rights and Freedoms, *Osgoode Hall Law Journal*, 1996, vol. 34, no. 1, pp. 61-99.

Milke M. *Ever Higher: Government Spending on Canada's Aboriginals Since 1947*, Vancouver, Fraser Institute, 2013, 46 p.

Morton F.L., Knopff R. *The Charter Revolution and the Court Party*, Toronto, Broadview Press, 2000, 227 p.

Nipissing First Nation Passes First Ontario Aboriginal Constitution, available at: <http://www.cbc.ca/news/canada/sudbury/nipissing-first-nation-passes-first-ontario-aboriginal-constitution-1.2505488> (accessed 4 January 2016).

Open Letter–UN Declaration on the Rights of Indigenous Peoples Canada Needs to Implement This New Human Rights Instrument, available at: <http://www.nationtalk.ca/modules/news/article.php?storyid=9167> (accessed 7 January 2016).

Re Eskimos [1939] 2 DLR 417; [1939] SCR 104, available at: <http://caid.ca/EskDec1939.pdf> (accessed 3 January 2016).

Richards J., Krass M. *First Nations Own-Source Revenue: How is the Money Spent?*, Toronto, C.D. Howe Institute, 2014, 18 p.

Sechelt Indian Band Self-Government Act, SC 1986, C. 27, available at: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/s-6.6/page-3.html> (accessed 11 January 2016).

Statement of the Government of Canada on Indian policy (The White Paper, 1969), available at: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1100100010189/1100100010191#chp9> (accessed 29 December 2015).

The Government of Canada's Approach to Implementation of the Inherent Right and the Negotiation of Aboriginal Self-Government 1995, available at: <http://www.aadnc-aandc.gc.ca/eng/1100100031843/1100100031844> (accessed 29 December 2015).

The Indian Act: an Indigenous Foundation's overview, available at: <http://indigenousfoundations.arts.ubc.ca/home/government-policy/the-indian-act.html#origins> (accessed 28 December 2015).

The Numbered Treaty Overview, available at: http://www.canadiana.ca/citm/specific/numtreatyoverview_e.html (accessed 25 December 2015).

Wherrett J. *Aboriginal Self-Government* (1999) / Library of Parliament, available at: <http://www.parl.gc.ca/Content/LOP/ResearchPublications/962-e.htm> (accessed 27 December 2015).

Wrone D. Indian Treaties and the Democratic Idea, *Wisconsin Magazine of History*, 1986, vol. 70, no. 2, pp. 83-106.

Alexander A. Larichev, Candidate of Law, Associate Professor, Chair, Department of Constitutional and Municipal law, Karelian Branch of RANEPa, Petrozavodsk.

E-mail: alexander.larichev@gmail.com

SELF-GOVERNMENT OF ABORIGINAL PEOPLES IN CANADA: CONCEPTUAL APPROACHES AND DYNAMICS OF LEGAL FRAMEWORK

Abstract: The article discusses the features of the development of self-government institutions of aboriginal peoples in Canada. The author analyzes the historical and legal basis of aboriginal self-government, as well as the self-government system of Indians, established under the current law. In the article, the dynamics of constitutional and legal foundations of self-government of aboriginal peoples at present stage are also traced, and the models of self-government institutions development are outlined in accordance with the prevailing political and legal approaches to this issue. The author notes that despite significant positive developments in relation to the scope and content of the right to self-government of aboriginal peoples in Canada including the expansion of those on the other constitutionally recognized ethnic groups – Métis and Inuit, – a number of unresolved problems of both legal and theoretical nature remains. Thus, the forms of self-government of aboriginal peoples need to be optimized taking into account international experience in this sphere.

Keywords: self-government of aboriginal peoples; Canadian experience; legal framework; conceptual approaches.

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ЕЖЕГОДНИК
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ И ПРАВА
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Том 16

Выпуск 1

*Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения РАН*

Ответственные за выпуск К.В. Киселев, В.С. Мартьянов, В.В. Эмих

Редактор *В.С. Аллаярова*
Корректоры *А.И. Никонова, Е.М. Олову*
Компьютерная верстка *А.Э. Якубовский*
Дизайн обложки *Е. Ширяевой, «РА4»*

Подписано в печать 10.05.2016 г. Формат 70x100/16
Бумага типографская.
Печать офсетная. Усл.-печ. л. 16,25 Уч.-изд. л. 17,25
Тираж 500 экз. Заказ №

Институт философии и права УрО РАН.
620990. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.

Изготовлено ООО «Издательство УМЦ УПИ»
620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 17, офис 134